Борьба миров

2

Вокруг Света

БОРЬБА МИРОВ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ АЛЬМАНАХ
РЕВОЛЮЦИОННОЙ РОМАНТИКИ
ПРИКЛЮЧЕНИЙ и НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

КНИГА ВТОРАЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ „ВОКРУГ СВЕТА" СЕНТЯБРЬ 1929 г.

СОДЕРЖАНИЕ:

Стр.

Г. ШИЛИН . . . . . КАМО 3
Иллюстрации худ. А. Любимова

А. БЕЛЯЕВ . . . . . ЗОЛОТАЯ ГОРА 33
Иллюстрации худ. Г. Фитингофа.

Ю. ГЕКО . . . . . НАГРАДА ВЕТРОВ 60
Иллюстрации худ. Б. Антоновского

А. ЛОНДР . . . . . ПОБЕГ 69
Перевод с франц. М. Раппепорта. Иллюстрации худ. Королева

П. ВУДХАУЗ . . . . . ШКОЛА ДЕТЕКТИВНЫХ РАССКАЗОВ 99
Перевод с англ. К. Ксаниной. Иллюстрации худ. Б. Антоновского

Обложка работы художника А. Любимова.

Альманах набран, сверстан и отпечатан в типографии им. Володарского.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ.

Рукописи, присылаемые в редакцию „Вокруг света", должны быть четко переписаны на одной стороне листа. К рукописи необходимо прилагать точный адрес автора, откытку или 10-ти коп. марку для ответа. Личный прием в редакции „Вокруг света" — вторник, четверг, суббота с 1 — 3 ч.

Адрес редакции и конторы:
Ленинград, 2, Фонтанка, 57. Телефоны: редакции — 175-38, конторы — 558-21.

Издательство „КРАСНАЯ ГАЗЕТА" Ленинград.

Человек в чернесне увидел людей во внушительнэй форме

Повесть Г. Шилина

Иллюстрации А. Любимова

ЖАРКИМ июльским днем 1904 года из батумской тюрьмы бежал арестант. Растерянный надзиратель, неловко ввалившись в кабинет начальника тюрьмы, доложил о происшествии.

Начальник, собиравшийся в это время к поезду встречать товарища прокурора, перестав застегивать пуговицы на своем кителе, уставился непонимающими глазами на надзирателя.

— То есть, как это — „бежал"? Почему?—И, не дождавшись ответа, закричал: — Чорт знает... чорт знает что! Не охрана, а гимназистки какие-то! Разогнать всех! В карцер, в карцер! — Его лицо покраснело, и аккуратно сделанная прическа почему-то растрепалась.

Пятнадцать лет батумская тюрьма считалась самой надежной во всем Закавказье. Ее репутация была безукоризненна. Побег отсюда мог казаться нелепостью такою же, как появление белого медведя на махинджаурском берегу. И вот. Надо же было случиться такому происшествию как-раз в тот день, когда из Тифлиса ехало начальство!

Начальника тюрьмы не интересовал столько сам побег, сколько его последствия. Глупо и дико. „Здравия желаю, ваше высокоблагородие. Все благополучно. Только час назад сбежал арестант, — специально в честь вашего приезда, ваше высокоблагородие..." Это называется репутацией лучшей тюрьмы!

Он еще не знал имени бежавшего. Для него в эту минуту совершенно безразлично было — кто бежал. Важно, что, будь он хоть кинто, укравший на зеленом базаре корзину мушмули, — важно, что побег портил добрую репутацию такого безупречного места заключения.

— Меры приняты? — глухо спросил начальник тюрьмы, — погоню послали? Двор обыскали?

И, не дождавшись ответа, опять спросил:

— Кто же бежал?

Он почему-то ожидал услышать имя какого-нибудь мелкого жулика, какими была полна в то время тюрьма. Но едва надзиратель назвал имя арестанта — начальник тюрьмы схватился за спинку кресла и беспомощно замерг.л глазами.

— Что?... Что ты сказал? А? — задыхаясь проговорил он.

— Камо.

— Камо? Боже мой, что они со мной делают. Всех выгнать! Всех в тюрьму! В этакий-то день убежал!

Начальник тюрьмы выхватил из портфеля какую-то бумажку и сунул ее надзирателю. Это была телеграмма из Тифлиса, уведомлявшая о том, что в Батум сегодня прибудет товарищ прокурора тифлисского военно-окружного суда, имеющий целью допросить находящегося в батумской тюрьме в предварительном заключении политического преступника Семена Аршаковича Тер-Петросянца, по кличке — Камо.

— Нечего сказать, оказали услугу высшему начальству... „Пожалуйте, ваше высокоблагородие, господин прокурор... Вам надо было бы, знаете ли, поторопиться... Запоздали малость. У нас арестанты — народ важный, и сидят в тюрьме по настроению, мы, ваше высокоблагородие, не указ нашим арестантам. Да-с, не указ".

Взявшись руками за голову, он расхаживал по комнате, бормоча эти слова, и повидимому совсем забыл о поезде, который в эту минуту уже подходил к веселому батумскому вокзалу.

Мысль о побеге казалась начальнику тюрьмы невероятной. Он хотел верить, что произошла какая-то ошибка, недоразумение, и с этим чувством вышел на тюремный двор. Обычная прогулка заключенных, во время которой произошел побег, была прервана, и двор был безлюден и тих. Прямо над головой стояло осиренепевшее солнце, обдававшее землю зноем.

— Я вас спрашиваю,—горестно проговорил начальник тюрьмы, обращаясь к надзирателю в первый раз на „вы", от чего тому стало очень обидно, — я вас спрашиваю, как он мог бежать среди бела дня, на глазах у охраны? Ведь стены — в пять аршин вышиной. Через эти стены можно только перелететь на крыльях. Вот еще кошка, тигр, лев могут перепрыгнуть.

Все надзиратели, караульный начальник и даже солдаты бродили по двору унылые и сконфуженные и были похожи на гончих, из-под самого носа которых улизнул заяц.

И вдруг один из надзирателей, внимательно осматривавший тюремную стену, потрогал ее рукой, кивнул головой караульному начальнику, а потом прокричал:

— Ну да, так оно и есть. Вот как он перемахнул.

Когда все подошли к стене, надзиратель указал на недавно вывалившийся из стены кирпич.

— Тут, помнится мне, был маленький выступ. И как это я не догадался тогда?

— Ну? — угрюмо буркнул начальник тюрьмы, не понимая, что хочет сказать его подчиненный.

— Ну и перемахнул. Когда часовой отвернулся, он дал разбег, впрыгнул на выступ и—готово. Разбег был видимо сильный, — видите, как он выбил ногой кирпич...

В это время на тюремный двор въехал фаэтон, и в фаэтоне сидел военный с большим черным портфелем на коленях.

Ключ аппарата Морзе выстукивал одно и то же имя необычайно часто и с нетерпеливой настойчивостью.

Из Батума в Тифлис, Чакву, Кобулеты, Нотанеби, в Гори, по всем станциям, по всем жандармским отделениям и постам, по всем полицейским управлениям и портам Черного моря неслись телеграммы:

„Бежал важный политический арестант тчк Возраст 22 года тчк Уроженец Гори тчк Семен Тер Петросянц кличка Камо тчк Волосы черные глаза карие коренастый тчк Немедленно арестовать конвоем препроводить батумскую тюрьму тчк"

На всех станциях поезда задерживались дольше обыкновенного, все люди, имевшие отношение к охране существующего порядка, были поставлены на ноги. Никогда так нервно, так часто не вытаскивалась из карманов паспортная книжка, и никогда к лицам людей так близко не подно-

сился фонарь и подозрительные глаза не впивались в волосы и зрачки удивленных людей, как в ту ночь. И никогда люди не чувствовали себя так неловко и беспомощно, где бы ни находились они, — будь то вагон или ночлежный дом, ресторан или железнодорожный буфет,—как в эту ночь. Внезапно умолкала музыка, неловко удивленно прекращались самые невинные разговоры, исчезали улыбки, и глаза толпы тревожно устремлялись в ту сторону, откуда раздавалось вежливое, но многозначительное предупреждение.

— Господа, предъявите ваши документы. Дам просят не беспокоиться.

Разговоры, звуки музыки, звон посуды и улыбки возобновлялись только тогда, когда группа людей внушительной наружности и формы исчезала загадочно и озабоченно за дверью.

Впрочем телеграф работал в ту ночь напрасно, также как напрасно причинено было беспокойство человеческому потоку, расплескавшемуся по станциям, ресторанам, кафе, театрам Закавказья. Человек с черными волосами и карими глазами найден не был.

В ту ночь, когда так усиленно работал телеграф и так настойчиво и безуспешно действовали жандармы, — в ту ночь шел скорый поезд из Батума в Москву. Он оставил позади себя буйную зелень и темный туннель Зеленого мыса, на одну минуту остановился в Чакве, в Кобулетах опять остановился на одну минуту, принял воду и двух пассажиров коротким, торопливым свистком, послав последний привет Черному морю. Полетел дальше, покинув веселые берега древней Колхиды.

С этим поездом возвращался в Тифлис товарищ прокурора, который собирался, но так и не смог допросить политического преступника Петросянца, кличка — Камо.

Товарищ прокурора устал и хотел спать. А кроме того, его беспокоило происшествие в Батуме. „Да конечно, они не виноваты, — думал товарищ прокурора, вспоминая беспомощное лицо начальника тюрьмы.—Неужели его не найдут. Этот Камо может доставить немало хлопот. Удивительный субъект. Такой молодой, почти еще мальчишка, и такой широкий размах. Экспроприация в Квирилах, подкоп под горийское казначейство, организация трех подпольных типографий в Тифлисе, отважное дерзкое наводнение революционной литературой рабочих районов Закавказья, — всюду звучит это странное имя — Камо.

Товарищ прокурора давно знает это имя и всегда представлял обладателя его каким-то косматым великаном, убеленным сединами, начиненным бомбами и пироксилином. И вдруг 22 года...

Мимо прошел кондуктор и объявил название ближайшей станции.

ТОВАРИЩ прокурора снял с себя китель и сел на приготовленную уже постель.

В эту минуту в дверь постучали, и товарищ прокурора поморщился. Надо было подняться с такой уютной и мягкой постели, итти босиком к двери, брр... С неудовольствием взглянул на человека, стоявшего в коридоре, слабо освещенном светом верхнего фонаря. На новом пассажире была надета великолепная черная черкеска, перетянутая поясом с серебряным набором, на котором висел большой в серебряной же оправе кинжал. Черные усы и маленькая бородка придавали лицу этого человека выражение строгости и делали его глаза, как показалось прокурору, немного усталыми и напряженными. Товарищ прокурора снова опустился на постель и молча принялся стаскивать с себя второй сапог.

Новый пассажир вежливо спросил:

— Здесь четвертое купе?

— Да, четвертое.

Он прошел в глубь купе и сел на диван. Затем приподнялся, закрыл дверь и снова сел, умащиваясь поудобнее в углу.

— Из Кобулет? — спросил товарищ прокурора.

— Из Кобулет, — ответил пассажир в черкеске и улыбнулся. Товарищ прокурора посмотрел на него пристально и подумал: „какая у него хорошая

улыбка, как хорошо она освещает его лицо".

— До Тифлиса?

— Да.

Товарищ прокурора поставил на полу рядышком свои сапоги и молча полез под одеяло. Человек в черкеске заложил руки в широкие отвороты рукавов и, откинув голову к стене, закрыл глаза.

В купе номер четыре воцарилось молчание и оно может быть не нарушилось бы до самого Тифлиса, если бы на станции Самтреди поезд не задержали на несколько минут дольше обычной его стоянки.

Когда в двери купе номер четыре осторожно постучали, человек в черкеске открыл глаза и поднялся. Лениво отодвинул дверь и увидел внушительных людей во внушительной форме.

— Извините, пожалуйста, господа, за беспокойство, но у нас есть телеграмма — проверить документы всех пассажиров, едущих в этом поезде. Всего только одна секунда. Разрешите ваши документы.

Человек в черкеске с достоинством, не говоря ни одного слова, опустил руку за пазуху, вынул оттуда бумажник и, достав из бумажника паспорт, предъявил его жандарму. Тот внимательно прочел, едва слышно щелкнул шпорами и сказал:

— Извините, князь... Заставляет обязанность, долг службы, — и обратился к товарищу прокурора.

Когда поезд тронулся, товарищ прокурора с любопытством взглянул на князя.

— Простите, с кем имею честь?

Человек в черкеске опять улыбнулся своей приятной улыбкой, освещавшей все его лицо.

— Князь Девдариани. — И помолчав прибавил: — Не понимаю, зачем вся эта беготня с документами и жандармами.

Прокурор закурил папиросу и повернулся к нему лицом:

— Надо,—сказал он авторитетно,— бежал очень важный преступник, ничего не поделаешь, князь.

— А кто этот важный преступник?

— Террорист-экспроприатор Камо.

— Камо?—удивился князь,— я что-то слышал о нем,

Товарищ прокурора рассказал спутнику о неудаче своей поездки, о дерзости побега среди бела дня, о том, как ненадежен стал административный персонал тюрем и о многих других вещах, почувствовав к своему спутнику внезапную симпатию. Затем они говорили о войне, о начинающейся революции, о жарком лете. У князя был острый язык, мягкие манеры и независимость в убеждениях. Повидимому Девдариани не мог говорить серьезно ни об одной вещи. Для него все было смешно — и война, и поверка документов, и серьезные физиономии жандармов, и взволнованные люди, панически копающиеся в своих бумажниках, и побег арестанта, и беспокойство властей.

За всю дорогу Девдариани не отнесся серьезно ни к одному вопросу, обнаружив однако удивительную способность быстро ориентироваться во всех затронутых темах. Там, где казалось бы вопрос не мог вызвать никакого сомнения в своей очевидности, князь неожиданно вставлял сравнение или какое-нибудь словечко, и вопрос мгновенно приобретал другую окраску.

„Ну, у него и язычек же... Оригинальное движение мыслей",—думал товарищ прокурора, вслушиваясь в беспечный голос князя Девдариани.

Когда поезд входил в Михайловский туннель, разговор в четвертом купе прекратился, и собеседники решили, что перед Тифлисом следует немного отдохнуть. Они легли и проснулись только тогда, когда поезд остановился у перрона тифлисского вокзала.

Прокурор открыл глаза, вылез из под одеяла — взглянул на своего попутчика. Тот, стоя у окна, пристально смотрел на перрон. Повидимому князь Девдариани был озабочен чем-то, вероятно отсутствием людей, которые должны были его встретить.

— Что, приехали, князь? — спросил товарищ прокурора.

Князь вздрогнул, отвернулся от окна и его лицо снова приняло то презрительно-беспечное выражение, которое было у него ночью.

— Приехали, — сказал он весело. — Только нет почему-то моих.

Через пять минут они выходили из вагона, весело болтая. Перрон был переполнен стройными красавцами в синих брюках, сновавшими около вагонов. Трое из них преградили путь пассажирам четвертого купе, но затем один смущенно улыбнулся, молодцевато отдал честь товарищу прокурора и бросился освобождать ему проход в толпе.

— Здравствуй, Максимов! — кивнул ему товарищ прокурора.

— Здравие желаю, ваше высокоблагородие.

— Ничего неизвестно о бежавшем?

— Так точно ничего неизвестно, ваше высокоблагородие.

— Ай-яй-яй...

Товарищ прокурора прошел с князем в буфет. Там они заняли столик, потребовали завтрак. За завтраком жандармский офицер, подошедший к столу, рассказал, что бежавшего из батумской тюрьмы арестанта здесь ждут с поездом, с которым приехал прокурор. Обыск еще не кончен, и что он даст — неизвестно.

— Ничего не даст, — равнодушно сказал князь, — дурак он что ль ехать до самого Тифлиса?

Офицер снисходительно пожал плечами и откланялся.

Когда завтрак был окончен, прокурор, пожимая руку Девдариани, сказал:

— Я хотел бы, князь, встречаться с вами, если только мое общество доставит вам удовольствие. Вот моя карточка.

Князь улыбнулся.

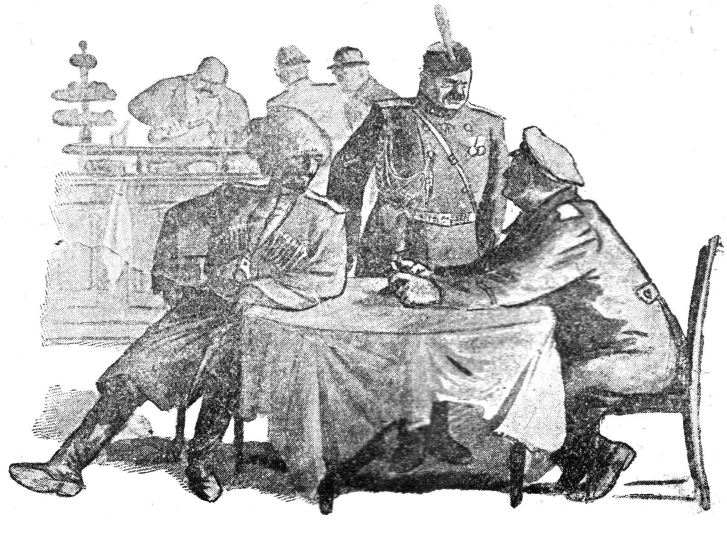
— Конечно, конечно, мы еще с вами встретимся, господин прокурор... Обязательно встретимся.

Они низко поклонились друг другу и расстались.

ДЕЛО о Камо, заведенное в Тифлисском губернском жандармском управлении, оставалось без движения целый год после побега из батумской тюрьмы. Оно лежало в шкафу, под замком, в груде других синих папок, бережно хранивших летопись жизни неведомых людей, и ждало того, кто был причиной возникновения этого дела.

Но человека не было. Он бежал из Батума в Тифлис. Дальше следы терялись. Поиски не дали никаких результатов.

И только в декабре 1905 года следователь по особо-важным делам снова извлек дело из шкафа, чтобы пополнить его новыми данными. Революционная литература, какие-то подозрительные рабочие собрания на Нахаловке в депо, таинственная подпольная типография, намеки на какие-то транспорты какого то оружия, которым кто-то вооружает рабочих, некая рабочая дружина, и опять—



— Обыск еще не кончен, доложил офицер

имя Камо, блеснувшее среди всего этого темного, тревожного хаоса.

В ТОТ день, когда следователь углубился в чтение дела, жандармское управление получило секретный пакет из особого отдела канцелярии наместника е. и. в. графа Иллариона Ивановича Воронцова-Дашкова. Пакет содержал в себе бумажку с коротеньким, холодным, но категорическим предложением немедленно разоружить живущих на Нахаловке рабочих, которым было выдано оружие, для подавления межнациональной резни в Тифлисе.

Начальник управления долго и озабоченно рассматривал эту бумажку, а потом положил ее в портфель. Да, немедленно. 600 берданок, выданных властями рабочим под поручительством демократических лидеров, теперь могут сыграть скверную штуку. Волна армяно-татарских столкновений идет на убыль. Необходимость в ней миновала. Она смыла призрак надвигавшейся революции, заставила его померкнуть, заставила умы отвлечься от него, Да, национальные погромы нужны для того, что люди не думали о революции. Рабочее население возмущено погромами? Пожалуйста, получите оружие и подавляйте. Кончили свое дело, — извольте возвратить берданки по принадлежности.

В ТОТ же день под вечер выяснилось, что рабочие, вооруженные вышеупомянутыми берданками, сдать их отказались. Им послали ультиматум и в ответ на него Нахаловка взбунтовалась.

Старый жандармский полковник сам руководил операциями на Нахаловском фронте. Он окружил предместье с трех сторон, и видел, как рассыпавшиеся в цепь бунтовщики угрожающе держали наготове ружья.

„Чорт знает что... и чем это все кончится, — думал полковник, сурово осматривая местность. — Вот она настоящая революция. Боже мой, что же это они делают, и зачем они не желают сдавать оружие?“

Полковник медлил. Он не хотел итти напролом и чувствовал, что его медлительность вызывала у эскадрона дрожь и нетерпение.

Полковник снова послал парламентеров, и они вернулись с тем же ответом: оружие сдано не будет.

Полковнику не хотелось устраивать стрельбы, боя, грома, кровавой грязи, он намерен был ликвидировать „беспорядки“ тихо и по возможности без жертв, ибо выстрелы и трупы не входили в расчет канцелярии наместника его величества. Канцелярия наместника хотела получить берданки без излишнего скандала.

Но вот полковник как будто нашел выход из положения, — он отправил полэскадрона казаков в ту часть Нахаловки, которая была защищена горой. С той стороны восставшие не ожидают нападения, и оттуда можно ударить и оглушить.

Этот моневр восставшие повидимому учли. Во всяком случае, когда на вершине горы появились казаки, они были встречены группой вооруженных людей, которые открыли неистовый огонь.

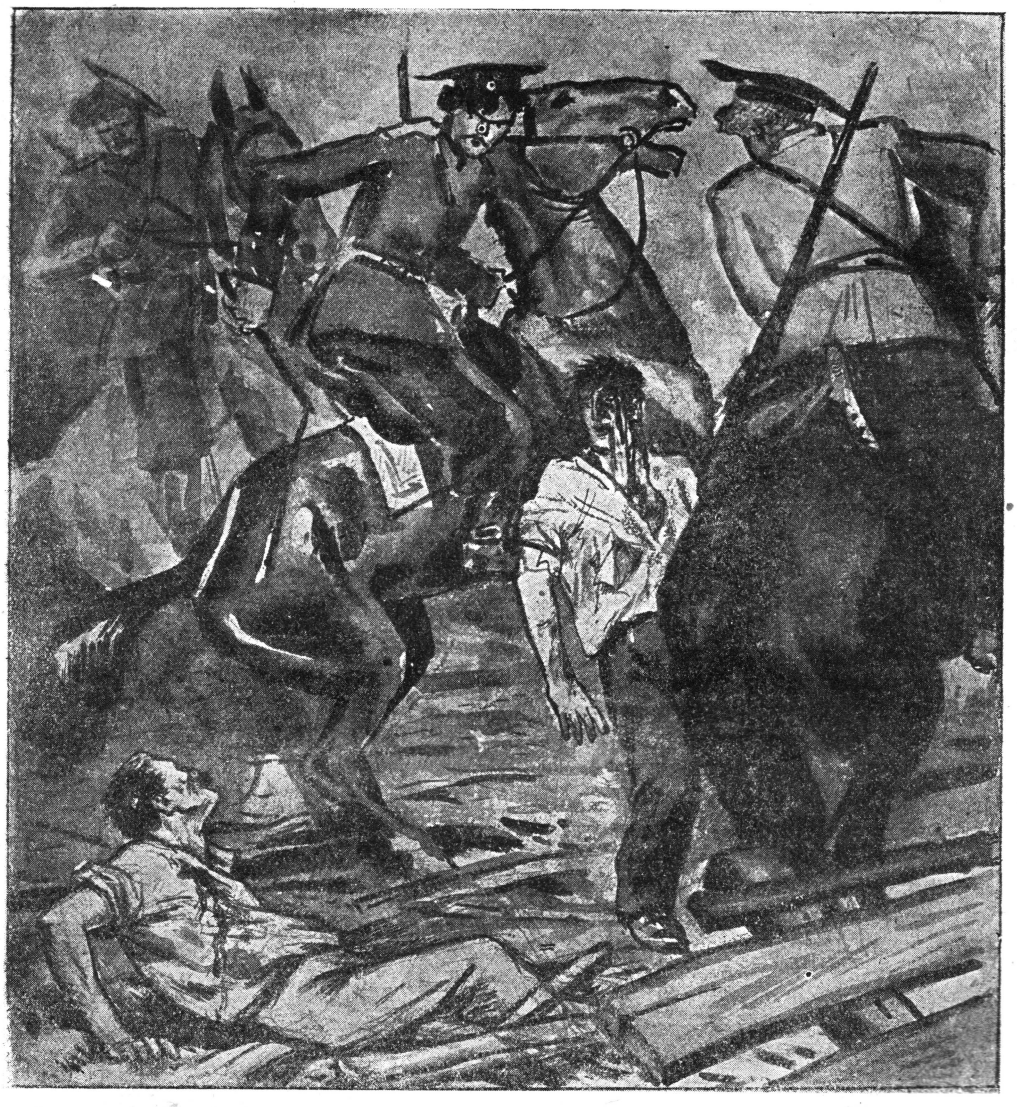
Бой начался и продолжался несколько минут, в течение которых девять человек из десяти, защищавших подступы к Нахаловке, были убиты, а один, окровавленный и едва державшейся на ногах, захвачен в плен. Восемь конных казаков, окружив этого человека тесным кольцом, повели его в управление. Когда его уводили, один из девяти его товарищей, смертельно раненый, с трудом приподнялся на руках, устремил догорающие глаза на пленного и простонал:

— Прощай, Камо... Мы еще увидимся.

Казачий вахмистр вздрогнул и пристально взглянул на пленного. Потом близко наклонился к нему и с суровым удивлением спросил:

— Так это ты Камо?

Но пленник старался остановить платком лившуюся из его головы кровь и вопроса вахмистра повидимому не расслышал.



— *Прощай, Камо...*

ТЮРЬМА, в которую был доставлен человек, захваченный на Нахаловском фронте, представляла в тот день необычайное сборище представителей многоплеменного Кавказа, людей разных национальностей, никогда не виданных в таком количестве здесь.

Камо бросили в одну из переполненных камер. Он был ранен и истекал кровью, медленно сочившейся из головы и заливавшей лоб и глаза. Казаки спешили и по дороге не дали ему перевязать рану. Конвой не хотел замечать его мучений, — вахмистр все добивался сведений о складах оружия, о местопребывании бунтовщического штаба, но, не добившись ничего, внезапно остановился и объявил, что пленного надо повесить. Однако под рукой не оказалось веревки, и тогда один из казаков предложил отрезать пленному нос. Но и эта угроза не привела ни к каким результатам — пленник молчал. Оборванного, покрытого кровью, его доставили в тюрьму.

Камо тупо осмотрелся и присел на корточки у стены, будто хотел отдышаться. Кровь продолжала итти. Тогда он снова поднялся, мрачно осматриваясь вокруг, сунул в карман носовой платок, который прикладывал к голове всю дорогу, снял с себя клочья нижней рубахи и разорвал их. Голова кружилась и в глазах плыли темные, мучительные круги, предвещавшие обморок. Вдруг кто-то тронул его за плечо, и Камо долго мутными глазами всматривался в подошедшего к нему человека, ничего не понимая.

— Вот вам вода, — сказал человек, — умойтесь, обмойте голову.

— Да, да спасибо... Это очень хорошо.

Человек принялся лить ему на голову воду. Вода стекала прямо на цементный пол и убегала под нары. Обитатели камеры привыкли к таким обмываньям и к окровавленным людям, потому почти все оставались равнодушными к происходившему у стены.

Камо дали полотенце. Полотенце было чистое, и он долго смотрел на него, как будто соображая — почему в таком месте полотенце может быть чистым? Потом устало вытер голову, лицо и окончательно пришел в себя. Около него заботливо хлопотал с ведром воды и полотенцем какой-то молодой человек.

— Спасибо вам, товарищ, — сказал Камо, чувствуя сладостное облегчение.

— Где тебя захватили? — спросил молодой человек.

— На Нахаловке.

— Там, на горе, где начался бой?

— Да.

— Меня тоже поймали там четыре часа назад, хотя я и не дрался и был без оружия, а так... ходил смотреть. И попал. Долго ли они меня продержат?

Он помолчал и со вздохом добавил:

— А может быть предадут военному суду?

— А ты боишься суда?

— Нет не боюсь. Не хочется только отвечать за глупость.

— Ничего, все хорошо будет.

— Говорят, там дрался Камо и его зарубили казаки. С десятком людей он пошел отстаивать позицию от целого эскадрона. Жалко, — такой замечательный революционер был.

Камо взглянул на него уставшими глазами и просветлел. Ему показался потешным этот молодой человек и его скорбное выражение лица.

— А что ты слышал про него?

— Многое слышал. Разве ты ничего не знаешь про Камо?

— А ты кто такой?

— Я фармацевт из аптеки Рухадзе. У меня — мать и она не любит, когда я шляюсь там, где идет стрельба. А мне нравится все это, но неприятно, когда сажают ни за что. Вот если бы за что-нибудь посадили. Ну, был бы скажем на Нахаловке вместе с рабочими — это другое дело. По крайней мере за революцию бы сидел, а за глупость сидеть глупо.

Камо вдруг задумался, даже забыв о своей ране.

— Вот что, товарищ, ты хотел бы немного пострадать за революцию?

— За революцию? Еще бы. Но как можно сидя в тюрьме за глупость пострадать за революцию? Революционером каждому хочется быть, но не каждый сможет.

Камо взял его за руку.

— Ты никогда не видал Камо?

— Сегодня на Нахаловке, только издали. Он показался мне совсем молодым.

— Видишь ли... Камо вовсе не убит. Он жив. Он сейчас в тюрьме, в этой вот камере, перед тобой. Я — Камо.

Фармацевт изумленно открыл глаза, отчего-то вдруг покраснел, потом заулыбался и казалось не мог найти для себя подходящего выражения лица.

— Ты... ты Камо! Ну-да, я так и знал. Хоть и болтали тут, что тебя убили, но я не верил. Как можно убить Камо?..

— Слушай дальше. Время очень дорого. Как твоя фамилия?

— Шаншиашвили.

— Так вот, если ты хочешь быть революционером, — ты им будешь здесь, в тюрьме. В твоей власти меня спасти. Меня могут повесить завтра, послезавтра, через неделю обязательно повесят; сейчас я убил казака, а в прошлом за мной много других дел. Меня не помилуют, понимаешь?

— Как все это можно сделать? — замирая от неизвестности, от предстоящей ему роли, спросил фармацевт.

Камо поправил свою повязку и тихо сказал:

— Главное, чтоб ты не пожалел об этом. Впрочем с тебя будут взятки гладки. Они не посмеют тебя сильно наказать за устройство моего побега.

— Жалеть? Нет, об оказанной революции помощи жалеть глупо.

— Ну вот и хорошо. Дело же очень простое. Здесь, в тюрьме, мы обменяемся одеждой или ты дашь мне свои документы. Ни меня ни тебя еще не допрашивали. Меня в лицо здесь не знают, и ты немногим моложе меня. Ты будешь Камо, я — Шаншиашвили, а все остальное я сделаю сам. Главное, на допросе ты должен держаться как Камо, пока я здесь, в тюрьме А потом можешь стать снова Шаншиашвили.

Он пристально смотрел на фармацевта, ожидая его решения.

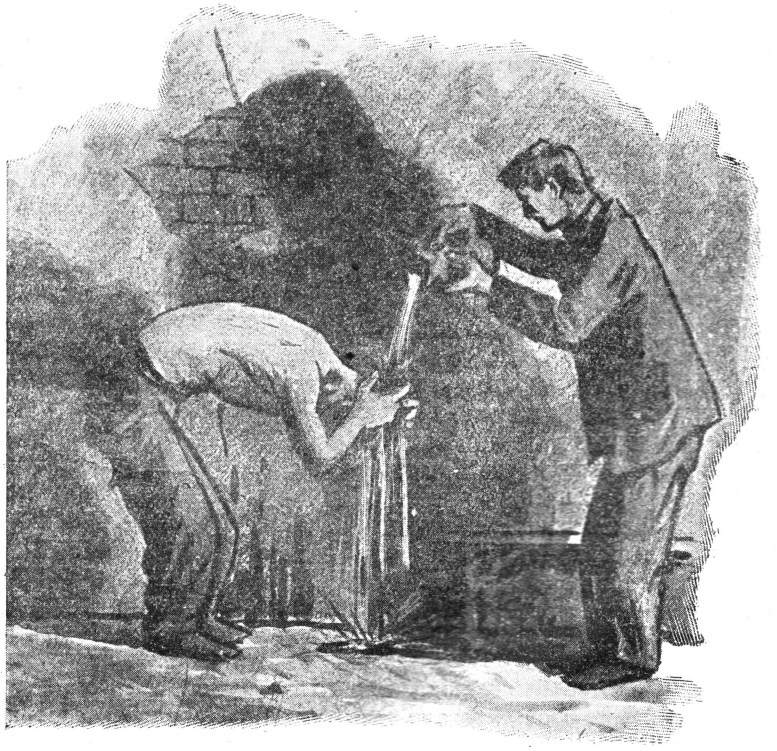
— Я согласен, — наконец сказал фармацевт. — Но как я должен сделать из себя Камо?

— Главное, держись гордо. Отвечай на вопросы дерзко. А если не будешь знать, как отвечать — молчи, будто ты все знаешь, но не желаешь говорить...

С этого момента Камо стал Шаншиашвили, и Шаншиашвили — Камо.

В ТОТ же день Камо был допрошен следователем. Арестованный держался вызывающе. На все вопросы он отвечал презрительным молчанием и взбесил следователя, который от него решительно ничего не добился. „Жуткий субъект, — подумал следователь. — Но все равно ему теперь — крышка“... Камо возвратился в свою камеру веселый, пел, расхаживал по камере и имел вид человека, который наконец-то получил возможность наслаждаться своим счастьем.

И когда следователь вызвал Шаншиашвили, тот удивил его своею глуповатой искренностью простачка, совершенно не знающего, как и почему он попал в тюрьму. Шаншиа-



Человек принялся лить ему на голову воду.

швили расплакался. Он перепуган насмерть. Он не может представить, что его называют „арестованный". За что? Неужели он сделал какое-нибудь преступленье? Придерживая повязку на голове, он объяснил, что во время свалки он упал и сильно расшиб голову об острый камень. Он чистосердечно рассказал, не скрывая ни одной подробности, как он попал на Нахаловку после дежурства в аптеке Рухадзе, где он служит аптекарским учеником, как он шел на свидание к своей невесте, живущей на Нахаловке, и как стыдно ему теперь появиться дома, встретиться с невестой, и как волнуется теперь его мать.

Следователя рассмешило и тронуло это признание, эта наивная, чистосердечная исповедь глуповатого молодого человека, случайно попавшего в такую катавасию. Но долг требовал строгости.

— А вы знаете Камо?

— Как же не знать Камо! Еще бы не знать Камо!

Следователь внезапно насторожился.

— Где же вы его видели?

— Гм... странно. Его высокоблагородие следователь тоже наверное видел Камо. Оно растет в поле. Там сколько угодно камо...

И он с жаром принялся объяснять все признаки этого полевого растения, думая очевидно, что поможет следователю в его таинственной работе.

— Фу, какой болван! Не трава... не о траве идет речь, а о человеке...

И безнадежно вздохнув, он заставил Шаншиашвили подписаться под протоколом. Затем вызвал надзирателя и распорядился отправить фармацевта в ближайший полицейский участок с тем, чтобы оттуда, в сопровождении городового, арестованного доставили и сдали под расписку в участок того района, где проживает сей незадачливый молодой человек.

ШАНШИАШВИЛИ отправили из тюрьмы в ближайший полицейский участок и сдали там под расписку дежурному. Дежурный, подчиняясь распоряжению следователя, сдал арестованного городовому, которому надлежало доставить его в соответствующий участок. Городовой долго ворчал и ругался, что вот — изволь сопровождать куда-то всех этих сукиных сынов. Но, когда фармацевт предложил на свой счет взять извозчика, городовой сразу стал добрее.

Они поехали. Сонный, безразличный ко всем событиям извозчик тряс их по булыжным мостовым Тифлиса, нисколько не торопясь. Городовой переживал минуты покоя и добродушия. Сощурясь, он снисходительно слушал веселый вздор не в меру обрадовавшегося фармацевта, изъяснявшего, как он поедет к своей невесте, как женится, как родится у них ребенок и как пригласят они господина городового на крестины, если только господин городовой окажет им честь своим присутствием...

Внезапно поток радостных слов прекратился. Фармацевт стал печальным и задумчивым.

— Чего же ты, сударь, замолчал? — спросил городовой.

— Ваше благородие, стыдно... Право...

— Что стыдно?

— Засмеют товарищи, и вся улица засмеет, опозорят на всю жизнь... И невеста не пойдет за арестанта замуж.

— Пойдет, — ухмыльнулся городовой.

— Нет, не пойдет. Слово „арестант" — самое плохое слово. Позвольте, ваше благородие, мне самому, без вас поехать в участок. Скажут: — „Вон Шаншиашвили городовой привез". Стыдно, ей-богу. Опозорен я теперь на всю улицу.

Городовой раздумывал, не зная, как быть. Молодого человека — жалко, но в то же время — долг службы. Впрочем, он сразу перестал колебаться, когда ощутил в своей руке руку арестанта, настойчиво совавшего бумажку. „Пятерка или трешница?"

— Ну, ладно, ладно, езжай сам. Стой извозчик.

Городовой слез и вручил извозчику пакет, наказав передать его вместе с арестованным дежурному по участку.

— До свиданья, ваше благородие. А на крестины приходите!

Равнодушный ко всем событиям и разговорам, происходившим в его экипаже, извозчик не спеша направил лошадь в первый переулок.

На следующий день в тюрьму явился следователь по особо-важным делам. Первый, кого он вызвал, был Камо. Следователь долго и пристально смотрел на арестованного, остановившегося у двери, и как будто не находил того, что искал он в этом человеке.

— Подойдите сюда, ближе, арестованный. Вот так... „Какое у него все-таки незначительное лицо. Не ожидал...“ Ну-с, расскажите, как вы сражались вчера, как бежали из батумской тюрьмы... Насчет типографий поведайте, оружия, подкопа под горийское казначейство... Что? Впрочем вы еще совсем молодой человек, а дела такие громкие. Признаться, я представлял вас совсем иным.

Арестованный шагнул ближе к столу и вдруг согнулся, уронил руки на колени и, вздрагивая всем телом, залился мелким и долгим смехом.

— Я такой же Камо, как вы. Я фармацевт Шаншиашвили... Камо — фьють! Нет Камо, его еще вчера не стало здесь.

Следователь схватился за портфель и переведя глаза на ошалевшего начальника тюрьмы, уже не владея самим собой, прошипел:

— Позвольте, что все это значит? Кто устроил всю эту комедию? Я ничего не понимаю. Приведите мне Камо.

Снова летели бумажки и звонил телефон из тюрьмы в жандармское управление, и дело, покоившееся в синей папке, снова приняло движение, увеличивалось, росло, впитывая в себя новые бумажки, новые документы, — отзвуки буйной жизни человека, имя которого значилось на крышке дела.

Но сам человек исчез, и меры, принятые жандармским управлением и полицеймейстером, не дали никакого результата.

„Дело“, хранившееся в жандармском управлении продолжало пополняться документами.

Вот на товарной станции случайно вскрыт ящик с электрическими принадлежностями, и в этом ящике оказались... патроны. Следствие установило, что в этом деле участвовал Камо, как он участвовал и в таинственном транспорте мандарин, полученных неизвестным лицом и оказавшихся, как выяснилось впоследствии, винтовками.

Однажды было получено уведомление о побеге из неприступного Метехского замка 32 революционеров, вышедших наружу через подкоп, произведенный извне. Кто произвел подкоп? Кто руководил им?

Донесения свидетельствовали: в устройстве побега принимал участие Камо.

В то время, когда учреждения, занятые розыском преступников, были обеспокоены деятельностью этого человека, жизнь Камо шла своим порядком.

— Всякое распоряжение комитета для солдата революции — свято и неоспоримо. Если комитет пошлет бойца на неизбежную смерть, боец должен подчиниться. В собственной своей жизни ни один революционер не волен. Если большинство приняло решение, оно не может быть не выполнено отдельной личностью. В этом — жизненная сила революции.

Так говорил Камо, снаряжая юношу, на которого возлагалась задача доставить ящик литературы в Озургеты.

Он осмотрел костюм, в который должен был облечься юноша, еще раз проверил — хорошо ли он имитирует крестьянский говор, снова повторил план, по которому должен был действовать юноша, опять осмотрел его любовно и заботливо, как осматривает мать своего ребенка, и улыбнулся.

— Вот так... Вот и хорошо, Гоги, из тебя выйдет хороший боевик. Такие люди нужны революции. Ну-ка, повернись. Прекрасно. А теперь прой-

дись. Так. Очень хорошо. Покажи, как ты будешь жаловаться жандарму на то, что в твоем ящике разбили яйца. Нет, не так. Ты должен заплакать, ты должен обратиться к нему „ваше благородие". Попробуй-ка сделать. Вот так.

Главное, когда ты играешь какую-нибудь роль, играй ее так, чтобы совсем забыть самого себя, чтобы в ту минуту ты не мог вспомнить даже собственного своего имени, — тогда тебе будет работать легко.

В распоряжении Камо был целый отряд юных революционеров. Они любили Камо за его нежность, за теплоту, с какою он относился к ним, за его заботливость и прямолинейность в деле, за его удивительный опыт. Они называли его учителем.

Да, Камо был их учителем. Он учил их тому, что узнал сам без посторонней помощи. Он учил их быть закаленными боевиками, которые не должны дрогнуть, если даже смерть занесет над ними свою руку. Он не злоупотреблял их доверчивостью и никогда не посылал ни одного человека на явно безнадежное дело, или на такое предприятие, с которым юноши не могли бы справиться.

Кроме руководства работающей с ним молодежью, на Камо лежали еще сотни самых разнообразных обязанностей.

Вот ему надо пойти в типографию. Там что-то случилось. Полиция как будто напала на ее след. Надо срочно подыскать другое место и перевести всю эту махину в безопасное помещение. Надо придумать способы перевозки. Нельзя откладывать ни одной минуты. „Да, типографию перевезем под видом мусора на свалку,— соображал Камо. — Свалим за городом, а там видно будет". И он отвозил типографию на мусорную свалку, оттуда мчался на товарную станцию — справиться о грузе, отправленном еще неделю назад из Батума. Здесь нужна величайшая осторожность. Ящик патронов обнаружен — полиция следит за грузами.

С товарной станции он бежал на телеграф, с телеграфа в железнодорожные мастерские, оттуда — к либеральному князю Дадиани получить для Датико обещанный паспорт. От князя Дадиани надо пойти в духан „Тилипучури" и встретиться с писарем из жандармского управления, чтобы выяснить, удалось ли ему оттиснуть печать на заготовленных бланках, а завтра надо поехать в Манглис, к „лесным братьям", превратившимся в настоящих бандитов, уговорить, убедить их вернуться, бросить свой проклятый лес.

Впрочем о завтрашнем дне он будет думать завтра. А пока-что надо подыскать три офицерских костюма, необходимых для поездки товарищей в Баку.

Он весь горел в этой работе и чувствовал себя так же спокойно и радостно, как „два чорта" из цирка, летающие на головокружительной высоте, под куполом, без сетки внизу, выделывающие свои смертельно-опасные фигуры над бездной.

Все двадцать четыре часа у Камо были расписаны до последней минуты, и из этих часов только ничтожная часть приходилась на отдых, на сон. Он научился не спать и говорил: Сон это — такая же привычка, как куренье. Если пересилить себя и постараться совершенно не спать целую неделю, можно забыть о сне. Человек четыре месяца способен не спать. Он часто забывал об отдыхе так же, как забывал о том, что на свете некогда существовал Семен Тер-Петросянц, из которого отец хотел сделать хорошего торговца — наследника своего дома. Было ли когда-нибудь такое время, когда он мог появляться на улице незагримированным, без опасенья быть схваченным каждую минуту? Нет, такого времени кажется не было.

Теперь он не может сделать и пятисот шагов, чтобы не изменить своей внешности. В депо Камо приходит одетый молодым студентом-практикантом, блистая пуговицами и новеньким мундиром, оттуда уходит угрюмым рабочим в синей, засаленной блузе. Это-

го требует его профессия. Она диктует ему появляться на почте почтальоном или продавцом газет, на базаре — веселым, сыплющим направо и налево шутки и остроты, кинто, и в духане „Тилипучури" — в форме техника, который только что прибыл из какой-то дикой глуши и теперь дорвался до прелестей большого города.

ОДНАЖДЫ канцелярия наместника была обеспскоена неожиданным уведомлением из Петербурга: в Турции происходит таинственная закупка оружия, предназначенного революционерами для мятежных действий в Тифлисской губернии. Закупкой руководит агент Кавказского социалдемократического союза — Камо. Петербургская бумага требовала принятия соответствующих мер. Меры были приняты, но, как оказалось, напрасно.

Транспорту оружия, вызвавшему беспокойство русского правительства, не суждено было благополучно достигнуть русских берегов. Маленький старый пароход, приобретенный Камо в Болгарии, принявший оружие на борт, попал у румынских берегов в бурю и пошол ко дну. С большим трудом местным рыбакам удалось спасти погибавших и доставить их на берег.

Через две недели после этой катастрофы комитет собрался по случаю возвращения Камо.

В маленьком домике на Нахаловке, в котором происходили наибслее важные совещания боевой группы, собрался комитет, заняв две комнаты с окнами, выходившими на пустырь.

Люди сидели на подоконниках, на скамьях, на табуретах, полулежали на полу, стояли у стен.

Кроме членов комитета здесь собрались почти все бывшие в Тифлисе члены боевой организации, — те самые, за поимку которых дорого бы дала полиция.

Эти спокойные, добродушные люди доставляли сыскной полиции хлопот больше, чем тысячи уголовников. От них тянулись нити в Батум, Кутаис, Ахалцих, Озургеты, Квирилы, приводившие в движение стоячую воду страны. Это они устроили дерзкие экспроприации в Квирилах и Кутаисе. Это они зажгли пожар забастовок, волнений, восстаний в Дидубе, Надзалдеви, Батуме, по всему Закавказью, они подняли рабочих Тифлиса, вывели их с красными знаменами и революционными песнями на улицы города в 1905 году. Это их дела вытеснили из газетных страниц все остальные события в крае.

Элисо, Вано, Котэ, Бачуа, Датико, Аркадий, Феофил, Акакий, Элико — все были здесь, ожидая своего старого, боевого товарища.

Ни один из них не знал, — будет ли он жив завтра, и ни один из них не думал об этом.

Они сидели, стояли, ходили по комнате веселые, жизнерадостные от того, что нашлась свободная минутка, когда можно поболтать о всяком вздоре и забыть о делах. Они были похожи скорее на веселых студентов, собравшихся на вечеринку, чем на людей, за плечами которых стоит смерть.

Камо еще не пришел, где-то повидимому замешкался.

И вдруг, дверь отворилась. В нее влезла странная фигура. Кинто принес персики.

— Ай, персики! Кому надо персики! Подходи, бери не стесняйся! Дешево продается, даром не дается, купится — полюбится! Ай, персики, персики...

Люди, собравшиеся в комнате, внезапно насторожились и сунули руки в карманы. Что надо этому кинто? Кто он?

А кинто уже влез со своей корзиной в комнату, продолжая каламбурить. Кто-то подошел к нему и взял за плечо:

— Тебе чего здесь надо? Кто ты такой?

И вдруг кинто захохотал, и все тоже засмеялись. Камо... Как они его не узнали!

— Нет, брат, ты не превзойденный гример. Начнем.

Борьба Миров

Отчет был недолгий и ясный.

Камо рассказал о том, как добрались они до Константинополя, у кого, как и за какую цену куплено оружие и приобретен пароход. Упомянул о буре, о гибели судна, о рыбаках, подобравших их у Румынского берега. Несколько слов — об опасности, угрожавшей от румынской полиции. К счастью ушли благополучно, без происшествий.

Камо отчитывался в каждой мелочи. Вот пятидесятикопеечный обед. Вот стоимость железнодорожных билетов, проезд по морю. Номер в гостинице, баня, бутылка вина, расходы на покупку оружия, взятка чиновникам из константинопольской таможни. Еще цифры — рубли, копейки, ушедшие на личные нужды...

Собрание знало болезненную щепитильность докладчика в денежных делах, знало его характер, его манеру — отчитываться даже в копейках. И все считали, что именно так надо делать, чтобы не мог сомневаться самый недоверчивый человек.

И когда член комитета Сильвестр поднялся высказать свое мнение, Камо отошел к двери, закурил и принялся рассматривать свои пальцы. Собрание насторожилось. — Еще в Кутаисе, — сказал Сильвестр, — я и мои единомышленники отстаивали оправдавшуюся ныне точку зрения: Квирильские тысячи не следовало поручать Камо. Дело не в копейках, в которых он дал нам отчет, а в тысячах, врученных ему комитетом. Конечно, — поправился Сильвестр, — если бы Камо вообще нам не дал никакого отчета, то и тогда мы, не колеблясь ни одной минуты, поверили бы ему. Но дело не в честности, а в его неумении быть настоящим коммерсантом. Эта вот честность, эта вот его копеечность, стремление сделать все „подешевле, да побольше“ и привела к катастрофе с оружием. Он купил дрян-

Ай, персики, персики!

ной пароходишко. Почему дрянной? Потому, что он — копеечник...

Тогда взял слово Котэ. Он говорил о слишком умной рассудительности Сильвестра. Это правда: пароход погиб, но тут не виноваты ни Камо, ни его бережливость. Для хорошего парохода нужны были большие деньги. А их нужно было истратить на оружие. Сильвестр хочет, чтобы был хороший пароход, но не было оружия. Или пароход, или оружие. Камо выбрал последнее и сделал правильно. Случайно произошло несчастье. Разве Камо виноват в этом?

Котэ предложил принять доклад Камо к сведению.

Вдруг Камо, стоявший все время у стены, вышел на середину.

Если группа Сильвестра жалеет погибших денег, мы возвратим их комитету втройне, вчетверо — пусть только комитет даст санкцию. Мы готовы удовлетворить Сильвестра.

Собрание насторожилось.

Тогда снова выступил Сильвестр и сделал заявление в том смысле, что экспроприации, на которых помешана боевая группа, в том числе и Камо, могут в конце концов привести к весьма нежелательным результатам, озлобить население и заставит народ смотреть на революционеров, как на бандитов. Он высказался против экспроприаций.

Когда Сильвестр окончил свою речь, поднялся страшный шум. Председатель встал со своего стула и тщетно пытался призвать собрание к порядку. Все повскакивали с мест, суровые и ожесточенные. Словесное побоище началось.

Иногда шум на одно мгновение стихал, но стоило кому-нибудь бросить резкое слово по адресу другой группы, и снова открывался словесный бой.

Председателю стоило огромных трудов успокоить собрание и добиться наконец поименного голосования: нужна или не нужна новая экспроприация? Большинство одобрило предложение Камо. Боевой группе, и в частности Камо, поручалось добыть деньги, необходимые комитету для приобретения оружия.

Борьба Миров

В 1907 году царское правительство усиленно проникало в Персию. Его оккупационные войска находились в этой стране. Маленькое пограничное местечко Джульфа являлось базой войск, и туда из Тифлиса шел провиант, боевые припасы и деньги.

Однажды на один из денежных транспортов группой неизвестных вооруженных людей было произведено дерзкое нападение.

Охраняемый казаками маленький транспорт, состоявший из двух экипажей, вышел из Тифлиса в восемь часов утра, а уже в три часа дня управляющему государственным банком было сообщено, что на этот транспорт произведено нападение, при чем один из казаков был тяжело ранен при взрыве бомбы, брошенной злоумышленниками. Остальные казаки невредимы, и денежный ящик не пострадал. По злоумышленникам была открыта энергичная стрельба, и одного из них удалось, повидимому, тяжело ранить. Однако группе удалось скрыться в лесу.

В ТОТ же день, в одну из частных тифлисских лечебниц явился истекавший кровью человек, назвавшийся Акакием Дадвадзе — техником из железнодорожных ремонтных мастерских.

Дежурный врач, принявший и осмотревший его, трагически покачал головой и признал положение чрезвычайно тяжелым.

У пострадавшего были разорваны мягкие части левой кисти и предплечье. Все тело было в сильных ожогах. Левый глаз представлял из себя изуродованную, кровавую впадину. Анализ желудка показал сильнейшее изъязвление его стенок, как следствие ожогов.

Больной нашел в себе достаточно силы, чтобы подробно рассказать врачу о куске раскаленного железа, который упал на него с испортившегося крана. Затем, он просил врача не сообщать об этом происшествии никому, чтобы его несчастье не могло дойти

до близких ему людей, спокойствием которых он так дорожит. Изувеченный только попросил врача скорее делать свое дело и ни о чем его больше не спрашивать, так как ему становится тяжело говорить.

Врачу показался странным этот субъект. Раскаленным железом люди так не обжигаются. Впрочем, какое дело врачу до того, — где и как потерпел несчастье его пациент... Не все ли равно, — тем более что деньги уплачены вперед за целый месяц.

К вечеру Акакию Дадвадзе сделалось хуже. Он впал в бред и всю ночь выкрикивал какие-то непонятные фразы, называл какие-то имена, отдавал таинственные приказания, употребляя изредка слово „бомбы". К утру он пришел в себя.

— Вы плохо сегодня вели себя, — сказал улыбаясь врач, — вы все искали какие-то бомбы, спасались от каких-то казаков. Знаете о вчерашнем происшествии под Тифлисом? Анархисты напали на денежный транспорт и едва не похитили полмиллиона рублей...

Акакий Дадвадзе молча взглянул на него и отвернулся. Какое ему дело до каких-то бомб и казаков, до какого-то ограбления и полумиллиона рублей? Ему очень больно и хочется скорее выздороветь.

К вечеру больному стало опять плохо, он опять метался в койке, выкрикивая те же слова. Но врач уже не слушал их. Он щупал его пульс, и сестра, сидевшая у изголовья больного, хлопотала со льдом. Началась кровавая рвота, и врач подумал, как бы к утру больной не умер.

Но утром опять пришло облегчение, а спустя неделю больной уже перестал бредить. Ему позволили сесть. Еще через десять дней он стал на ноги.

— Слушайте, у вас здоровье, как у Ильи Муромца, — говорил ему врач, довольный и самим собой, и выздоравливающим больным, которого он считал почти безнадежным. — Другой на вашем месте давно бы уже путешествовал по звездам.

Через месяц и девять дней Акакий Дадвадзе почувствовал себя настолько хорошо, что попросил выписать его из больницы. Медицинский персонал был даже огорчен. Дадвадзе успел стать со всеми, начиная от сиделок и кончая врачами, на дружескую ногу, и всех приглашал приходить к себе в гости. Еще никогда в лечебнице не было такого веселого, остроумного, хотя и очень тяжелого больного. Его полюбили все за милые шутки и мягкий, почти женственный характер, за эту радость жизни, бившую из него ключом.

На следующий день к Дадвадзе явился какой-то человек.

— Ну, Камо, опять значит живем, — сказал пришедший, когда в палате не осталось никого, и принялся рассказывать ему что-то важное и невеселое.

На совещании боевой группы стоял только один вопрос — о бомбах. Что с ними делать? Если их не использовать в течение двух ближайших суток, бомбы отсыреют и ими с большим успехом можно будет играть в кегли.

Приготовленные пять дней назад для дела в Чиатурах, они не были там использованы и еще через 48 часов придут в полную негодность.

— Вторая неудача! Тогда был потерян месяц жизни Камо. Теперь получилось еще глупее. О, эти добросовестные зайцы, ведущие по волчьим тропам! Я говорил что крестьяне струсят и подведут в самую последнюю минуту, — так и вышло, горячился Аркадий. — Делать все надо самим, без помощи этих заячьих проводников. Что прикажете теперь делать с бомбами? Опять надо изготавливать, искать все эти препараты? Опять на три месяца отсрочка? Опять нет денег, и вся работа, все планы летят к чорту!

В этот момент открылась дверь и в комнату влетел человек в форме почтового чиновника. Это был Вано, еще с утра посланный на разведку в банк. Он торжественно снял фуражку, торжественно сел и торже-

ственно обвел всех удовлетворительным взглядом.

— Рамбваия, кацо! — провозгласил он так, будто началась всемирная революция. — Завтра в девять часов государственный банк получает на почте четверть миллиона рублей.

Горячая речь Аркадия прекратилась и судьба бомб его уже больше не беспокоила.

ТАК и вышло, как говорил Вано. Солнечным июньским утром кассир государственного банка Курдюмов со счетоводом Головней прибыли на почту получить 250.000 руб., присланные из Петербурга. Почтовый чиновник, ведавший операциями по переводам, выдал деньги. Курдюмов проверил великолепно упакованные пачки ассигнаций и бросил их в кожаный баул. Затем вместе со счетоводом вышел наружу и сел в фаэтон, окруженный пятью казаками, охраняемый двумя стражниками, сидевшими на передней скамейке экипажа.

Подозревала ли полиция об опасности, угрожавшей этим деньгам, или нет, — осталось неизвестным, но только на Эриванской площади, через которую должен был проехать фаэтон, разгуливал полицейский офицер, стараясь очистить площадь от людей.

Тогда же, как выяснило следствие, по той же площади расхаживал некий человек с развернутой газетой и очевидно тем самым подавал злоумышленникам знак приготовиться к нападению на денежный поезд. Как гласило заключение следователя, это был известный анархист-экспроприатор Бачуа.

Поднимая тучи дорожной пыли, вдали показался наконец фаэтон. Двое казаков скакали перед ним, устремив вперед мутные от жары и напряжения глаза. Остальные трое скакали по бокам и сзади. Оба стражника, сидевшие в фаэтоне, не спускали глаз с кожаного баула.

Фаэтон выехал на площадь. Полицейский офицер продолжал метаться из стороны в сторону, энергически разгоняя прохожих. Первые два казака, миновав площадь, уже заворачивали на Салаакскую улицу. И в этот момент один из стражников, смертельно побледнев, попытался приподняться, не то выхватить револьвер не то выпрыгнуть из экипажа, — он увидел, что навстречу фаэтону бросился высокий лохматый человек. Человек поднял руку, и площадь дрогнула от гула.

Двое стражников, выпрыгнувшие в момент взрыва из экипажа, остались лежать оглушенные на мостовой. В двадцати шагах от них старался выбраться из-под лошади казак.

Курдюмов сев на баул, что-то прокричал, очевидно торопя извозчика, не замечая, что лошади, взбешенные взрывами, уже несли фаэтон по улице. Он не видел ни стражников, ни казаков, ни дыма, окутавшего площадь, и не знал, где все люди и почему произошла катастрофа, и только спустя минуту наконец понял: на него напали, его сейчас убьют, отнимут деньги, спасенья нет. Где баул? Да, баул под ним, он на нем сидит... Ну, славу богу, деньги целы ..

Спустя еще полминуты он заметил Головню, смертельно бледного, вспотевшего, сидевшего рядом без шляпы, взлохмоченного и что-то лепечущего.

Казалось — нападение потерпело неудачу. Взрывы прекратились. Лошади несли. Но в этот момент в фаэтоне появилось третье, совершенно неизвестное Курдюмову лицо. Этого неизвестного человека словно внес ветер на подножку фаэтона. Это был Бачуа. Он ткнул Курдюмова в грудь кулаком и, схватившись за складки баула, потянул его. Курдюмов тоже схватился за баул и умоляюще взглянул на экспроприатора. Тогда сильным толчком ноги Бачуа выбросил Курдюмова из фаэтона, баул остался в руках злоумышленника. Но тут Головня, придя в себя, схватился обеими руками за деньги, схватился и... тоже не выдержал. Борьба с экспоприатором, продолжавшаяся всего несколько мгновений, показалась счетоводу вечностью. Ему хоте-

лось спасти деньги и получить награду, но когда страшный человек исчез вместе с баулом, счетовод облегченно вздохнул: „теперь не убьют"... По панели бежали прохожие — испуганные, взволнованные, провожали глазами бешено катившийся фаэтон, в котором стоял обезумевший человек и кричал:

— Ограбили... Убили... Скрылись...

НЕСМОТРЯ на тщательно произведенный обыск и еще более тщательный допрос, германская полиция так и не добилась ответа на интересовавший ее вопрос, — какие причины заставили прибыть в Берлин агента страхового общества Мирского, появившегося в Германии в августе месяце 1907 года и арестованного на Эльзасерштрассе? Почему в чемодане Мирского оказалось двойное дно и там взрывчатые вещества? Зачем ему понадобилась машинка, приспособленная для того, чтобы производить взрывы электричеством? На эти вопросы Альт Моабит Криминаль Герихит, куда был доставлен арестованный, ответа не добился, установив однако следующее: задержанный не имел ничего общего со страховым обществом, а являлся „русским анархистом" Семеном Аршаковичем Тер-Петросяном, по кличке — Камо.

На допросе он держался странно: по-немецки не говорил и делал вид, что не понимает по-русски. Поэтому германские следователи находились в затруднительном положении и не знали, как поступить с „русским анархистом".

Ему инкриминировались пока два пункта обвинения: ограбление на Эриванской площади и убийство в Александрополе генерала Алиханова-Аварского.

Когда старший следователь Моабита вызывал его на допрос, Камо решил наконец заговорить и по-немецки и по-русски.

— Назовите свою фамилию, имя отчество, место постоянного жительства, — сказал следователь.

Бачуа выбросил Курдюмова из фаэтона.

Камо закурил папироску, посмотрел пристально на следователя и усмехнулся.

— Вы знаете, что преступления, свершенные вами, караются смертной казнью?

Камо опять молча улыбнулся.

— К какой национальности вы принадлежите?

— По рождению я армянин, а одновременно являюсь русским, немцем, французом, англичанином, малайцем и негром... Во мне — все нации мира.

Такой ответ озадачил серьезного, привыкшего к точным формулировкам, следователя и заставил его подумать,

не является ли арестованный просто ненормальным человеком?

На всякий случай он распорядился отвести для него отдельную камеру.

Однажды утром один из надзирателей, взглянув через окошечко в камеру „русского анархиста", заметил, что арестованный стоял у стены совершенно неподвижно и, глядя безучастно в пол, левой рукой ловил у себя над головой не то мух, не то моль. Но ни мух ни моли, по мнению надзирателя, в камере не было. Жесты арестанта смутили его.

Минут через пять надзиратель снова взглянул в окошечко и увидел, как арестант, неподвижно вперив глаза в дверь, пытался подпереть спиною стену, хотя никакой надобности в этом не было.

Надзиратель покачал головой и вошел в камеру. Арестованный повернулся к нему спиной, как будто смутившись или обидевшись на него за что-то, провел по своим волосам пальцем, затем медленно и равнодушно накрутил на палец клок волос и вырвал его из головы.

„Шреклих... — в испуге пробормотал надзиратель. — Он сошел с ума!"

Начальник тюрьмы сообщил о случившемся следователю. Следователь выслушал соображения надзирателя и начальника тюрьмы, покачал головой так, будто для него не было в этом решительно никаких сомнений, и сказал:

— Так и должно быть. Один человек не может быть в одно и то же время и армянином, и грузином, и русским, и немцем, и французом и негром. Не может. Он помешался.

СТАРШИЙ прокурор королевского ландхерихта был обеспокоен состоянием здоровья важного преступника, из-за которого могла возникнуть неприятная дипломатическая переписка. Он потребовал в Моабит врачей-специалистов. Он был смущен осложняющейся обстановкой следствия, он хотел скорее как-нибудь покончить с этим анархистом, и поэтому ему важно было выяснить, действительно ли арестант болен или нет, а если болен, то как долго будет продолжаться такое состояние.

Борьба Миров

Врачебное наблюдение подтвердило соображения следователя.

Через два месяца после того, как арестованный был заключен в камеру, врач сделал в „скорбном листке" отметку: „Буйствовал. Стоит в углу. Не отвечает".

Еще через три дня „скорбный листок" был пополнен новой заметкой: „Разделся. Не отвечает ни на один вопрос. Вздыхает и стонет. Отказался от приема пищи".

Каждые три дня прокурор получал эти сводки, и его все больше и больше начинало беспокоить подозрение, не симуляция ли это.

Если бы речь шла о каком-нибудь мелком жулике, он допустил бы возможность умопомешательства, но в его руках находился человек, совершивший преступления, карающиеся и русскими и германскими законами смертной казнью.

Когда прокурору сообщили о том, что Тер-Петросян, которого уже перевели в Горбергскую лечебницу, избил надзирателей, бросил на пол посуду и начал вообще буйствовать, прокурор счел нужным посоветовать директору лечебницы испытать преступника в холодной камере.

Директор больницы не нашел никакого противоречия между установленными наукой правилами и предложением прокурора и распорядился посадить Тер-Петросяна на семь дней в подвал, где поддерживалась температура ниже нуля. В белье и босый он был отведен в подвал и там оставлен.

Но арестант как будто не чувствовал холода. Он целыми часами стоял у стены неподвижный как каменная статуя, размахивая рукой над головой, как будто ловил мух.

Директор больницы не мог допустить, чтобы нормальный человек, имея на себе только одно нижнее белье, мог относиться с таким равнодушием к холоду. Арестант действительно помешанный.

Борис Мирск

Это мнение подтвердилось новыми необычайными для нормального человека действиями арестанта, который после семидневной отсидки в подвале был переведен в свою прежнюю камеру.

Во-первых он решительно отказался от приема пищи, и его стали кормить при помощи зонда. Во-вторых он в течение двух недель совсем не ложился спать, проводя все время на ногах, изредка лишь переставая неподвижно стоять и внезапно начиная прыгать и бегать по камере как зверь, заключенный в клетку. В-третьих однажды вечером его нашли висевшим в петле со слабыми признаками жизни, и наконец в-четвертых через пять дней после того, как он был освобожден из петли, он перерезал себе вену костью, выловленной из супа.

„Да,—думал директор.—Это невероятно. Это изумительно. Шреклих!"

И ему стало жалко этого несчастного арестанта. Он вдруг вознегодовал против подозрений прокурора. Сомнений нет. Дальнейшие испытания безцельны. Впрочем, если господин прокурор сомневается, он может направить больного в специальную клинику и отдать его под наблюдение знаменитых ученых.

Как ни убедительно было мнение директора лечебницы, однако прокурор все-таки не согласился с ним и отдал распоряжение перевести преступника в бухскую клинику под наблюдение опытных психиатров.

Когда испытуемый был доставлен в Бух, врач взглянул на его лицо, и лицо это показалось ему таким спокойным и равнодушным, будто испытуемый только-что вернулся с какой-то веселой прогулки.

„Странно, после таких мучений—такое лицо",—подумал врач и ему стало неприятно.

— Сядьте, больной,—ласково сказал он, всматриваясь в глаза арестанта.

Тот заложил руки в карманы и принялся ходить по комнате, останавливаясь перед разными предметами и с любопытством осматривая их.

— Сядьте, больной,—повторил врач.

Испытуемый сел и уставился в пол, лицо его вдруг стало печальным, но через минуту испытуемый опять улыбнулся.

— Как вас зовут?

— Меня зовут Семен Аршакович Тер-Петросянц. Слово „Тер" означает происхождение из духовного звания.

— Это хорошо. Это очень хорошо. Какого вы вероисповедания?

— Я армянин. Наша религия лишь немногим отличается от православной.

— Были в вашей семье случаи душевной болезни?

Больной вдруг заволновался, будто почувствовал какую-то острую, ноющую боль.

— Когда я был ребенком,—сказал он,—я был горячим патриотом. Это могут засвидетельствовать мой отец и покойная мать. Одна тетка, сестра матери была очень нервна. Я боялся ее.

— Чем вы болели в детстве?

— Ребенком я охотно пил уксус и сильно кашлял.

— Назовите мне сибирскую реку, текущую к северу.

— Амур, Тобольск... впрочем, я все перезабыл. Раньше я мог показывать на карте с закрытыми глазами.

— Сколько в России губерний?

На этот вопрос больной счел нужным не ответить, и врач сказал:

— Назовите город на Волге.

— Астрахань.

— Сколько жителей в России?

— Два миллиона.—Врач заметил, как больной лукаво улыбнулся, а потом с шутливой снисходительностью поправился:—я вру,—двести миллионов.

— Что вы знаете о Екатерине Великой?

Больной удивленно взглянул на врача и презрительно бросил:

— Об этом чудовище я не желаю говорить.

— Что вам известно о Петре Великом?

— Он был русским царем.

— Ходили вы прежде в церковь?

— Нет, я не признаю полицейского бога. Моей религией является социалистическое государство. Я верую в Карла Маркса, Энгельса и Лассаля.

— Странно...

— Что странно?

Врач ему не ответил и позвонил санитарам. Больного отвели в палату, поместив вместе с другими умалишенными.

На седьмые сутки заключения в Бухе, врачебный персонал клиники констатировал у Тер-Петросяна признаки умопомешательства анестетической формы, и врачи решили применить к нему последнее окончательное испытание.

Его привели в кабинет главного врача, раздели и поставили посредине комнаты. Он стоял спокойный и равнодушный ко всему, проделывающемуся над ним.

Казалось, он никого не замечал, будто находился вне жизни. Ему приказали вытянуть руки. Он подчинился этому требованию, словно сквозь сон. Тогда врач взял со стола иглу и воткнул ее под ноготь больному, тот стоял попрежнему недвижный и равнодушный к этой операции, будто она не касалась его вовсе. Врач воткнул иголку в другой, третий, четвертый палец, проделал тоже самое на ноге, но больной будто не видел и не замечал ничего. Только по лбу у него катились крупные, торопливые капли пота. Другой врач смотрел в его зрачки, пытаясь определить их реакцию. Он обнаружил, что зрачки, по мере вхождения иглы в тело, то расширялись, то суживались. Наука, таким образом, свидетельствовала, что испытуемый чувствует боль — по крайней мере, зрачки реагируют на нее.

„Боже мой, — подумал врач, угрюмо отвернувшись. — Если этот человек действительно нормальный и ощущает боль, то разве возможно так чудовищно играть своим лицом? Разве лицо способно скрыть такую адскую боль“?

Опыт с иглами кончился. Врачи оставались в недоумении, и в кабинет было внесено раскаленное докрасна железо. Снова главный врач уставился на зрачки, а другой приложил к оголенному бедру испытуемого железо. Запахло паленым мясом. И опять зрачок расширился, но лицо оставалось спокойным. Только мускулы на скулах время от времени вздрагивали мелкой, быстрой дрожью.

Борода Мирск

— Бросьте, довольно, не надо, — приказал главный врач, смущенно отходя от больного и тяжело опускаясь в кресло. — Зрачки... Но лицо, но это спокойствие, это равнодушие... Невероятно! Что обманывает — зрачки, или лицо? Кто из них прав — он или наука? Боже мой, такого случая еще никогда не было. Разве может нормальный человек вынести такую адскую боль, не дрогнув ни одним мускулом?

Впервые за всю свою многолетнюю практику, главный врач Буха усомнился в правильности научных данных. Зрачки и лицо. Да, да, конечно, так не может играть лицо нормального человека.

Прокурор получил из министерства внутренних дел уведомление о том, что русское правительство просит выдать важного политического преступника Камо, ссылаясь на необы айную тяжесть свершенных им преступлений на территории Российской империи.

Министерство внутренних дел Германии уведомляло прокурора, что оно дало согласие на выдачу вышеупомянутого Тер-Петросяна, и поэтому директор должен сообщить свое окончательное мнение о состоянии здоровья этого лица.

Как раз в тот день прокурор получил из клиники очередную сводку врачебных наблюдений. Она гласила:

„Тер-Петросян ходит распевая песни. Жалуется на головную боль. Приговаривает: „мертвым быть — не жить“. Вырвал у себя часть усов, желая послать на память товарищам. Часто плачет, ругает берлинскую полицию на русском и немецком языках. Говорит, что его истязуют испанские инквизаторы“.

Еще через день прокурор получил от директора клиники следующее уведомление:

„После продолжительного, почти двухлетнего наблюдения врачебным персоналом тюремной больницы Моабит, больницы в Герцберге, а также клиники в Бухе, установлено: 1) Тер-Петросян представляет из себя человека с недостаточными умственными способностями, с истерико-неврастенической организацией, могущей перейти в состояние явного помешательства. 2) О преднамеренной симуляции не может быть и речи. 3) Тер-Петросян в настоящее время не способен к участию в судебном разбирательстве и не будет к этому способен. 4) Тер-Петросян в настоящее время не способен отбывать наказание и не будет к этому способен в будущем".

Прокурор прочитал заключение, подумал и вызвал чиновника.

В тот же день министерство внутренних дел Германии было уведомлено, что прокуратура не встречает препятствий против передачи Тер-Петросяна русскому правительству.

21 сентября 1909 года, под охраной немецких полицейских Камо был доставлен на пограничную станцию Вешен-Стрелково. Здесь его передали русским.

Немецкие газеты порицали германское правительство, которое испугалось русских жандармов и выдало им русского революционера, доведенного в германских лечебницах до сумасшествия. Газеты обвиняли правительство в отсутствии чувства человеколюбия и гуманности, утверждая, что Тер-Петросян будет казнен русским правительством. И в этом будет повинен министр внутренних дел, выдавший Тер-Петросяна.

Словом, Берлин был взбудоражен и смущен.

МЕТЕХСКИЙ замок мрачен и суров. Он пугает воображение зрителя своим темным силуэтом, вознесшись как орлиное гнездо на древнюю скалу. И теперь его превратили в тюрьму для важных и опаснейших преступников. Из его казематов было только два выхода: в могилу или на виселицу.

Камо был доставлен в этот замок. Закованного кандалами по рукам и ногам, его привезли в замок под усиленным конвоем и сдали под расписку начальнику тюрьмы. Дверь камеры захлопнулась.

В тот же день, по распоряжению главнокомандующего Кавказским военным округом, Камо был предан военно-окружному суду, который должен был его судить по законам военного времени, хотя в 1909 году Российская империя ни с кем войны не вела, и „военное время" было придумано специально для того, чтобы беззаконие сделать законом.

— Это чудовище, наконец, в Метехском замке, — уведомил начальник жандармского управления прокурора военно-окружного суда, когда начальник конвоя доставил расписку в получении замком преступника.

Камо так и называли — „чудовище".

Следственно-судебная машина — тяжелая, неповоротливая, внезапно проявила удивительную подвижность. В Метех и обратно летели следователи, протоколы, телефонограммы, пока наконец не выяснилось одно неприятное обстоятельство, которое в первые дни не интересовало и не смущало никого: человек, приговоренный к веревке, был повидимому помешан. Вслед за этой неожиданностью, последовала другая, более неприятная для тифлисских властей, чем первая.

В мае месяце министр внутренних дел писал наместнику на Кавказе:

„М. Г., граф Илларион Иванович, Министерство иностранных дел, письмом от 27 апреля с. г. за № 42, сообщило мне, что за последние дни немецкая печать с особой страстностью обсуждает судьбу русского подданного Аршакова (он же Мирский и Тер-Петросян), привлеченного к ответственности в г. Тифлисе по делу о разбойном нападении на казенный денежный транспорт в 1907 году. Радикальные органы „Форвертс" и „Франкфурт Цейтунг" нападают при этом на немецкую полицию, выслав-

шую Аршакова-Мирского в Россию, где он был передан русскими властями. Нападки прессы на германское правительство не преминут усилиться, если Мирский будет приговорен к смертной казни. Министерство внутренних дел опасается, что оно может оказать неблагоприятное для русских интересов влияние в вопросе о высылке русских анархистов. Пользуюсь случаем выразить вашему сиятельству уверение в совершенном моем почтении и истинной преданности.

П. Столыпин".

Наместник на Кавказе граф Воронцов-Дашков ответил Столыпину: „Что касается опасения м-ва И. Д., что неминуемые, в случае осуждения Тер-Петросяна к смертной казни, нападки немецкой прессы на германское правительство могут оказать неблагоприятное для русских интересов влияние в вопросе о высылке анархистов, то соображение это мною будет принято во внимание, при представлении приговора военного суда о Тер-Петросяне на мою конфирмацию".

Несмотря на явные признаки душевного расстройства арестанта, суд все-таки состоялся.

КОГДА в залу суда ввели подсудимого, председатель, взглянув на него, заинтересовался маленькой подробностью: у Камо на плечах сидела птичка. Подсудимый косился на щегла и, улыбаясь ему, пытался прикоснуться щекой к птичьим перьям. Щегол, едва удерживая равновесие на плече, великодушно смотрел на необычную для него обстановку.

— Петька, не дрефь, — громко сказал подсудимый щеглу.

Молодой капитан генерального штаба — член суда, взглянув на эту сцену, улыбнулся, но заметив строгие глаза генерала-председателя, смутился и покраснел.

— Подсудимый, подойдите ближе, — обратился генерал к Камо, который в это время весело разговаривал со щеглом.

— Петька, покажи им, как мы умеем летать, — сказал Камо и погладил птицу по головке. Щегол клюнул его в щеку, вспорхнул, поднялся к самому потолку, ударился крыльями о штукатурку, описал круг по зале и уселся на вытянутой руке Камо.

— Правильно. Браво, Петька, мой верный товарищ, садись сюда, — и он указал на свое плечо.

Птица села на плечо Камо и снова клюнула его в щеку.

— Подсудимый, где вы достали эту птицу? — строго, как долженствует председателю военно-окружного суда, спросил генерал.

— В небе. Он летел, и я летел. Мы встретились и остались неразлучными. Правильно, Петька?

Петька опять клюнул его в щеку.

Так окончился допрос Камо, допрос, приведший судей к полному разочарованию и досаде. Кроме бессмысленного бреда суд не добился от подсудимого ничего. Камо был всецело поглощен щеглом и будто не слышал вопросов и не замечал судей.

Суд пришел к заключению — в такой обстановке судебное следствие невозможно. Решение суда гласило: дело слушанием приостановить, а подсудимого подвергнуть длительному наблюдению в психиатрической лечебнице.

Длительность позволит германской прессе забыть о Камо, и казнь Камо уже не отразится на „русских интересах".

В Михайловской больнице, куда попал Камо из Метехского замка, были приняты все меры на случай побега арестанта. Он был водворен в изолятор для буйно-помешанных. Кандалы сняты не были. Ключ от изоляционной комнаты хранился у специально приставленного надзирателя, без разрешения которого никто не имел права входить и выходить из помещения. Снаружи стояла стража из городовых.

Ноги Камо были стерты до крови, и администрация лечебницы обратилась к прокурору с ходатайством — снять с больного кандалы. Но ходатайство удовлетворено не было.

Борьба Миров

В протоколе судебно-медицинского освидетельствования, представленном прокурору, были описаны рубцы, шрамы, повреждение левого глаза и резкое понижение кожной чувствительности, усиление кожных и сухожильных рефлексов, дрожь в языке и руках. Испытуемый, как гласил протокол, не ощущает никакой боли.

НАБЛЮДЕНИЕ над испытуемым продолжалось. Служебный персонал больницы все больше и больше убеждался в том, что перед ним несомненно — безнадежный душевнобольной.

24 декабря 1910 года испытуемый, как гласил „скорбный листок", весь день бродит по камере, напевает, насвистывает, ничем иным не интересуется, кроме набивки папирос и отобранного щегла, которого он никак не может забыть. Книга о войне, принесенная ординатором по просьбе испытуемого, осталась лежать неоткрытой. Говорит о каких-то четырех миллионах, зарытых им в горах, но место указать не желает. Ночью не засыпает, бормочет, ворочается с боку на бок.

— Петька, не дрефь,—сказал посаженный щегол.

Через две недели после этой записи врач выслушал заявление больного о том, что к нему в камеру заглядывают какие-то молодые люди, мужчины и женщины. Они тревожат его, нарушают покой. Если врачи не примут меры, он сам расправится с ними. Настроение то веселое, то подавленное, но он совершенно равнодушен к обстановке и кандалам. Впрочем, кандалами он звенит, аккомпанируя своему пению. Всю ночь не спал.

Так текла жизнь Камо в Михайловской лечебнице. Иногда он лепил из мякиша каких-то животных и птичек, курил, стонал, иногда был весел и словоохотлив, говорил врачам, будто он уедет через Сибирь в Америку, а однажды утром объявил, что он ясно слышит чей-то женский голос, произносящий его имя, зовущий его.

Борьба Миров

15 августа 1911 года, в полдень, листок испытуемого пополнился новой записью: испытуемый Тер-Петросянц попросился в уборную.

Служитель выпустил его из камеры, проводил до уборной и вернулся к другому беспокойно-больному.

А через три часа по больнице пронеслась тревога:

Испытуемый Тер-Петросянц бежал из уборной через окно, решетка в котором оказалась выпиленной. И тогда началась паника.

ЧЕТЫРЕ года прошло с тех пор, как Котэ расстался с Камо.

И вот сейчас, через несколько минут они должны встретиться после долгой и тревожной разлуки. Четыре года! За это время у него поседели волосы. И вот...

Стоя на берегу Куры, он не спускал глаз с последнего окна верхнего этажа лечебницы. Там, за решеткой мелькнул человек. „Он, или нет?" Котэ верил в Камо больше, чем в кого бы то ни было на свете. Но в эту минуту он вздрогнул. „Неужели удастся?" Котэ верил и в то же время сомневался в удаче этого предприятия. Городовой ушел за угол. Видит ли Камо городового? Успеет ли он спуститься?

Скрывшись за кустами, Котэ замер и продолжал наблюдать. Вот Камо уцепился за решетку, и решетка подалась. Да, пилки оказались надежными.

Камо торопливо привязывал веревку к остаткам спиленной решетки.

В этот момент городовой возвращался. Котэ сделал знак. Знак был замечен в окне, и Камо скрылся.

И когда городовой снова скрылся за углом, из окна упала веревка, и на нее с проворством зверя прыгнул Камо. Радость охватила Котэ. Он видел, что побег — свершившийся факт, но еще не верил ему. Да, Камо спускается по веревке вниз... все ниже и ниже... Впрочем, где же Камо? Веревка висит, а Камо? И не сон ли это?

Камо спустился по веревке только до первого этажа. Близость земли, близость свободы заставила его забыть опасность, и с высоты двух саженей он упал вниз. Это скорее почувствовал, чем понял Котэ. Городовой возвращался назад. Где Камо?

Вероятно сильно ушибив ногу, он лежал в это время на земле, пытаясь приподняться. Еще минута — и городовой заметит его. „Что же ты наделал? Что же ты наделал?" — с ужасом прошептал Котэ, но в эту минуту Камо бросился к кустам. Городовой вышел из-за угла, заметил веревку, подбежал к ней, потрогал, посмотрел на окно и, взмахнув руками, бросился бежать к больничным воротам, неистово свистя.

ВТОТ ЖЕ день Тифлис был оцеплен со всех сторон. Были вызваны собаки, но собаки шли по следу вяло и неуверенно и никого не нашли. На улицах, мостах, вокзалах и на трех шоссе, ведущих из Тифлиса, были поставлены сильные наряды наружного наблюдения. Наблюдатели были ознакомлены с приметами бежавшего. Однако наблюдение не увенчалось успехом, как не имели успеха и обыски, произведенные на квартирах родственников Камо.

И лишь спустя год снова было произнесено имя Камо в жандармском управлении.

На Коджорском шоссе было произведено нападение на почту, везшую в Тифлис большую партию денег. Бомбами, брошенными грабителями, убиты три стражника и ямщик и ранен один стражник и почталион. Благодаря отваге раненого стражника, открывшего огонь по нападающим и близости города, грабители скрылись, не успев похитить деньги.

Меры, принятые к раскрытию этого преступления, оказались безуспешными. Следствие только установило точные приметы нападавших, среди которых оказался и Камо.

5 января 1913 года сыскная полиция получила сведения, что боевая группа революционеров готовится к нападению на почтово-телеграфную контору. Сыскная полиция имела задание предупредить нападение и во что бы то ни стало схватить Камо, хотя бы это могло привести к неудаче в отношении поимки всех остальных экспроприаторов. И 10 января около „Северных номеров", полицейские агенты задержали двух подозрительных человек.

Когда их привели в участок, один из задержанных назвался болгарским подданным Николаем Трайчевым, другой — дворянином Кутаисской губернии Михаилом Жгенти... Но тут же бесспорно было установлено: первый был Камо, а второй Григорий Матиашвили.

Они были заключены в Метехский замок.

По распоряжению прокурора Тифлисского военно-окружного суда Камо вновь был переосвидетельствован, и врачебный осмотр показал, что у него в настоящее время отсутствуют какие-либо признаки душевного расстройства.

Он выглядел так, что прокурор смутился.

Гладко выбритое лицо, свежее и здоровое, какое только может быть у человека, вполне довольного своей жизнью, улыбнулось прокурору добродушно и приветливо. Что-то беспечное и веселое было во всей его наружности.

— Здравствуйте, господин прокурор, давно мы с вами не виделись.

— Где я видел это лицо? — подумал прокурор.

— Не узнаете? — спросил Камо, — странно. Припомните, я ведь еще говорил вам, что мы встретимся. Как не стыдно забывать старых знакомых?

И Камо улыбнулся.

„Чего он так радуется? Смерти? — подумал прокурор,— однако, где же я встречал его?"

Но не вспомнив, сухо сказал:

— Арестованный, ведите себя подобающим образом.— И снова подумал: „Где же я его видел? Где? Ах, да. Батум... Побег. Вагон второго класса.

Камо спускается по веревке вниз.„

Молодой человек в черкеске. Князь Дирибани... нет, князь Девдариани. Я его еще провел мимо жандармов. Завтракал".

— Вспомнили? — спросил Камо.

— Да, что-то такое припоминаю.

— Десять лет — не шутка. На моей могиле за это время должна была вырасти трава в десять саженей, а я, как видите, все живу.

— Слушайте, вы, удивительный человек, — оживился прокурор. — Что заставляет вас все это делать, бомбы бросать, и вообще — чорт знает что?

— Простите, господин прокурор, но я вас не спрашиваю, что заставляет вас требовать для людей смертной казни.

— Гм... вы странный человек.

— Таким рожден. Рад бы в рай, да грехи не велят.

— Вы знаете, что вам угрожает?

— Еще бы.

— И вы не раскаиваетесь в своих преступлениях?

— Ни на одну минуту. Мне просто забавно это ожидание. Один раз я раскаивался, как будто... Это было в Нахаловке, во время восстания, когда меня повели казаки, и когда один из них предложил отрубить мне нос. Я заплакал тогда самым искренним образом, — не потому, что мне стало жалко своего носа, а потому, что на меня могло лечь клеймо, которое сделает мою работу невозможной.

— Вы действительно ужасный человек, — безнадежно сказал прокурор.

— Что ж, — вздохнул Камо, — это моя слабость.

В голове прокурора как-то не укладывалось, что этот человек с такой приятной, женственной улыбкой, с таким подкупающим лицом, мог пройти столь страшный путь, оставить за своими плечами такую бурную жизнь, насыщенную бомбами, побегами, дерзостью, четырехлетней симуляцией сумасшествия, мглой, ужасом?

ДЕЛО слушалось при закрытых дверях. Суд состоял из председателя суда — старого генерал-майора, двух подполковников — членов суда, одного прокурора, одного защитника и одного секретаря.

Одиннадцать нижних чинов с шашками наголо, окружив скованного по рукам и ногам Камо, ввели его в залу. Взглянув на угрюмое лицо прокурора, подсудимый поклонился ему дружески, но независимо и с достоинством, подчеркнув, что прокурор совершенно спокойно может делать свое дело. Прокурор сумрачно отвернулся.

Допрос был короток и ясен, как и последующая речь прокурора.

Во время его речи подсудимый, очевидно не слушая ее, вынул носовой платок, вытер им шею и, взглянув на кандалы, будто впервые заметив их, принялся вызванивать ими какой-то мотив. Председатель суда сделал подсудимому замечание, и тот как школьник оставил кандалы в покое.

Речь защитника была беспомощной и неубедительной, несмотря на все его старание. Чувствуя, что сила фактов могущественнее его доводов, он попросил у суда только одного: „снисхождения и милости".

Последнее слово подсудимого сводилось лишь к тому, что он жалеет об одном: о невинно-убитых людях на Коджорском шоссе. Больше он ни о чем не сожалел.

Суд отправился на совещание и скоро возвратился назад. Военно-окружный суд находил Камо виновным в вооруженном восстании в 1905 году, в экспроприации на Эриванской площади, в побеге из Михайловской лечебницы и в попытке разбойного нападения на казенный денежный транспорт на Коджорском шоссе. За каждое из перечисленных деяний закон предусматривал смертную казнь.

Приговор должен быть приведен в исполнение не позже месячного срока.

Камо опять препроводили в Метехский замок.

НАЧАЛЬНИК Метехского замка был поражен. Ни один смертник не вел себя так, как этот человек.

Камо великолепно спал, как человек, успешно справившийся с важной

и большой работой, счастливый, спокойный, не тревожимый никакими заботами. Просыпаясь каждое утро он делал гимнастику, потом набивал папиросы, читал книги, делился впечатлением о прочитанном, шутил, смеялся и даже начал полнеть. Цвет лица его стал здоровым и свежим. Он тщательно следил за своим туалетом.

Во всем замке не было человека веселее и жизнерадостнее.

Именно эти обстоятельства повергли смотрителя в панику и смущение. Уж не сходит ли этот Камо по-настоящему с ума?

Но врач не нашел у Камо признаков психического расстройства.

И, когда смотритель сообщил все это прокурору, явившемуся в замок снова на свидание с приговоренным, прокурор ничего не сказал. Он почти не удивился. Было такое впечатление, будто ничего другого он и не ожидал от Камо.

Прокурор прошел по коридору и остановился у дверей камеры. Надзиратель звякнул ключами и открыл скрипящую дверь.

Камо в это время сидел за столом, углубившись в газету.

Услышав позади себя шаги, он обернулся.

— Рад увидеть вас, господин прокурор.

— Может быть вы, заключенный, имеете какие-либо претензии или просьбы? — спросил прокурор, не зная собственно, зачем он сюда пришел и о чем говорить ему с осужденным.

— Нет, тут великолепно. Я только теперь понял, как тут тихо и удобно. Все, что полагается для осужденного к смертной казни, все это здесь имеется. Люди вежливые, обходительные, предупредительные. Голодом не морят и даже наоборот — боятся, чтобы заключенные добровольно не голодали. Лично же я голодать не собираюсь, господин прокурор, ибо только теперь я понял прелесть аппетита.

Борьба Миров

— Может быть вы хотите сделать какие-либо заявления... ну там — насчет завещания, писем... Пожалуйста, делайте.

— У меня есть только одно заявление, — вдруг решительно сказал Камо, осветив свое лицо улыбкой: — после того, как я буду повешен, пусть русское правительство отменит смертную казнь.

Прокурор изумленно поднял на него глаза.

— Нет, нет,—продолжал Камо засмеявшись, — я конечно, шучу. — Он помолчал и добавил. — Право, прокурор, у меня нет никаких заявлений.

— Вы пришли объявить мне, что сегодня я отправляюсь в бессрочный отпуск? — спросил осужденный.

— Нет, совсем не то, — устало ответил прокурор.

— Как?

Собаки шли по следу вяло и неуверенно

Борьба миров

Изумленный и смущенный Камо уставился на него. Улыбка, веселость, подвижность,— все исчезло с его лица.

— Видите ли,—пытаясь оживиться, продолжал прокурор, — приближается трехсотлетняя годовщина царствующего дома... Еще полмесяца... Мы уже получили проект закона об амнистии. Я, видите ли, не верю в вашу неисправимость. Дадут вам лет двадцать, отбудете вы наказание где-нибудь в каторжной тюрьме, а потом — кто знает, может быть ваш бушующий огонь выгорит, вы возмужаете...

Камо медленно отошел к столу, тяжело опустился на табурет и уставился глазами в пол.

— Я этого не ожидал... не ожидал,— пробормотал он глухо и не зная, о чем говорить дальше.

Прокурор еще раз взглянул на него и молча вышел из камеры.

СОГЛАСНО амнистии 1913 года, смертный приговор Тер-Петросяну был заменен двадцатью годами каторжных работ, и его перевели в каторжную тюрьму.

Следствие, учиненное потом по делу об отсрочке приведения в исполнение приговора, установило, что прокурор сознательно отступил от закона и за это он был снова низведен в товарищи прокурора с переводом в другой военный округ.

Так было закончено сложное и почти невероятное дело об уроженце города Гори Тифлисской губернии Семене Аршаковиче Тер-Петросяне.

. . . . . .

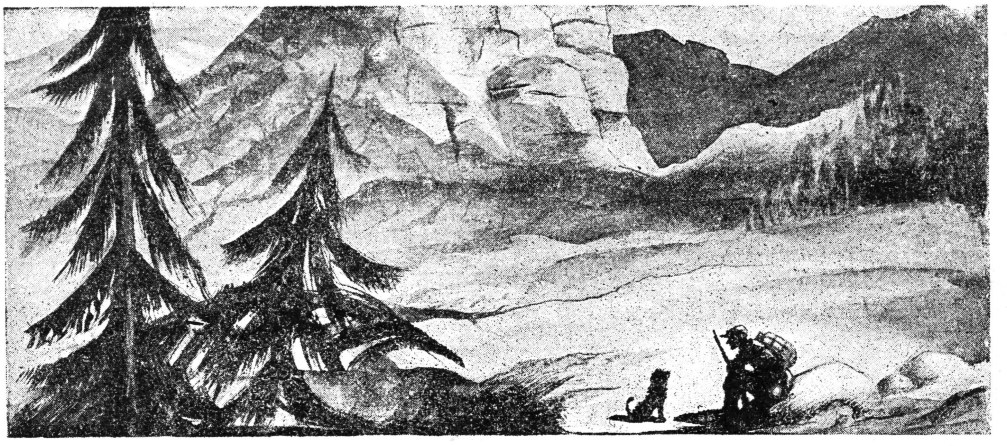
ПОЗДНИМ июльским вечером 1922 г. по Верийскому спуску, ведущему к Куре, спускался на велосипеде некий человек. Было душно и темно, и впереди внизу, замирая от лени, от горячего воздуха, медленно ползла черная, зловещая река, пересеченная огнями моста. Позади велосипедиста бесшумно катилась машина. На середине спуска она ускорила ход,— шоферу дорога показалась свободной, только с края двигался некий человек на велосипеде, время от времени попадавший в луч фонаря.

Шофер дал скорость, всматриваясь в дрожащую и прыгающую в снопе света дорогу, и вдруг заметил, как в этом снопе, близко от него, промаячил силуэт велосипедиста. Он инстинктивно повернул руль, чтобы объехать велосипедиста, но было поздно: что-то внезапно толкнуло автомобиль и подбросило его вверх. Шофер мгновенно остановил машину и вгляделся во мрак. Стояла тишина. Только издали, откуда-то с другого берега Куры, доносился шум трамвая.

Шофер хотел уже трогать, но вдруг услышал слабый стон, и все понял: велосипедист попал под колеса машины и сильным ударом его отбросило к столбу.

Шофер выскочил наружу и увидел валявшийся у дороги велосипед, а недалеко от него — человека, уткнувшегося лицом в пыльную дорогу.

Через десять минут разбитый человек был доставлен в ближайшую больницу, а еще через два часа врач, оказавший первую помощь пострадавшему, доложил члену Совнаркома, спешно прибывшему сюда с какого-то заседания, о том, что положение раздавленного безнадежно, дыхание его исчезло, пульс прекращается, и что Камо умирает...



ЗОЛОТАЯ ГОРА

Научно-фантастическая повесть А. Беляева

Иллюстрации Г. Фитингофа

1. Болезнь, которая не поддается лечению

ГОЛУБОЕ небо прозрачно, как хрустальные воды горного озера. Высоко, высоко журавлиной стаей летят легкие перистые облака. Под облаками парит орел, распластав свои огромные крылья. Он делает медленные круги и смотрит вниз. Под ним растилаются горы с белыми шапками снега, темная зелень лесов, горные озера, похожие на куски разбитого зеркала, белое кружево водопадов, серебряные ленты речек... Но не эта знакомая картина интересует орла. Его зоркие глаза прикованы к большому белому камню, что лежит у реки, на мшистом склоне холма. На камне сидит человек, а около него вертится черный, как смоль, живой комочек. Он должно быть очень жирный, этот комочек! Хорошо бы упасть камнем и, схватив черный комочек, отнести его в гнездо, на вершину горной сосны, своим голодным детенышам... Но человек мешает... Зачем он пришел сюда, в это пустынное место? Что ему надо?

На эти вопросы человек, сидевший на белом камне, не мог бы ответить. Он откинулся на спину, посмотрел в голубую пустыню неба увидел орла и, обняв рукой черного пуделя, сказал:

— Не вертись, Джетти, и не волнуйся. Орел не возьмет тебя. Ты мешаешь мне думать, Джетти! — И человек, закрыв глаза, погрузился в свои думы, подставляя загоревшее, бритое лицо под лучи осеннего, но еще теплого солнца.

Сегодня надо решить. Но сначала надо разобраться в самом себе, продумать каждый свой шаг, сделанный на пути сюда, к этому белому камню.

Как это началось?... Москва. Номер гостиницы. Датчанин Скоу-Кельдсен звонил по телефону и сообщил, что он получил билет в ложу иностранных корреспондентов на балет „Красный мак“...

Нет, это не главное. Началось это раньше еще в Нью-Йорке, на третьей авеню, в небольшой квартирке, которую занимал Клэйтон. Он заболел. Да, с этого все и началось! Заболел скукой.

Физически он был совершенно здоров, успешно занимался спортом и был даже чемпионом легкой атлетики. В жизни ему везло. Сын небогатого фермера, Клэйтон рано начал зарабатывать самостоятельно. Ему было семнадцать лет, когда он из сонного Запада приехал в кипящий котел Нью-Йорка и быстро приспособился к новым условиям жизни. Переменив несколько профессий, он остановился на журналистике. К двадцати пяти годам он уже был видным сотрудником газеты

„Нью-Иорк Таймс". И тут он начал скучать. Город, знакомые, — все ему надоело.

Чтобы спастись от непролазной одуряющей скуки, Клэйтон начал брать на себя самые рискованные поручения. Он „провел" на баррикадах две мексиканские революции, кочевал с африканскими племенами, восставшими против французов, летал на южный полюс с экспедицией, разыскивающей Оуэна...

Наконец по совету одного друга, Клэйтон отправился специальным корреспондентом в Москву. По мнению друга и самого Клэйтона, это предприятие было самое рискованное из всего предпринятого Клэйтоном. Поэтому Клэйтон и приехал в Москву. Действительность разочаровала его. Он не нашел тех ужасов, о которых говорили ему „очевидцы". Клэйтон искал экзотики и не находил. В окружающей жизни он многого не понимал и не старался понять, — он прошел американскую газетную школу, которая не приучила проникать в сущность явлений.

II. Новый Стэнли

КЛЭЙТОН переодевался в вечерний костюм, чтобы итти в театр, когда позвонил телефон. Завязывая на ходу галстук, Клейтон подошел к телефону и, к своему удивлению, услышал голос Додда, — своего приятеля по газете, одного из корреспондентов „Нью-Иорк Таймс".

— Вы здесь? Какими судьбами?, — удивился Клэйтон.

— Да, здесь. Приезжайте немедленно ко мне, — ответил Додд и дал адрес частной квартиры на Арбате.

— Но я... я иду сегодня в театр, — ответил Клэйтон. — „Красный мак", — балет, говорят, — нечто изумительное. Может быть, вы пойдете со мной? У нас ложа.

— Надеюсь, этот балет не снимут с репертуара, — насмешливо возразил Додд. — Приезжайте немедленно. Есть дело, и как раз в вашем вкусе! Сам редактор поручил его вам.

Клэйтон был хорошо вышколенным работником. Он не стал больше расспрашивать Додда, быстро закончил свой туалет, вызвал по телефону абонированный такси и отправился на Арбат.

Додд — маленький человечек с красным лицом, безусый, но с небольшой светлой бородкой, — похожий на карикатурное изображение Дяди Сэма, усадил Клэйтона на диван, предложил сигару и приступил прямо к делу.

— Я имею для вас восхитительное предложение; немедленно ехать на Алтай разыскивать мистера Микулина.

Додд вынул записную книжку и, перелистывая страницы, продолжал:

— Микулин, Василий Николаевич. Русский ученый, работал в лаборатории Академии Наук. Командирован в Англию, в Кэмбридж. Работал в Кевендишевской лаборатории. Был избран действительным членом Великобританской Академии Наук. Небывалый случай со времени и бренния Менделеева. Обычно иностранных ученых, даже с выдающимся именем, избирают только членами-корреспондентами. Можете представить, что за голова должна быть у этого Микулина! Избрание в действительные члены это конечно взятка. Англичане хотели оставить Микулина у себя. Но он вернулся в Россию Некоторое время работал в Ленинграде, а потом как-то незаметно изчез. О нем перестали говорить и писать, как будто он умер. Но смерть такого человека не прошла бы незамеченной.

— „Зачем Микулин поехал на Алтай? Почему мы, американцы, должны разыскивать его? Откуда Додд знает, что Микулин жив?..." — раздумывал Клэйтон.

— У Микулина в Англии был друг, — продолжал Додд. — Фамилия его Гиббс. Он американец, молодой ученый, также как и Микулин, приехавший в Англию для усовершенствования. Гиббс и Микулин оба физики, оба работали в одной лаборатории. Наконец, оба изучали строение атома и старались осуществить давнишнюю мечту человечества о превращении элементов. Но Микулин был талантливее Гиббса. Надо прямо сказать, позабыв о национальном самолюбии: Микулин гениален, а Гиббс только на голову выше рядового научного работника. Микулин далеко ушел вперед и, по мнению Гиббса, был совсем близок к решению задачи. Быть может, Микулин тогда уже разрешил эту огромную задачу теоретически. Однажды, в минуту откровен-

ности,—слушайте внимательно,—Микулин сказал Гиббсу, что он, Микулин, уедет на родину и там будет продолжать работу.

— „Но для того, чтобы скорее окончить мой труд, мне необходимо полное уединение, — сказал Микулин. — Я не могу сосредоточиться, когда в моей лаборатории снуют лаборанты, студенты и даже, как у вас здесь, высокие покровители наук. Я сибиряк, родился в Семипалатинске, недалеко от чудеснейшей русской Швейцарии, — Алтая. Я знаю одно местечко южнее Рахмановских ключей, недалеко от китайской границы. Прекрасный горный климат, полное уединение, тишина, покой. Туда уйду я с одним или двумя помощниками, и пусть мир забудет меня до той поры, пока... пока я переверну мир!"

— Поверьте, Клэйтон, что эти слова не пустое бахвальство, Микулин действительно сможет перевернуть мир, если только ему удастся осуществить то, над чем сломало себе шею не мало ученых. Представляете вы, что значит превращать один элемент в другой? Это значит из кирпичей, булыжника и песку вы можете делать чистейшее золото, из дерева шелк, из стекла алмазы, из алмазов... пасту для зубов, словом, возьмите пару любых предметов и превращайте их один в другой. Такой человек должен быть всемогущим. Но и этого мало. Микулин обещает освободить и использовать внутриатомную энергию. А это изобретение способно перевернуть весь мир. В руках такого человека окажется беспредельное количество энергии. Сами посудите Гиббс, что в одном килограмме каменного угля содержится такой запас внутриатомной энергии, с помощью которого все фабрики и заводы Европы могут работать в течение недели. Но для этого не нужно брать даже каменного угля. Внутриатомная энергия содержится решительно во всем: в старой подошве ее не меньше, чем в динамитном патроне. Надо только уметь извлечь ее.

— Представим на минуту, что Микулин достиг своей цели. Что произойдет с миром? — продолжал Додд. — В руках этого человека, более чем дружественно настроенного к большевикам, окажется почти сверхестественное могущество. Он начнет снабжать свое правительство целыми вагонами золота. Чем это окончится? Россия закупает все нужное ей оборудование и в несколько месяцев становится первым в мире индустриальным государством.

Затем тысячи, миллионы фунтов золотых слитков идут на пропаганду. Наконец, всеобщая золотая „инфляция", полнейшее обесценение золота, всеобщие кризисы в капиталистических странах, банкротства, рабочие волнения... Бороться с Советской Россией? Но разве можно будет бороться со страною, которая обрушит на голову врага взбесившиеся силы природы, — миллиарды, — не лошадиных, а дьявольских, — сил, сидящих в каждой песчинке!.. Вы понимаете, что будет?..

Да, Клэйтон понимал. Он чувствовал, как холодеет его сердце. Но мысль не хотела мириться с этой страшной судьбой обреченного мира. Может быть, не все потеряно, может быть, есть выход?...

— Золото можно заменить другим металлом, — сказал Клэйтон, — например, серебром или какими-нибудь редкими металлами. Впрочем, простите, я сказал не подумав. Ведь, Микулин может изготовлять любой металл, любое вещество...

— Вот именно, — кивнул головой Додд. — Теперь вы, надеюсь, понимаете, почему мы, американцы, интересуемся Микулиным. Гиббс, возвратившись из Англии, как истинный патриот, счел своим долгом сделать доклад одному из членов правительства и нескольким финансистам. Сообщению этому вначале не придавали особого значения. Но когда узнали, что Микулин исчез из Ленинграда, то начали серьезно беспокоиться. На официальные запросы мы получали ответ, что Микулин уехал, якобы, в научную экспедицию. У нас этому ответу конечно не поверили. Пока Микулин работал в Ленинграде на глазах у всех, он не был так страшен; все его изобретения тотчас становились бы достоянием гласности. Если бы даже удалось ему сделать открытие, им воспользовались бы и другие страны, и силы, таким образом, уравнялись бы. Но это „бегство" Микулина наводит на очень серьезные размышления...

Клэйтон нервно поднялся и зашагал по комнате.

— Довольно! Мне все понятно. Итак, каковы мои ближайшие задачи.

— Ехать на Алтай, разыскать Микулина, постараться проникнуть в его лабораторию, заслужить его доверие и узнать, разрешил ли он задачу получения искусственного золота.

— Но как же я найду его, имея такой неопределенный адрес: „Алтай, южнее Рахмановских ключей, у китайской границы?"

— А как Стэнли нашел Ливингстона? У Стэнли был еще более короткий адрес: Африка, — и больше ничего. Мы не могли узнать более точно. Нам все равно не сообщили бы адреса, а расспросы только возбудили бы подозрение. Ведь наши цели... не совсем мирные, и потому нам надо соблюдать осторожность. Как видите, я не вызвал вас даже к себе в отель, а выбрал эту частную квартиру вполне надежного человека.

— Да, наши цели не совсем мирные. Поэтому мне труднее оправдать свое появление, если даже я и найду Микулина. С неба что ли свалиться? Инсценировать аэропланную катастрофу? Наш редактор пойдет на такие расходы?

— Можете ломать целую эскадрилью аэропланов, если понадобится, — усмехнулся Додд. — За редактором стоят люди, которые откроют неограниченный кредит. Вы лично не останетесь в убытке. Десяток тысяч долларов я вручу вам немедленно. Близость к китайской границе очень удобна. Я буду жить в Кобдо. Постараемся завязать связь через перевал Улан-даба.

— Ну, если Микулин нашел средство делать золото и извлекать внутриатомную энергию? раздумчиво спросил Клэйтон.

— Вы сообщите об этом и получите соответствующие инструкции...

III. Где огонь падает с неба

ЭТОТ разговор происходил в мае месяце. Как много событий произошло за это время! Клэйтон быстро собрался в путь и выехал из Москвы, так и не посмотрев „Красного мака". Клэйтон мчался на поезде, плыл на пароходе, ехал на косматых горных лошаденках и, наконец, шел пешком. Перед ним открылась совершенно новая страна, которая поразила его своей красотой. Высочайшие горы, поросшие пихтами, кедрами, елями, лиственницами и увенчанные вечными снегами, бесчисленные водопады, красивые, быстрые горные речки с тополями и ивами на берегах, тучные пастбища... Многоголосый птичий крик, плесканье рыбы в реках, простор и... безлюдье.

Чем ближе подвигался Клэйтон к Рахмановским ключам, тем больше он волновался. Удастся ли ему, как Стэнли, найти своего „Ливингстона", и как встретит Микулин незванного гостя? Мысль об инсценировке воздушной катастрофы Клэйтон давно оставил. Это было слишком сложное и рискованное предприятие. Почему не избрать прямой путь: явиться к Микулину в качестве богатого американского туриста, который случайно узнал, что в этих глухих местах живет русский.

От кого узнали? Скажем, от проводника. Ведь не может же быть, чтобы Микулин не поддерживал никаких связей с окружающим населением. Должен же кто-нибудь ему поставлять продукты питания.

Найти Микулина было не так легко. Десять дней пробродил Клэйтон вокруг Рахмановских ключей, — горячего и холодного, — встречал много больных, пришедших к Ключам за исцелением, расспрашивал всех, но никто не знал о русском, живущем в горах на юг от Рахмановских ключей. Но Клэтон не падал духом и, в конце концов, ему удалось встретить одного старого охотника, который случайно набрел в горах на неизвестный маленький поселок. Кто живет, — охотник не знает. Но там наверно живет колдун.

— Я ни за что не пойду туда еще рассказал охотник. — Там огонь падает с неба на дом и дом не горит.

Однако, деньги, много денег — заставили охотника побороть страх и отправиться в горы вместе с Клэйтоном.

Путники перевалили через несколько горных кряжей с настоящей луговой альпийской растительностью, спустились в долину и оказались на краю огромного болота.

Старый охотник, по каким-то одному ему известным приметам, прыгая с кочки на кочку, пошел по болоту. Клэйтон последовал за ним, удивляясь не только его ловкости, но и бесстрашию: несмотря на весь опыт, предательская трясина могла ежеминутно засосать смельчака.

Перевалив еще через одну небольшую горную гряду, старый охотник остановился и сказал:

— Дальше не пойду. Озолоти, — не пойду. Тут близко. Теперь ты сам найдешь. Иди все прямо. Мимо большого белого камня пройдешь, поверни направо. Там и увидишь. Назад пойдешь? Если скоро пойдешь, я тебя тут подожду, назад провожу.

Пойдет ли он назад и скоро ли? Этого Клэйтон не знал.

— Ты подожди меня день и ночь. Если не вернусь, иди. Только вот что! Через перевал Улан-даба ходил? В Кобдо был? Отлично. Иди в Кобдо, разыщи там американского консула и передай ему письмо, — я сейчас напишу.

Клэйтон написал Додду о том, что ему, Клэйтону, повидимому удалось найти местопребывание Микулина. Если все будет хорошо, он придет к болоту в полнолуние, через месяц. Додд может через охотника прислать письмо или явиться сам.

— Вот, возьми письмо. Если ты доставишь его, то получишь много денег и подарков. Может быть, с тобою сюда придет один господин, ты проведи его.

Старый охотник взял письмо, положил его под шапку-папаху, кивнул головой и уселся на кочку, а Клэйтон отправился дальше.

Он шел по южному склону горы, который защищен от северных холодных ветров. Был второй час дня. Жара стояла невыносимая. Джетти, — черный пудель, неизменный спутник Клэйтона во всех его путешествиях, плелся, высунув язык, с которого падала слюна. Ни малейшего ветерка. Даже листья тополя были недвижимы. Клэйтон спускался вниз по берегу горной речки. Джетти несколько раз подбегал к реке и лакал воду.

— Жарко, Джетти, кажется гроза будет, — сказал Клэйтон. И в самом деле, где-то вдали глухо прогремел гром. Горное эхо несколько раз повторило рокочущий звук. Гроза быстро приближалась. Верхушки деревьев зашумели, и первые крупные капли дождя упали на лицо и руки Клэйтона. Поправив дорожный мешок за спиною, Клэйтон побежал к большой косматой ели, чтобы укрыться от дождя.

Борьба Миров

— Вот так, Джетти, ложись здесь! — устраивался Клэйтон под деревом. Собака легла, но сразу же вскочила на ноги и залаяла, поджав свой пушистый, давно не стриженый хвост. Что-то испугало собаку.

Сквозь шум дождя и рокотанье грома Клэйтон услышал топот. Затем с пригорка на поляну вылетел золотистый конь, на котором сидела молодая девушка. На ней был костюм юнгштурма: короткая юбка цвета хаки и блуза с открытым воротником, стянутая широким поясом и ремешком через плечо. На ногах — высокие зашнурованные ботинки. Стриженные под скобку волосы развевались на ветру, лицо покраснело от быстрой езды. Девушка улыбалась и что-то кричала. Она промчалась мимо Клэйтона и скрылась внизу за густыми ивами. Секундой позже на поляну выехал молодой человек-блондин, похожий на калмыка, очень весело улыбавшийся. Он подгонял свою лошадь, видимо желая догнать ускакавшую амазонку. Следом за молодым человеком по пригорку катился какой-то большой бурый шар. Клэйтон принял этот шар за большую собаку, но когда шар подкатился, — оказалось, что это медвеженок. Вот почему так истерически лаял Джетти: он почуял зверя. Но медвежонок не обратил на пуделя никакого внимания: он нагонял наездников. Странно, однако, что наездники, убегавшие от медведя, улыбались так весело. Клэйтон быстро снял с плеча винтовку, но не выстрелил: он подумал, что быть может, зверь ручной, а всадники убегали не от медведя, а от дождя.

„Советская Диана", как мысленно назвал Клэйтон наездницу, удивила его. Клэйтон никак не ожидал встретить в дебрях Алтая такую красивую женщину. Но кто она? И кто этот мужчина? Микулин? Как жалко, что Додд не показал Клэйтону карточку Микулина.

Гром грохотал уже над самой головой Клэйтона, дождь лил водопадом, но Клэйтон уже не обращал на это никакого внимания. Он побежал следом за наездниками. Обогнув заросли ивы, он увидел большую поляну, примыкавшую к почти отвесной скале. У скалы стояли три деревянных дома. Над средним возвышались

металлические мачты,— радиостанция, как решил Клэйтон. Дома были окружены цветниками.

IV. Бродяга по призванию

НЕПОДАЛЕКУ стояли два сарая, за которами виднелось поле ржи. — „Однако, тут целая ферма, — подумал Клэйтон. — Но где же наездники?" В эту минуту из двери дома, над которым возвышалась антенна, выбежал молодой человек в русской рубашке и сапогах. Он побежал к мачте антенны, что-то осмотрел, и вернулся к дому. Огромная молния, раздирая воздух с оглушительным треском, сорвалась с неба и ударила в острие металлического шеста.

— Громоотвод, — подумал Клэйтон. — Вот что испугало старого охотника.

— Чорт возьми, это не громоотвод, а молниепривод, — подумал Клэйтон в следующую минуту. В самом деле, мачты и провода как будто собирали электрические разряды со всех сторон. Над домом разряды следовали беспрерывно. Синелилово-белая полоса молнии соединила небо с землю, и точкою соединения были вершины мачт. Даже здесь, на расстоянии добрых сотни метров от дома, жутко было стоять. Но каково было молодому человеку, который находился под самым потоком молнии! Несмотря на громоотводы, молнии разветвлялись, смертоносные бичи разряжались совсем близко от молодого человека. А он, как ни в чем не бывало ходил вокруг дома, что-то поправляя и осматривая. Неожиданно взгляд молодого человека остановился на Клэйтоне. Как будто тень недовольства прошла по его лицу, но вслед затем он улыбнулся и приветливо махнул рукой, приглашая Клэйтона подойти.

Клэйтон не без содрогания направился к дому, на который низвергались молнии, как будто собранные со всего Алтая.

Кричать было бесполезно, потому что удары грома были оглушительны. И когда Клэйтон приблизился, молодой человек только указал на дверь. Клэйтон взошел на крыльцо.

В дверях он столкнулся с девушкой, Она была еще в том же мокром платье. Посмотрев на Клэйтона с изумлением, девушка выскочила на крыльцо и побежала по дорожке к домику с мезонином, стоявшему недалеко от скалы.

Клэйтон вошел в комнату и огляделся, Грубо сколоченная, — повидимому, самодельная мебель: стол у окна, две скамьи у стен, несколько табуреток. У стены шкап с посудой. Очевидно это была столовая. Клэйтон не решался сесть на скамью, — с него так и текло. Джетти также оставлял после себя лужи.

Гром стал понемногу стихать и скоро в комнату вошел молодой человек, пригласивший Клэйтона войти в этот дом.

— Здравствуйте, — сказал он по-русски. — Вы иностранец? Я не ошибся: Садитесь, пожалуйста. Я сейчас растоплю печь, и вы сможете высушиться. — Молодой человек улыбнулся. — Но мы еще не знакомы. Моя фамилия Микулин.

„Неужели этот молокосос способен перевернуть мир?" — думал Клэйтон, разглядывая лицо Микулина. Оно действительно выглядело очень молодым. Прекрасный лоб и в особенности глаза — большие, голубые, прозрачные и в то же время глубокие, — привлекали особое внимание. От этих глаз трудно было отвести взгляд.

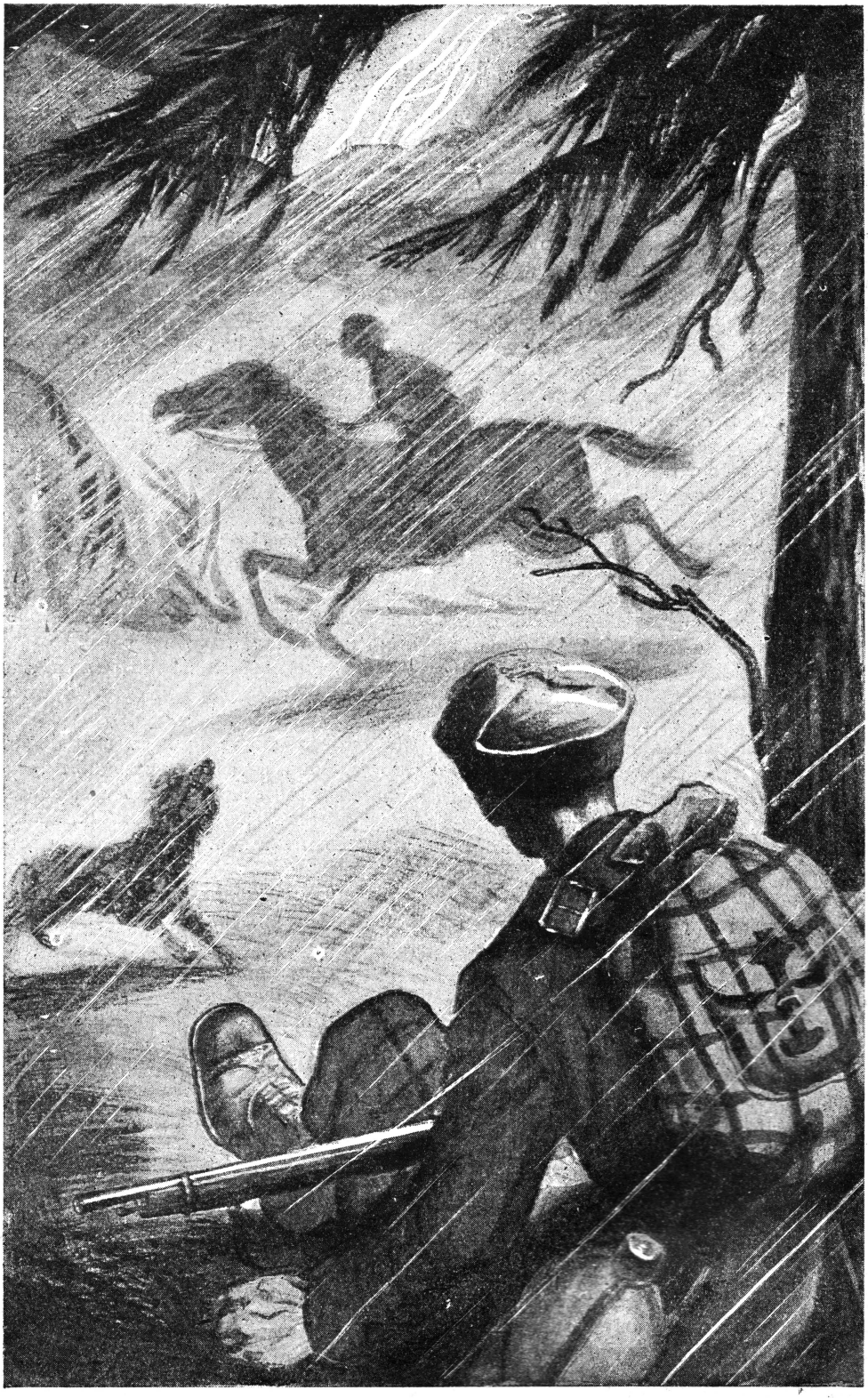
— А моя фамилия Клэйто... — удар грома прогремел очень своевременно... — Клэйн — говорю я. — Американец, турист, вернее, бродяга по призванию. Я исколесил все пять частей света и был приятно поражен, попав на Алтай. Признаюсь, я не ожидал здесь встретить такую красоту.

— Но как вы прошли... через болото? — спросил Микулин.

— Охотник провел меня. Он сказал, что это самый близкий путь к китайской границе, куда я направляюсь. По дороге проводник занемог и отправился домой, а я пошел вперед один и вот... неожиданно наткнулся на вашу ферму. Вы здесь как видно не плохо живете. Когда я шел сюда, меня обогнали амазонка, наездник и медвеженок, которого я едва не подстрелил, вообразив, что он гонится за людьми.

Микулин рассмеялся.

— Это Аленка, Елена Лор, химик и мой помощник, наездник — Ефим Грачов, лаборант, а медведь — Федька. Воображаю, как была бы огорчена Аленка, если бы вы подстрелили ее медведя.



Наездница промчалась мимо Клэйтона.

— Но что вы здесь делаете, в такой глуши? — спросил Клэйстон, разыгрывая роль наивного утриста.

— О, мы здесь двигаем науку! — с шутливой серьезностью ответил Микулин.

— Видали мои молнии? Я их „засаливаю", собираю впрок, как мельник собирает воду. — Не прекращая разговора, Микулин принес железный ящик, оказавшийся электрической печкой, протянул шнур, вставил штепсель, и Клэйтон скоро почувствовал тепло.

— Вот видите, как молния отопляет нас! Сейчас на дворе тепло и вы высохли бы на солнышке, но это скорее. Подождите, я пущу еще вентилятор со струей теплого и сухого воздуха. Ну вот, через пять минут вы будете сухи, как Сахара в полдень. Молния дает мне энергию для освещения, отопления и научных опытов Я аккумулирую небесный огонь. Ведь самая „захудалая" молния в десять тысяч ампер в продолжение одной сотой доли секунды дает энергию не менее семисот киловатт-часов. За месяц над моим домом произошло сто разрядов. Это дало мне семьдесят тысяч киловатт часов. Недурно? Я изобрел такие „громоприводы", которые притягивают сюда молнии чуть не со всего Алтая, и все эти молнии я загоняю, как зверей в клетки, в небольшие аккумуляторы. Если бы я рассердился, этими молниями я мог бы уничтожить целую армию!

— А для вас самих разве они не представляют опасности? — спросил Клэйтон.

— Разумеется. В 1753 году в Петербурге во время опыта был убит молнией академик Рихман. Малейшая неисправность — и конец. Лучше не иметь совсем никакого громоотвода, чем ставить плохо сконструированный. В этом отношении наши прадеды были не так уже неправы опасаясь ставить громоотвод. Где-то я читал, что домовладелец французского городка Сен-Омэра, Виссери де Буавалле, поставил на крыше своего дома громоотвод в виде меча, направленного в небо и укрепленного на шаре, а шар был приделан к металлической палке. Это было в 1783 году. Столь непочтительного вида громоотвод конечно задел религиозные чувства сен-омэрцев. Ведь это было почти вызовом небу, объявлением войны господу богу. Когда же граждане увидали на острие меча пляшущие языки небесного пламени и низвергающуюся молнию, то пришли в ужас. Гнев бога мог спалить маленький французский городок, как Содом и Гоморру. Муниципальные власти предъявили к Виссери де Буавалле иск о снятии неприличного и опасного в пожарном отношении громоотвода. На этом процессе со стороны домовладельца выступал молодой адвокат, — тогда еще двадцатипятелетний юноша Робеспьер. Это имя, конечно, известно вам? Этот процесс, нашумевший на всю Францию, положил начало известности Робеспьера. Он блестяще выиграл процесс и „отстоял" громоотвод. Процесс этот сыграл немалую роль в распространении громоотводов.

Что касается моих „громоприводов", то они как будто не представляют опасности. Я предусмотрел все. Меня может погубить только случайная неисправность. Работа в лаборатории сопряжена с гораздо большими опасностями.

— Обсушились? Не хотите ли чаю? Или есть? Мы сейчас будем обедать. А вот и гроза прошла.

В комнату вошла высокая коренастая старуха. Она казалась последним представителем вымершей породы великанов. Старуха искоса взглянула на Клэйтона, сухо поклонилась и начала накрывать на стол.

Следом за ней вошла в комнату девушка. Теперь на ней была белая блузка и клетчатая юбка-шотландка.

— Познакомьтесь, — сказал Микулин. — Елена Ричардовна Лор. Мистер Клэйтон. Турист по призванию.

Еще одно лицо появилось в комнате: молодой человек с калмыцким лицом. На этот раз он был в толстовке и в брюках навыпуск, с туфлями на босую ногу. Это несколько шокировало Клэйтона.

— Грачов, Ефим Яковлевич. А это наша завхоз, повар, ключница и прочее и прочее — Егоровна. Нехватает только ее почтенного супруга — Данилы Даниловича Матвеева, великого ловца зверей. Он вчера с вечера пошел на охоту и еще не вернулся.

Когда все уселись за стол, Микулин рассказывал гостю, как они живут. Лор

и Грачов иногда вставляли свои замечания. Клэйтон слушал и в то же время внимательно наблюдал этих людей и пытался определить их отношения друг к другу. Его больше всего занимал вопрос, какое место в сердце каждого из молодых людей занимает Лор и кто из них завоевал ее сердце. По мнению Клэйтона, роман был неизбежен. Для этого имелись все данные: молодость всех троих, красота Лор, одиночество. Пожалуй, имелись данные даже для драмы: оба молодых человека неизбежно должны были влюбиться в Лор, но, кто же из них счастлив? У Микулина больше данных: он красивее, он шеф этой маленькой общины, наконец, он гениален. А Грачов? Он интересен только своей необычайной веселостью и жизнерадостностью. Разве несчастный влюбленный может так смеяться, как Грачов? Но кто же, кто из них?.. Неужели эти молодые люди умеют так прекрасно владеть своими чувствами? У них ровные, товарищеские отношения с Лор. Ни тени „ухаживания". Они не оказывают ей за столом услуг, общепринятых в кругу друзей и знакомых Клэйтона, как будто она была не девушкой, а их товарищем-юношей. И она тоже не оказывает ни одному из молодых людей особого внимания. Клэйтону даже показалось, что на него она поглядывает гораздо чаще, чем на своих товарищей по работе. Это внимание могло доставить Клэйтону большое удовольствие, но он скромно объяснил свой успех тем, что он здесь новый человек, а жизнь „колонистов" повидимому не отличается разнообразием.

Обед подходил к концу и Клэйтон начал беспокоиться. Приличия требовали, чтобы он, поблагодарив хозяев за гостеприимство, отправился своим путем. Надо было придумать предлог, чтобы задержаться здесь на возможно большее время. Прикинуться больным — нельзя, так внезапно. На всякий случай Клэйтон решил подготовить почву. Он незаметно перевел разговор на себя и сказал:

— Я, быть может, не совсем точно выразился, аттестовав себя бродягой по призванию. Это не совсем так. Скорее я бродяга поневоле. Дело в том, что у меня странная болезнь. Англичане пожалуй, назвали бы ее сплином. И только во время путешествия я успокаиваюсь. От времени до времени у меня бывают сердечные припадки. Иногда они быстро проходят, иногда же мучат меня по нескольку дней... Позвольте вас поблагодарить... мне пора в путь!

Борьба/Мирок

Микулин, и даже Лор, предложили ему остаться. Клэйтон едва не согласился „погостить денек-другой", но выдержал характер: у него уже был готовый план. Он распростился с новыми друзьями и вышел. Микулин, Лор и Грачов вышли его провожать.

— Если б дете еще в наших краях, заходите! — крикнул ему Микулин.

— Благодарю, ответил Клэйтон, удаляясь от дома. „Выдержка, выдержка", — шептали его губы.

V. Припадок

У БЕЛОГО камня, лежавшего неподалеко от речки, Клэйтон встретил великана — седого старика с убитой косулей на плечах. Пояс его был увешан гирляндой из горных куропаток и дроф. Из-за спины торчало дуло ружья. Это и был очевидно великий ловец — Данилыч. Клэйтон почти с ужасом посмотрел на него. Старик остановился и учинил Клэйтону настоящий допрос. Узнав, что Клэйтон был у Микулина, старик смягчился и подал свою, похожую на терелку, ладонь.

„Ну и папа, — подумал Клэйтон, пожимая руку великана и вспоминая старуху, прислуживавшую за столом. — Где они только подобрали друг друга".

— Куда идешь? — спросил старик. Он со всеми был на „ты".

— К китайской границе — ответил Клэйтон.

— Так не пройти. Иди к перевалу... — и Данилыч подробно объяснил путь.

Они расстались. Но Клэйтон не пошел на перевал, а остался в лесу неподалеку от фермы Микулина и начал незаметно наблюдать за фермой. Мысль притвориться больным занимала его. Сначала он хотел выяснить, по какой дороге Лор ездит на прогулку и лечь на ее пути, представившись больным. Но на это надо было потратить не менее двух дней, а Клэйтона охватило нетерпение. Ведь он ушел от Микулина, несмотря на пригла-

шение остаться. Этим самым он достаточно замаскировал свои намерения. И Клэйтон решил „заболеть", не откладывая этого дела.

Он вернулся к белому камню и улегся на него. Из окон дома камень виден. Рано или поздно, его должны заметить. Клэйтон корчился на камне, как полураздавленный червь, имитируя судороги, и, наконец, замер в глубоком обмороке. Он лежал неподвижно, одним глазом поглядывая на дом. Но его не замечали и никто не шел ему на помощь. Так пролежал он более двух часов. Это начинало ему надоедать. Бок болел от твердого камня. Клэйтон уж хотел встать и придумать что-нибудь другое, как вдруг одна мысль пришла ему в голову.

Джетти уже давно опротивело вынужденное бездействие, он нетерпеливо скреб камень лапами и отрывисто лаял. Клэйтон начал тихо стонать. Нервный пудель не мог переносить стона и завыл, сначала тихо, а потом все громче. Этот вой был неожиданно поддержан густым гудением медвежонка Федьки. Получился довольно дикий дуэт, который должны были услышать все обитатели фермы. Однако, Федька едва не испортил дела. Он вдруг выбежал из сарая и направился к белому камню. Увидав медведя, Клэйтон с трудом удержался, чтобы не вскочить и не убежать, хотя и знал, что медведь ручной. При том медведи не трогают трупов, а Клэйтон лежал неподвижно, как мертвый. Джетти завизжал так, словно медведь уже драл его, медведь ревел еще громче. На этот шум вышла Егоровна и позвала Федьку. Но тот был слишком увлечен возможностью завязать знакомство с Джетти. Он не отходил от Клэйтона.

— Ах, трясцы тебя побери! — выбранилась Егоровна и направилась к белому камню. Она отогнала медвежонка, прикрикнула на пуделя, потом обратилась к Клэйтону:

— А вы что тут лежите?.. Спите, что ли?

Клэйтон простонал, не открывая глаз.

— Ишь ты, заболел немец! — Для Егоровны все иностранцы были немцы. Она наклонилась над ним, подвела руки под его спину и подняла Клэйтона с такою легкостью, как будто он был маленький ребенок.

Клэйтон совсем иначе представлял свое возвращение на ферму. Он, бледный, с закрытыми глазами, лежит в красивой позе на дороге. Вы-жает очаровательная наездница и видит его. Соскакивает с лошади, наклоняется к нему, быть может целует... И вместо всего этого какая-то престарелая великанша несет его под мышкой как зарезанного каплуна!.. Только бы Лэр не видала этой картины.

Судьба смилостивилась над Клэйтоном. Никто не видал этого печального шествия Егоровны с телом Клэйтона на руках. Молодежь работала в лаборатории, а Данилыч свежевал косулю за сараем. Егоровна принесла Клэйтона в домик с мезонином, положила на скамью и тихо сказала:

— Вот еще навалился на нашу голову. Помрет, пожалуй, наделает хлопот. — И вышла из комнаты.

Клэйтон оглянулся, спрыгнул со скамьи и подбежал к окну. Егоровна скрылась в дверях лаборатории, но через минуту опять вышла в сопровождении Лор. Клэйтон быстро отбежал от окна, улегся на скамью и закрыл глаза... Дверь открылась, вошли Егоровна и Лор.

— Как будто дышал еще, — сказала Егоровна. Лэр подошла к Клэйтону и взяла его руку.

— Пульс немного повышен! — сказала она. — Я сейчас схожу за нашатырным спиртом. А вы, Егоровна, приготовьте холодной воды.

Вскоре девушка принесла дорожную аптечку и стала растирать виски Клэйтона одеколоном, давала ему нюхать спирт, брызгала водою. Только бесчувственный труп мог остаться равнодушным к такому заботливому уходу. Клэйтону хотелось продлить удовольствие, но в то же время ему хотелось и скорее посмотреть на девушку глазами, исполненными благодарности. Он не чужд был романтизма, этот „бродяга по профессии".

Увы, сцена разрешилась совсем иначе. Лор слишком близко подставила склянку со спиртом к носу Клэйтона. Он чихнул так громко и неожиданно для самого себя и Лор, что та уронила склянку, а Егоровна ахнула густым басом.

— Вам лучше? — спросила Лор. — Как вы себя чувствуете? — И тут же рассмеялась — Вы так напугали меня!

— Простите... Да... Отлично чувствую! То есть ужасно... Боли в груди, сердце... спазмы... Припадок... Все пройдет, надеюсь..,

— Лежите спокойно — сказала Лор. — Я вам положу на сердце лед.

— Нет, не надо! — испуганно возразил Клэйтон: — от льда мне будет хуже...

— Не рассуждайте! — строго сказала Лор, как заправский врач.

VI. В стане неизвестного

КЛЭЙТОН „поправлялся“ очень медленно. Правда, встал он в тот же день вечером, но был ужасно слаб.

— Эти припадки обессиливают меня на много дней... — говорил он, — я очень огорчен, что доставил вам столько беспокойства.

Клэйтону очень хотелось сопровождать Елену Лор в ее прогулках, но он должен был выдерживать роль больного. Иногда „припадок“ повторялся в легкой степени. Тогда Лор отказывалась от своей обычной прогулки и ухаживала за больным. Таким образом Клэйтон провел с девушкой не мало часов. По мнению американца, это должно было возбудить ревность у Микулина или Грачова. Но, очевидно, у этих людей были куски льда вместо сердца; никто из них не обращал внимания на то, что Лор проводила все свои свободные часы у постели больного

Клэйтона поместили в том же доме, где жил Грачов. В среднем доме, примыкавшем к скале, находилась лаборатория. Там жил Микулин, а Лор занимала мезонин в доме, где помещались старики-великаны, — супруги Матвеевы, старообрядцы, когда-то бежавшие в леса Алтая от гонений царского правительства. Вообще за эти несколько дней Клэйтон узнал многое. За эти же несколько дней он ближе познакомился со всеми обитателями фермы Джетти подружился с медвежонком Федькой и они целыми днями гонялись друг за другом, Лор очень полюбила Джетти, Грачов и Микулин дружески встречали больного и всегда осведомлялись о его здоровье. Только старики Матвеевы относились к Клэйтону не очень дружелюбно. Они не могли примириться с тем, что „немец“ оскверняет их жилище дымом „чертова зелья“, — как называли они табак.

Когда Клэйтону было „лучше“, он заходил к Микулину. Ученый встречал его любезно и охотно давал разъяснения.

Борьба Миров

— Мы с Аленкой идем разными путями к одной цели. Аленка, — так Микулин называл Лор, — последовательница классической химии, я — физик. Иногда у нас с ней происходят маленькие споры. Я утверждаю, что классическая химия отжила свой век и что на смену ей идет физика. Даже в тех областях, где химия считала себя неограниченным владыкой. В самом деле, сколько труда тратят химики хотя бы на то, чтобы создать синтетическим

Клэйтон совсем не так представлял свое возвращение.

путем каучук! А я достигаю этого очень скоро при помощи своих катодных трубок высокого напряжения. Вот, полюбуйтесь.

Микулин подошел к стене и повернул рубильник. Между двумя огромными электродами-полюсами проскочила искра, величиною с яблоко, как показалось Клэйтону.

Микулин передвинул рубильник, и искра превратилась в бешеные потоки голубовато-белого огня, который ревел, трещал, шипел так сильно, что Клэйтон невольно отступил к двери.

— Отойдите еще дальше! — крикнул Микулин — На этом месте однажды едва не убило Аленку.

— А вы? — спросил Клэйтон.

— Мне надо! — ответил Микулин. Он повернул рубильник назад. Страшные огненные змеи исчезли в свою нору, притаились. Но они были здесь, готовые каждую минуту выпрыгнуть по приказу своего укротителя. Да, Микулин, этот красивый юноша с выразительными глазами, был страшный своим могуществом человек.

— Это настоящая молния, — пояснял Микулин. — В ней два миллиона вольт. Но я могу довести напряжение до десятка миллионов. Настоящая молния лопнет от зависти Теперь смотрите сюда. — Микулин повернул другой рычаг. Шесть длинных стеклянных лампочек, соединенных цепью, засветились приятным зеленоватым огнем.

— Это не так страшно, не правда ли?— спросил Микулин. — А между тем здесь заключены те же ужасные стихийные силы. Но я заставил их служить человеку. Вот из этого окошечка в трубке я выпускаю „пи лучи". Это настоящие лучи смерти для многих живых существ. И в то же время они способны делать чудеса, превращая химические элементы. Пусть злится Лор! Это моя физическая катодная химия. Я разбиваю и перемешаю атомы по своему желанию. Из углеводородов я могу сделать искусственный каучук, из угля — бензин и нефть. Из дерева — сахар и шелк, и скоро кажется я получу живую протоплазму. — Микулин погасил лампочки. — Идемте, пора обедать.

— Вы кажется скоро будете превращать камни в золото? — шутливо спросил Клэйтон, волнуясь в душе. Микулин уселся на ступенях крыльца, покачал головой и сказал:

— Не так скоро, как я сам предполагал.— Он взял несколько камешков и начал укладывать их в ряд. — Практическая химия имеет дело с очень небольшим количеством химических элементов. Кислород водород, углерод, азот. Вот основные строители бесчисленного количества видимых веществ. Молекулы этих элементов вступают во всевозможнейшие отношения, — вот так, как я раскладываю эти камешки. И каждый раз получается новое вещество, то анилиновая краска, то взрывчатое вещество, то ароматическая эссенция. Одним и тем же веществом я могу взорвать скалу или надушить ваш платок. Аленка Лор рекордсмен в этой области. Но все это еще не то, что мне надо. Эта игра в камешки уже не занимает меня. Меня интересует превращение самых „камешков". Изучая природу самих атомов, перемещая расположение их электронов и протонов, я хочу превращать основные элементы: из кислорода делать водород, из углерода — азот. Тогда я буду мастером „перевоплощения" материи. Но как много трудностей на этом пути!

— Я похож на путешественника в неведомых странах. Мне надо заготовить „фураж", прежде чем двинуться в путь, и Лор и Грачев помогают мне в этом. С этим багажом я двигаюсь в путь к намеченной цели. Эта цель кажется близка как горная вершина. Но вы знаете, как горный воздух скрадывает расстояния и обманывает? Вы идете, идете день и ночь, падаете от усталости, а вершина как будто уходит от вас... Вот здесь, на Алтае, есть гора Белуха. Пять тысяч пятьсот метров. Еще ни одна человеческая нога не ступала на эту вершину. А между тем она не кажется такой высокой и недоступной. Попробуйте, взойдите на нее!.. То же происходит и со мной. Иногда мне казалось, что я совсем близко у цели. И когда мне оставалось только сделать последний шаг, вдруг я видел прежде скрытую от моих глаз расщелину, глубокий провал, который нельзя было перейти. И надо было начинать все снова. Но цели-то своей я в конце концов достигну.

— И будете превращать булыжники в золото?

— И золото в булыжники, — ответил Микулин.

— Скоро?

— Да, теперь скоро. Предварительные работы закончены. В моей лаборатории все приготовлено к опыту. Теоретически вопрос решен. И быть может не пройдет и нескольких дней, как вы будете свидетелем осуществления мечты алхимиков. У всех этих алхимиков было зерно истины! Великий алхимик средних веков араб Абу-Музы-Джафар-аль-Софи говорил, что металлы — тела меняющейся природы, состоят из меркурия, т. е. ртути, и серы и потому им можно придать то, что им недостает, и отнять от них то, что находится в избытке. Мы, современные алхимики, действуем очень похожим методом: стараемся изменить атомное строение, отнимая или прибавляя недостающие электроны. Не любопытно ли, что каким-то чутьем алхимики определили, что ртуть по химической природе наиболее близка золоту? В периодической системе Менделеева золото занимает семьдесят девятое, а ртуть — восьмидесятое место, и атомный вес их очень близок: золото 197,2, ртуть— 200,6...

— Обедать! — послышался сильный и низкий голос Егоровны.

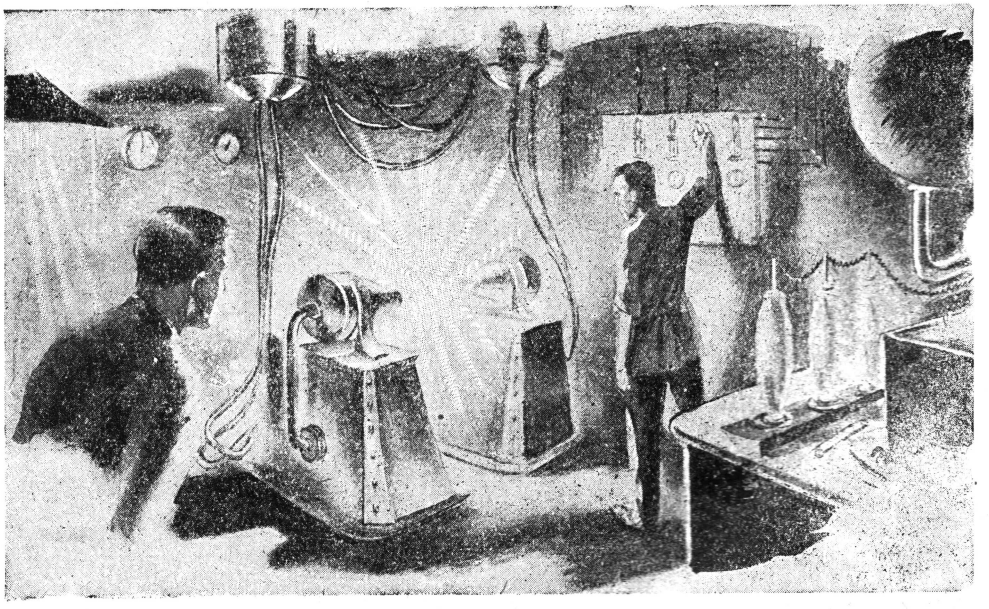
Борьба Миров

— Идемте обедать, — поднялся Микулин, а сегодня вечером приходите в лабораторию Вы будете присутствовать в качестве благородного свидетеля при появлении первого золотого слитка.

— „Однако мне везет", — подумал Клэйтон. Все складывалось лучше и проще, чем он ожидал.

VII. Неудавшийся опыт

ПОСЛЕ обеда Клэйтон вернулся в свою комнату и, как и полагалось больному, улегся в постель, чтобы провести свой мертвый час. Но этот мертвый час был наполнен довольно живыми размышлениями. Клэйтону надо было обдумать дальнейший план действий, если секрет получения золота искусственным путем будет открыт Микулиным. Убить! Но это не легко. Совсем не легко... Пожалуй, легче всего убить Грачова. Но он только лаборант. Нечто вроде слуги. Подай, подогрей, возьми... Микулин? Говорят, он гениален. Вполне возможно. Однако Микулин обладает еще одним талантом: привлекать к себе симпатии



Между двумя электродами проскочила искра.

окружающих. Клэйтон старался убедить самого себя, что Микулин замышляет погубить цивилизацию, но маска злодея спадала с лица Микулина, и на Клэйтона смотрели большие глаза, от которых трудно было оторвать взгляд.

— Не может быть, чтобы Лор была равнодушна к этим глазам, — прошептал Клэйтон. И мысли его перешли к девушке прежде, чем он „покончил" с жизнью Микулина. Убить Лор? Убить молодую девушку, похожую на веселого мальчика? Да он и не собирался никого убивать! Он узнает о том, что секрет золота открыт, сообщит Додду и пусть они делают, что хотят. Впрочем нет. Клэйтон был бы плохим патриотом, если бы отказался выполнить свой гражданский долг. Надо меньше размышлять, а больше делать. Я не возбуждаю подозрений у Микулина и спрошу его прямо, как он думает использовать свои изобретения. Если он в самом деле думает сделать их орудием революционной борьбы, то с ним и со всеми ими не придется церемониться.

Вечером Клэйтон отправился в лабораторию. Там уже кипела работа. Лор и Грачов видимо волновались. Грачов хотел скрыть свое волнение под маской обычной шутливости.

— Как ты думаешь, Вася, — спрашивал он у Микулина, — скоро у нас из золота будут общественные уборные делать?

Микулин улыбался, как всегда. Ни малейшего напряжения мысли не видно было на его большом открытом лбу, как будто Микулин делал совсем простое, обыденное дело.

— Сыпь сюда, на эту полочку, — приказал он Грачову вместо ответа. Грачов насыпал на небольшую полочку у стеклянной трубки белого порошку.

Руки Грачова немного дрожали.

— Довольно?

— Довольно, Ефим, спасибо. Аленка, отойди, ты опять стоишь против трубки. Сейчас буду пускать ток...

Лор отошла. В лаборатории наступила торжественная тишина. Микулин повернул рубильник. Загудел мотор, затрещала искра. Пустотные трубки наполнились зеленоватым огнем. Четыре пары глаз внимательно смотрели на белый порошок.

— Идет! — крикнул Грачов. — Чернеет! Сейчас золотеть начнет...

— Ничего не идет, — спокойно ответил Микулин. — Порошок не должен чернеть.

Вскоре белый порошок сделался черным, как уголь.

Микулин рассмеялся и, обратившись к Клэйтону, сказал:

— Простите, я поторопился позвать вас. Опять неудача! Хотя я не понимаю, как это могло случиться. Аленка, иди сюда на расправу.

На лицах Лор и Грачова было написано самое искреннее огорчение.

Микулин и Лор засели за небольшой чертежный столик. Микулин начал быстро писать на старом чертеже химические формулы, от времени до времени обращаясь к Лор с вопросом:

— Так?

Смущенная девушка кивала головою.

— Пока все верно, — вздохнул Микулин. — Но был ли химически чистый препарат? Достаточно ли тщательно ты промыла посуду?

— Я...

— А ну, пойдем в твою лабораторию. — И еще раз обратившись к Клэйтону, Микулин сказал:

— По независящим от дирекции обстоятельствам спектакль не состоится. Публика может получить из кассы деньги обратно.

— Но может быть, позже? — спросил Клэйтон.

— Если вы имеете терпение подождать. Мы не окончим работу, пока не отыщем ошибку или причину неудачи. И если нам посчастливится, — мы сегодня же попробуем повторить опыт.

— Я подожду, — сказал Клэйтон.

Выйдя на крыльцо, он сел на ступеньки и закурил трубку. Дверь в лабораторию была открыта. Проходили часы за часами, а Микулин, Лор и Грачов все еще работали в лаборатории. Иногда слышались вопросы Микулина и быстрые ответы Лор.

Месяц зашел за гору, утренний холодок заставлял ежиться. В лаборатории заговорили громче, потом затихли. Клэйтон подошел к окну и посмотрел. Три головы склонились над большой колбой, под которой горела бунзеновская горелка.

— Ага! — воскликнул Микулин. — Кто прав?

— Как всегда, ты, — ответила Лор. — Но кто виноват?

— А кто мыл посуду?

— Ефим.

— А-а! — зарычал Микулин и вытащил Грачова из лаборатории на крыльцо.

— Заждались? Вот он — преступник! — сказал Микулин. Ефим Грачов, погубивший первый слиток золота. И из-за него общественные золотые уборные будут построены несколькими часами позже!

Грачов был так огорчен, что на глазах у него появились слезы.

— Ну не грусти, Ефим. С кем не бывает — утешал его Микулин. Лор тоже вышла из лаборатории, на ее лице также было написано огорчение и усталость. Она проработала всю ночь с большим напряжением. Глаза ее смыкались.

— Будем продолжать? — спросил Микулин, — он совсем не выглядел утомленным, но, посмотрев на своих усталых товарищей, сказал:

— Баста! Пора спать. Завтра мы до обеда успеем приготовить все для опыта.

Грачов хотел протестовать, но Микулин настоял на своем.

— Пусть отдохнут, — сказал он Клэйтону, когда Лор и Грачов ушли. — Они много поработали. У самой цели перед нами опять открылась пропасть и нам не удалось перейти ее сегодня. Но это пустяки. За ночь, пока они будут отдыхать, я поработаю в лаборатории и сам приготовлю все для опыта. А вам тоже пора спать, мистер Клэйтон. Ваша трубка давно погасла.

— У меня бессоница — ответил Клэйтон. И если бы я мог быть полезен, я охотно помог бы вам.

— Не откажусь от вашей помощи, — ответил Микулин, и они прошли в химическую лабораторию Лор.

Клэйтон был довольно сообразительным и ловким малым, и через час Микулин говорил:

— А знаете, из вас вышел бы прекрасный помощник! У вас все в руках спорится. Вы не привыкли к химической посуде, и все-таки ничего не бьете и не роняете.

Клэйтон был польщен этой похвалой. Они проработали все утро. Солнце уже давно осветило вершины деревьев и белый камень, когда, наконец, они кончили приготовления.

— Готово! — сказал Микулин, — теперь пойдем, подышим свежим воздухом.

VIII. Удовольствие быть чортом

ОНИ вышли из дому и направились мимо белого камня, вдоль берега бурливой речки. Утреннее солнце золотило ивы и тополя. Микулин посмотрел на снежную вершину дикой горы, окутанную легкой дымкой.

— Отличное утро, — сказал Микулин. — А гроза все-таки будет сегодня. Она, пожалуй, и лишняя. Мои аккумуляторы заряжены и мои кладовые полны консервированными молниями. Притом у меня есть небольшая гидростанция. Скоро опыты закончатся, и энергия нужна будет только для производства золота. Положим, на это потребуется немало энергии.

— Что вы будете делать с золотом? — не удержался от вопроса Клэйтон.

— А мы наденем ярмо на золотого тельца и заставим его пахать наше поле! В древнеиндийских книгах — Атава-Веда золото называется жизненным элексиром. Смотрите на этот край. Природные богатства его неисчислимы. Красота неописуема. Климат прекрасный. А кто здесь живет? Дикий зверь, птица, да горсточка людей. Что может сделать золото с этим диким краем? Тысячи водопадов и горных речек будут вращать колеса турбин. По красивым долинам заснуют новенькие трамвайные вагончики, задымят заводские трубы, вырастут дворцы-санатории, оживут горы и леса. И не только здесь, на Алтае, золото станет элексиром жизни. Мы не будем зависеть от иностранного кредита... — и Микулин начал с увлечением говорить о том, как быстро будет развиваться хозяйство страны, увеличиваться благосостояние масс... Но Клэй она мало интересовала эта тема. Это было, так сказать, употребление золота для мирных целей. Клейтона интересовало иное. Дождавшись паузы, он спросил:

— В Атава-Веда золото названо средством против колдовства. Против какого же колдовства вы собираетесь использовать золото?

— Против колдовства самого же золота. Против колдовства капитала, поработившего рабочих, ослепившего разум людей блеском золота. Помните, я говорил вам, что из одного и того же вещества я могу сделать ароматическую эссенцию и взрывчатую смесь? Мое золото — это тот же динамит. Оно взорвет капитализм изнутри!

„Додд был прав. Вот когда Микулин показал свое настоящее лицо!“ — подумал Клэйтон.

— Но ведь это причинит большие несчастья людям. Я хочу сказать, пока вам не удастся осуществить ваш новый строй...

— А скажите, положа руку на сердце, разве строй любезной вашему сердцу Америки обеспечивает счастье большинству населения? И даже те немногие, кто наслаждается счастьем за счет несчастья других, разве богачи спокойно наслаждаются своим счастьем? Разве их не беспокоит мысль о возмездии, о призраке революции? Спокоен только тот, за кем будущее.

Микулин еще долго говорил о грядущей революции, о гибели капитализма, но Клэйтон думал только об одной фразе: спокойным может быть только тот, за кем будущее. Чорт возьми, выходит, что будущее за большевиками! Ну, он убьет Микулина, убьет Лор и Грачова, а дальше что? Всех большевиков он перебить не сможет. А значит, — бояться революции придется попрежнему. Счастливая Россия. Ей не грозят революции, не грозит страшный призрак, который не дает спокойно спать европейским и американским капиталистам.

„Лучший способ перестать бояться чорта — самому стать чортом“, — подумал Клэйтон.

— По-китайски Алтай называется Киншан — золотая гора, — продолжал Микулин. — И ему не напрасно дано такое название. В горах Алтая очень много золота, — я делал разведки. Но это золото может спокойно оставаться в земле. Гораздо проще и дешевле будет получать золото лабораторным путем. Я поставлю производство на широкую ногу, и здесь в буквальном смысле возникнет золотая гора.

— „А если этот чорт будет обладать золотыми горами, то быть одним из чертей совсем не плохо!“ — продолжал развивать свою мысль Клэйтон.

Микулин еще о чем то говорит, а Клэйтон, почти засыпая, думает: „И как это мне раньше в голову не приходило? Останусь здесь, женюсь на Елене Лор“. Распростившись с Микулиным, Клэйтон вошел в дом, быстро разделся, лег на кровать и уснул мертвым сном.

Никогда не спал он так крепко. Но этот могучий сон был прерван сильнейшими ударами грома. Клэйтон открыл глаза и долго не мог сообразить, где он и что с ним. Гроза! Синие зигзаги режут за окном серую муть. Отсветы молний озаряют бревна стены. Где то кричат... Или это ему показалось? В промежутке между ударами грома ясно послышался голос Микулина. А вот громоподобный голос Данилыча...

Клэйтон подбегает к окну. Удивительное зрелище! Один из металлических стержней на крыше дома, в котором помещается лаборатория, надломился. Молнии ударяются в этот стержень и соскакивают на ниже лежащий шпиль уже не по проводу, а прямо по воздуху. Клэйтон понял всю опасность положения. Сильная молния может перепрыгнуть не на шпиль, а прямо на крышу. Вот один огненный клубок прыгнул на крышу, и она задымилась... Дом сгорит, а с ним и все научное оборудование, лаборатории дорогие машины.. Клэйтон быстро оделся и выбежал на улицу.

Вокруг дома толпится вся колония: Микулин, Лор, старики Матвеевы и Грачов. Он в странном костюме, похожем на костюм водолаза. Это изоляционный костюм. На руках, толстые резиновые перчатки. В правой руке палка с резиновым наконечником. Грачов забегает за угол дома и через минуту появляется уже на углу крыши. Он видимо хочет сбить палкой кусок обломанного, наклонившегося стержня.

Клэйтон даже через удары грома услышал, как вскрикнула Лор, увидав Грачова на крыше. Несмотря на изоляционный костюм, Грачов подвергался страшной опасности. Микулин, желая перекричать гром, потрясая кулаками, требовал, чтобы Грачов немедленно вернулся обратно. Но,

не обращая внимания на крики Микулина Грачов продолжал медленно ползти по скользкой крыше. Несколько раз молния ударяла в шпиль на расстоянии какого-нибудь метра от смельчака.

Видя, что Грачов не слушает его, Микулин, крича на ухо, приказал Данилычу стянуть Грачова с крыши багром. Великану старику ничего не стоило достать Грачова, не влезая на крышу. Но в тот момент, когда он уже поднимал багор, молния ударила в сломанный стержень. Минуя резиновый наконечник, она перескочила на мокрую палку, которую держал в руках Грачов, скользнула по ней и ослепительно взорвалась как показалось Клэйтону, на груди Грачова. В то же мгновение раздался такой страшный удар грома, что Клэйтон зашатался, а Лор упала на колени. Клэйтон закрыл глаза, ослепленный молнией, но тотчас заставил себя опять открыть их. Тело Грачова, окруженное облаком пара и синим дымком, сползло с крыши и упало на землю.

— Ефим! — крикнула Лор и бросилась на грудь Грачова, как бы желая своим телом потушить еще тлеющую одежду. Клэйтон содрогнулся, почувствовав запах горелого человеческого мяса. Лицо Грачева было иссиня-черно, изоляционный костюм, одежда и белье изорваны.

Микулин подбежал к Лор и поднял ее с земли. Она посмотрела на Микулина, тяжело вздохнула, закусила губу и замолкла. Она удивительно скоро справилась со своим волнением. Но Клэйтон не мог забыть ее короткий крик. О товарище и друге так не станет сокрушаться женщина, — по крайней мере американская. Значит или Лор любила Грачова или же чувство товарищества у них гораздо глубже и сильнее, чем у людей того круга, в котором жил Клэйтон.

Опять загремело. Молния вновь ударила в стержень, перескочила на шпиль и ушла в землю. Гроза затихала, но положение продолжало оставаться серьезным. Данилыч унес труп Грачова, а Клэйтон думал, что предпринять. Вдруг его осенила блестящая мысль. Он сбегал к себе в дом за своей прекрасной автоматической винтовкой, Клэйтон был неплохой стрелок. Несколько выстрелов, и надломленный конец стержня упал, он уже не мог больше отводить молнии в сторону. Еще одна молния упала на стержень и ушла в землю уже по проводу. Опасность миновала. Микулин с благодарностью взглянул на Клэйтона. И этот взгляд обрадовал Клэйтона гораздо больше, чем он сам ожидал. Нет, решительно Микулин обладает тайной привлекать к себе сердца людей!

Борьба Миров

Наконец гроза окончилась. Лор ушла, и у дома остались Микулин, Егоровна и Клэйтон. Егоровну Микулин отослал к Лор.

— Бедный Грачов, - сказал Микулин. Его лицо как будто постарело, а в глазах появилась тайная глубокая и искренняя скорбь, какую Клэйтону не приходилось видеть никогда в жизни. Но прошло несколько мгновений и спокойный взгляд Микулина уже был устремлен на крышу — на струйку дыма, курившегося в том месте, где был убит молнией Грачов.

Клэйтон все больше удивлялся этим людям. Их психология казалась ему необычайной. Быть может это психология будущего человека? Эта глубина переживаний и вместе с тем уменье быстро „переключить" свое внимание на другое, сосредоточить все свои душевные силы на одном предмете? С какой самоотверженностью полез Грачов прямо в огонь, не думая ни о чем, кроме спасения лаборатории!

— А ведь крыша тлеет! — сказал Микулин. Он сбегал за топором, влез на крышу и начал отдирать гонт. Скоро показались красноватые языки пламени.

— Так и есть! — сказал Микулин и, продолжая работать топором, крикнул Клэйтону:

— Сбегайте пожалуйста в лабораторию и принесите огнетушитель. Он висит на стене у двери направо!

И Клэйтон, который явился сюда для того, чтобы убить страшного Микулина, с большой готовностью побежал исполнять его приказания. Этот „холодный огонь", скрытый энтузиазм начал заражать Клэйтона. Он принес огнетушитель и взобрался на крышу. Отсюда он видел, как из дома, куда Данилыч внес труп Грачова, вышла Лор. Если бы не ее суровое лицо и чуть-чуть сдвинутые брови, никто не мог бы предположить, что эта девушка только-что перенесла сильнейший удар.

— Потушили? Я ничем не могу вам помочь? — спросила Лор.

— Кончено, — ответил Микулин. — Иди отдохни, Аленка!

Лор молча удалилась. Микулин и Клэйтон слезли с крыши.

Вечером в тот же день в сосновом гробу, сколоченном Данилычем, тело Грачова было опущено в землю. Засыпали. Молча постояли над могилой. Только Данилыч что-то шептал.

Через несколько дней, сидя за вечерним чаем, Микулин сказал:

— Трудно теперь работать без Грачова.

— Да, — ответила Лор. — Придется выписать кого-нибудь из наших ребят. Но на это уйдет не мало времени.

— Разрешите мне сделать одно предложение, — сказал Клэйтон. — Я одинок, решительно ничем не связан. Для меня „где хорошо, там и родина", как говорили римляне. Здесь мне очень хорошо. Болезненные припадки не повторяются. С каждым днем я чувствую себя здоровее. Я с большим удовольствием остался бы у вас по крайней мере до весны и помогал бы вам в лаборатории.

Микулин взглянул на Лор.

— А что, Аленка, ведь это не плохо? Мистер Клэйтон уже помогал мне и оказался способным. У него ловкие руки.

IX. Клэйтон строит мосты

КЛЭЙТОН достиг цели. Он присутствовал при опытах, мог следить за „путешествием" Микулина по неведомым странам молекул, атомов и электронов. Постепенно Клэйтон начал и сам знакомиться с этими удивительными странами. Его сведения были поверхностны, и быть может не совсем точны. Но он обладал живым воображением и даже во сне Клэйтону снились атомы и электроны. Он был в необычайном мире микрокосма. Он видел центральные ядра-протоны, вращающиеся вокруг самих себя, как солнца. Видел планеты-электроны, которые вертелись, как волчок и облетали вокруг центрального ядра. Иногда крайняя „планетка" отрывалась от своей солнечной системы, подойдя слишком близко к другому солнцу. Равновесие нарушалось. В маленьком мирке происходили настоящие „космические бури". Вечные странники—„ионы", как кометы, прорезывали солнечные системы атомов и нередко становились пленниками. Закон всемирного тяготения царил и здесь. Бродячие электроны превращались в планеты, вращающиеся как на привязи вокруг солнца. Это был мир вечного движения, вечно меняющийся и в то же время устойчивый. Вечно нарушаемое равновесие тотчас восстанавливалось.

И вот, приходит Микулин со своею „пушкой" и начинает бомбардировать электроны пи-лучами. Атомы расщепляются. Отдают внутреннюю энергию. Процессы, на которые природа тратит миллиарды лет, проходят в несколько минут... Клэйтону снятся груды золота, золотые горы Кин-шан.

Придя на утро в лабораторию, Клэйтон рассказывал Микулину свои сны. Микулин внимательно слушал, иногда смеялся и говорил:

— Вы делаете успехи.

Клэйтон поражался работоспособности Микулина. Микулин работал не отрываясь, целые дни и неизвестно, когда спал. Казалось, никакие интересы не существуют для него, кроме науки. Но Клэйтон знал что научный энтузиазм поддерживается у Микулина чисто практическими целями — сделать жизнь трудящихся лучше, легче, богаче.

Наконец, настал день, вернее вечер, когда Микулин возобновил свой опыт с превращением элементов.

На этот раз уже Клэйтон положил белый порошок на полочку у окошечка стеклянной лампы.

— А что это за порошок? — спросил Клэйтон.

— Висмут.

— И из него вы сделаете золото?

— Сейчас увидите.

Микулин повернул рубильник под напряжением тока в пять миллионов вольт, электроны завились винтом и с необычайной силой начали вылетать из окошечка. Никто их не видал, но зато видна была их работа: через несколько минут порошок висмута превратился в крупинку какого-то вещества, впрочем мало похожего на золото.

— Опять неудача?

В долинах Алтая задымят заводские трубы. заснуют вагонетки трамвая...

— Все в порядке, — ответил Микулин, рассматривая полученный элемент. — Это свинец. Будем продолжать опыт.

Свинец был превращен в талий. А из талия получилась блестящая капелька ртути. Еще раз вспыхнули трубки-лампы зеленоватым огнем, — и ртуть превратилась в горошину чистейшего золота. У Клэйтона дыхание перехватило.

— Что же вы будете делать с этим первенцем? — спросил он.

— Вновь превращу в висмут.

Клэйтон вздохнул. Золото превратить в порошок от расстройства желудка. Нет, решительно этот человек не от мира сего!

Микулин увидал огорченное лицо Клэйтона и рассмеялся.

— Вам так жалко этой горошины? Так и быть, я подарю вам ее. Можете сделать из нее брелок.

— Благодарю вас, — ответил Клэйтон, бережно опуская золотую горошину в жилетный карман. — Теперь вы займетесь производством золота?

— Вы ошибаетесь, мой друг. Эта горошина обошлась мне ровно в три раза дороже, чем стоит такой же кусочек ископаемого золота. Мой способ добычи золота еще не рентабелен, как говорят хозяйственники. Мое открытие еще не имеет практической ценности. Нужно удешевить производство золота.

Клэйтон был и разочарован и обрадован одновременно. Разочарован тем, что к золотым горам нужно еще долго итти, обрадован тем, что предстоит дальнейшая работа с Микулиным.

Потянулись рабочие дни. Микулин неустанно продвигался вперед по стране неведомого. Лор „заготовляла фураж", делала подготовительные опыты, Клэйтон помогал Микулину „строить мосты" через пропасти и совершать обходные движения. Иногда один и тот же опыт Микулин повторял по десять раз, иногда работа целой недели шла на смарку, и приходилось начинать все снова. Электроны вели себя совсем не так, как им полагалось по предварительным расчетам. Надо было найти причину, а для этого приходилось делать новые и новые опыты.

X. Сердце женщины

КЛЭЙТОН нередко сопровождал Лор в ее прогулках. Что касается Микулина, то он предпочитал гулять в одиночестве, чтобы ему никто не мешал думать. Притом и эти редкие прогулки Микулин совершал в предутренние часы, проработав всю ночь напролет. Таким образом Микулин не мешал Клэйтону.

Однажды Клэйтон и Лор заехали к самому болоту, и Клэйтон решил поговорить с девушкой о том, что давно занимало его.

— Присматриваюсь я к вам, новым для меня людям, и многого не понимаю — начал он издалека.

— Что же вам не понятно? — спросила Елена.

— Да вот... хотя бы вы для меня загадка. Простите, что я говорю о вас, но мне кажется, что...

— Пожалуйста, говорите.

— У нас, в Штатах, — с вашего разрешения, я буду откровенен, — девушку вашего возраста и вашей... внешности сочли бы ненормальной, если бы она никого не любила. Женщина остается женщиной. И склянки с пробирками не могут, не должны заменять в ее сердце живого человека, живой любви. Я помню ваш короткий крик над трупом Грачова. Вы так горячо любили его. Этого я не заметил в ваших отношениях к Грачову. Еще меньше это можно сказать про ваши отношения к Микулину. А возникновение любви к нему тем более вероятно, что здесь нет выбора.

— Почему же нет выбора? — задорно спросила Лор. — Вот, вы, например?

Это было так неожиданно, что Клэйтон покраснел, как школьник.

— Я... я не выдерживаю никакого сравнения с мистер... товарищем Микулиным, — сказал он, запинаясь.

— Отчего же не выдерживаете? — не унималась Лор. — Вы мне нравитесь. Мне кажется, что я даже влюблена в вас. И даже очень!

Клэйтон едва не слетел с седла, перед ним была новая женщина, новый человек. Вместо ученой, веселой, но с холодным сердцем женщины, Клэйтон увидал какое-то двуликое существо, — не то прожженную кокетку, не то наивную девочку,

которая говорит такие вещи, что голова идет кругом. Лор засмеялась, глядя на осевшую фигуру Клэйтона и его растерянное лицо. Потом вдруг стала серьезной: — Да, я люблю вас.

— Любовь? — воскликнул Клэйтон и... мгновенно его лицо побледнело. Он едва не лишился чувств. Лор принуждена была поддержать его.

— Что с вами, Клэйтон, вам дурно?

— Н-ничего... небольшой сердечный припадок... сейчас все пройдет.

Круто повернув лошадь, он поскакал по направлению к дому. Лор последовала за ним.

Вдруг откуда-то из болота донесся протяжный стон.

— Что это, Клэйтон, вы слышите?

— Наверно, болотная птица, выпь, — сказал он. Румянец уже вернулся на его щеки.

— Но выпь кричит по ночам.

— На болоте часто слышатся странные звуки, — сказал Клэйтон. — Мне говорили, что когда выходят газы, болото стонет.

Они замолчали прислушиваясь, но кругом все было тихо.

До самого дома Клэйтон ехал задумчивый.

„Неужели его так расстроило мое признание", — думала Лор.

XI. Свидания на болоте

ЛОР соскочила с лошади, сама отвела ее в конюшню и поднялась к себе на мезонин. А Клэйтон, оставшись один в своей маленькой комнатке, схватился за голову.

Разговаривая с Лор о любви и кинув взгляд на болото, он на болотном островке увидал своего проводника-охотника и рядом с ним Додда. Охотник махнул рукой, но не крикнул: он видел, что Клэйтон не один. Потом скрылся за густыми ветвями ивы и несколько раз прокричал, как выпь. Выпь кричит в полночь. Не значит ли это, что в полночь Клэйтон должен прийти на болото? Ну да, конечно. Додд явился Клэйтон совсем начал забывать о нем и о своем поручении. После сегодняшнего разговора с Лор, у Клэйтона были на уме совсем другие мысли. Да и вообще за это время он во многом изменился. Общение с Микулиным не проходило даром. Незаметно для себя, Клэйтон начинал все больше увлекаться мыслью о строительстве новых, неведомых в истории человечества форм жизни. Микулин умел рисовать грандиозные перспективы будущего, превосходившие своими масштабами даже американский размах. И если Клэйтон еще не совсем освоился с мыслью, что будущее за Советской Россией, а не за его Штатами, то от былой его национальной гордости не осталось и следа. Теперь он был не в силах убить Микулина, не говоря уже о Лор.

Но что делать? Что сказать Додду, который не знает его сомнений и колебаний? У Додда все ясно и непоколебимо: интересы Штатов выше всего.

Клэйтон посмотрел в окно. Солнце село. Быстро сгущались сумерки. Только на вершинах гор тихо догорал закат.

„Ну, что я ему скажу?..." — думал Клэйтон.

Он вышел из дома, когда совсем стемнело, и медленно побрел к болоту. Где-то далеко шумел горный водопад. Этот однообразный мягкий шум не нарушал молчания ночи.

Клэйтон подошел к краю болота. В тот же момент крикнула выпь и вдали сверкнул огонек. Это Додд, подавая знак, зажигал и гасил карманный электрический фонарик.

Осторожно ступая по болоту, Клэйтон добрался до островка, на котором его ожидали Додд и охотник.

Додд по обыкновению крепко, до боли пожал руку Клэитона.

— Как дела? — спросил он. — Овладел Микулин секретом делать золото?

— Да, но он может делать золото только лабораторным способом. Его изобретение не имеет никакого практического значения. Сейчас он изыскивает способы найти средство делать золото наиболее дешевым путем. Но это ему не удается.

— Не удается сегодня, удастся завтра, — сказал Додд. — Вопрос о Микулине решен. Вот, возьмите... Это адская машина большой разрушительной силы. Вы установите ее в лаборатории Микулина с таким

расчетом, чтобы она взорвалась, когда Микулин там будет работать со своими помощниками.

Клэйтон взял тяжеловесную коробку и сказал смущенно:

— Едва ли мне удастся... Микулин не разрешает мне входить в его лабораторию. Она усиленно охраняется. У Микулина много лаборантов, а на ферме рабочих и сторожей... Мне удалось до сих пор оставаться на ферме только потому, что я притворился тяжело больным.

Додд зорко посмотрел на Клэйтона.

— Уж не трусите ли вы? — спросил он. — Даю вам пару дней на исполнение этого поручения. Если вас что-нибудь задержит, придите сюда и скажите. В крайнем случае, если вам в самом деле не удастся, у меня есть другой проект. Мы организуем вооруженное нападение хунхузов. Здесь они нередко переходят границу и охотятся, а иногда и грабят местных жителей. Итак, до свидания через два дня на этом самом месте.

— До свидания! Постараюсь выполнить поручение, — сказал Клэйтон и отправился в обратный путь, осторожно неся опасную коробку.

Когда болото осталось далеко позади, Клэйтон остановился, послушал и, убедившись, что никто за ним не наблюдает, вырыл руками яму под корнями ели, положил туда коробку и закопал.

Был третий час ночи, когда Клэйтон вернулся на ферму. В окне лаборатории светился огонек. Микулин еще работал. Клэйтон вошел в лабораторию, открыв дверь, которая никогда не закрывалась.

— Все работаете? — спросил Клэйтон, присаживаясь на белую табуретку.

— Да, и очень успешно, — ответил оживленно Микулин. — Мне удалось разрешить задачу раньше, чем я думал, Вот, не угодно ли полюбоваться! — Микулин высыпал из склянки на ладонь щепотку золотистого порошка.

— Золото. Здесь пять граммов. И получение этого золота не стоило пяти копеек. Теперь держитесь, Клэйтон, мы с вами скоро перевернем мир!

Клэйтон поднялся, прошелся по лаборатории и сказал:

— Послушайте, Микулин. Вы сказали: мы с вами перевернем мир. Почему вы так доверяете мне? Я ведь пришел неведомо откуда. А что если я шпион, если я подослан сюда, чтобы убить вас или украсть секрет вашего изобретения?

Микулин внимательно посмотрел на Клэйтона.

— Я охотно отвечу на ваш вопрос. Недоверие всегда порождается страхом, а я не боюсь, поэтому и доверяю вам. Вы можете убить меня, но разве вы можете убить научную мысль? В худшем случае, вы только немного задержите ход событий. И потом, говоря лично о вас, — если бы вы захотели убить меня, то давно могли бы это сделать. Значит, или у вас не было такого намерения или же вы неспособны на убийство. Что же касается кражи моего секрета, то пожалуйста, — если только вы что-нибудь поймете в нем. Этим путем вы только ускорите гибель ваших любезных Штатов.

— Хорошо, допустим, что вы не боитесь политических врагов, но ведь еще есть бандиты, — возразил Клэйтон. — Говорят, здесь иногда появляются шайки хунхузов. Что, если они явятся сюда? Нас только трое мужчин. Я не видал у вас даже ружей. Как вы сможете защищаться? Не может быть, чтобы вы не дорожили своей лично жизнью. Наконец на вас лежит ответственность за сохранение жизни... живущих здесь женщин...

Микулин ссыпал порошек с ладони обратно в склянку и, не оборачиваясь, сказал:

— Или вы, Клэйтон, влюблены, или же что-нибудь в самом деле обеспокоило вас. Говорите прямо, в чем дело.

Клэйтон смутился. Хорошо, что Микулин был занят своими колбами.

— Я... мне показалось... я сегодня гулял в лесу. Мне послышалось как будто кто-то пел...

„Зачем я говорю это, — думал Клэйтон, — ведь я выдаю Додда. Может быть Микулин пошлет своего великана на разведку.

— Ну и что же в этом удивительного? Тут нередко бродят охотники, — беспечно ответил Микулин. — Пусть поют. Тот, кто поет, — не опасен.

На другой день Микулин окончательно убедился, что Клэйтон влюблен: в первый раз его помощник разбил две пробирки

и сделал несколько ошибок, помогая Микулину в вычислениях.

Клэйтон очень волновался. Ему хотелось признаться во всем. Но вместе с тем, он не хотел предавать своего недавнего товарища и к тому же соотечественника. Американец еще не умер в Клэйтоне. Признаться Додду в том, что он, Клэйтон, не хочет выполнить поручения, Клэйтон также не решался. Додд сочтет его трусом, и может быть даже предателем. Тогда Клэйтону не сдобровать...

Не итти на болото тоже рискованно. Если Додд организует бандитское нападение, то не поздоровится и Клэйтону... Нет, надо итти, но как-нибудь затянуть дело. А там, может быть, найдется выход... Проще всего было бы бежать отсюда, предоставив Микулина и Додда самим себе. Но Клэйтон не мог уйти без Лор, а она конечно не покинула бы Микулина.

Так Клэйтон ничего и не придумал, отправляясь на болото в условленное время. Ночь была темная. И ему казалось, что кто-то крадется за ним. У Клэйтона замирало сердце, когда он слышал за собою хруст веток, шелест листьев, хотя ветра не было. Казалось, — кто-то раздвигал ветки рукою... Неужели Микулин следит за ним?... Один раз Клэйтон даже остановился и тихо спросил: „Микулин, это вы?..“ — но не получил никакого ответа.

Вот и болото... Додд сигнализирует короткими вспышками огня...

— Я не слыхал взрыва. — строго сказал Додд, еще не подавая руки.

— Мне удалось поставить адскую машину, но она не взорвалась. На утро ее нашел Микулин и учинил настоящий допрос. Он...

Додд схватил Клэйтона за руку выше локтя и крепко сжал ее.

— Вы лжете, Клэйтон. Адская машина не могла не взорваться. Я сам заряжал ее. Говорите, что вы сделали с адской машиной? Впрочем можете ничего не говорить. Я больше не верю вам. Вы не тот. Вас как будто подменили. Скажите, что с вами случилось, Клэйтон? Может быть там есть женщина?

„И он о том же“, — с тоскою подумал Клэйтон. И вдруг неожиданно для самого себя сказал:

— Да, вы отгадали, Додд. Там есть женщина.

— Ну вот, теперь все понятно, — сказал Додд.— Вы больше не пойдете туда, Клэйтон. Недоставало, чтобы вы стали защищать Микулина. Вы пойдете с нами. У меня есть наготове дюжина отличных головорезов. Они быстро справятся с людьми Микулина, хотя бы их было там две дюжины.

Борьба Миров

— Но я не могу оставить ее — с искренним чувством сказал Клэйтон.

— Вы не пойдете к ней. И никогда ее не увидите. Теперь вы должны повиноваться мне.

— Но почему должен, чорт возьми? — возмутил Клэйтон.

— Хотя бы потому, — ответил спокойно Додд, направив на Клэйтона дуло револьвера...

— Это конечно отличный аргумент, но... послушайте, Додд. Вы говорите. что у вас дюжина головорезов, которые могут справиться с двумя дюжинами здоровых молодцов... В таком случае, буду я на вашей стороне, или на стороне Микулина, это не решит исход сражения. Если я вам изменю, вы прикажете своим головорезам прирезать и меня, — только и всего. Но я не собираюсь изменять вам. Я только хочу быть возле девушки и спасти ее. Ведь не собираетесь же вы убивать молодую, красивую девушку... Если я останусь здесь, то Микулин поймет, что против него замышляется что-то неладное. И он примет свои меры. А он не так беззащитен, как вы думаете. У него есть молнии, которые он держит как факир змей в корзинке. Он может выпустить свои молнии и они убьют вас. Если же я буду с ним, он будет спокоен, и вам легче осуществить свой план.

Додд подумал, проворчал „горе с этими влюбленными“, но все-таки отпустил Клэйтона.

— Но помните, если только вы совершите что-нибудь во вред мне, вы будете убиты вместе с вашей красавицей! Я не пощажу никого. Еще одно поручение, подождите. Я приведу хунхузов через два дня. Вы должны сообщить нам, когда удобнее произвести нападение. Приходите сюда в среду, в двенадцать часов ночи.

— Когда же кончится это мучение? — думал Клэйтон, возвращаясь на ферму.

И опять ему показалось, что за ним кто-то крадется.

„Однако нервы мои начали расстраиваться", — думал он, оглядываясь назад.

На другой день, отговорившись нездоровьем, он не пошел в лабораторию. Ему надо было решить — итти с Доддом или против Додда. Но он ничего не решил, и второй день провел в тех же размышлениях на белом камне. А когда настала ночь, он побрел вдоль реки к болоту. И как в прошлый раз, чьи-то шаги преследовали его.

— У меня все готово, — сказал Додд. — Когда лучше произвести нападение?

— Завтра днем Еще с утра несколько рабочих отправляется на охоту.

— Сколько остается на ферме? — спросил Додд.

— Человек двадцать, — ответил Клэйтон, — не считая меня.

— Надеюсь, вас не придется считать, — сказал Додд. Я изменил свое решение. Вам больше нечего торчать у Микулина. Ночью он вас искать не будет, а завтра рано утром мы нападем на ферму. Извольте итти за мной!

— Что это, арест? — пытался протестовать Клэйтон.

Называйте, как хотите, — отрезал Додд и, обернувшись к проводнику, сказал. — Показывай нам дорогу!

Итти по болоту ночью очень рискованно. Старый охотник неодобрительно зачмокал губами и с крайней осторожностью двинулся в путь, — в противоположную от фермы сторону. За проводником Додд пустил Клэйтона, а сам замыкал шествие.

„Это насилие, — негодовал Клэйтон. — Какое право имеет Додд так распоряжаться?" Нет, он не может примириться с этим. Он должен вернуть себе свободу во что бы то ни стало.

Клэйтон шел и обдумывал план бегства. Он немного отставал от проводника, и неожиданно кинулся под ноги Додду, тот упал, перевалившись через Клэйтона и выругался. Клэйтон отполз назад и поднявшись на ноги побежал.

Эй, где же вы! — крикнул Додд Но Клэйтон бежал не обращая внимания. Тогда Додд пригрозил, что он будет стрелять. Но Клэйтон все продолжал бежать.

Голоса Додда и проводника становились все тише и тише. Клэйтон уже различал опушку леса на краю болота. Ему везло: несмотря на то что он бежал напрямик, он не только не провалился в окно, но даже ни разу не упал. Вот и твердая почва под ногами...

Ах... Сначала одна, а потом и другая нога Клэйтона увязли в болоте. Он пытался вытащить то одну, то другую, но от этих усилий ноги увязают еще глубже. Клэйтон чувствовал, как его ноги медленно погружаются в вязкую тину. Вот они ушли до колен, вот и колени погрузились в холод тины. Клэйтон старался нащупать рукой куст или хоть пучок травы, но напрасно: вокруг не было никакой растительности.

„Погиб!" — подумал Клэйтон, обливаясь холодным потом. Во рту у него было сухо. Язык как будто распух. В глазах рябило. Клэйтон вдруг так ослабел, что сел на холодную тину, но тотчас с ужасом поднялся, он сразу провалился по пояс. Проходила минута за минутой, и тело Клэйтона погружалось все глубже. Вот оно погрузилось до груди... Клэйтон делал невероятные усилия, чтобы пошевелить ногами, но они были как будто парализованы. Клэйтон поднял руки вверх, чтобы сохранить их свободными возможно дольше... Вот тина дошла до подмышек... Еще несколько минут, — плечи опустятся в тину, потом голова. Клэйтон вдруг закричал. Но на ферме не услышат его крика. А кругом — пустыня... Быть может этот предсмертный крик донесется до ушей старика-охотника и Додда, но они не придут на помощь дезертиру...

Вдруг чья-то сильная рука схватила Клэйтона за шиворот и начала вытягивать его из болота.

— Это вы... Додд? — спросил Клэйтон. Неизвестный не отвечал. Он продолжал тянуть. Это была нелегкая работа. Увязнувшее в болоте тело не поддавалось усилиям. Клэйтон начал раскачиваться, судорожно подергиваться. Но это очевидно не облегчало, а скорее затрудняло работу неизвестного. По крайней мере, он тихо, прерывающимся от страшного напряжения голосом, пробормотал:

— Шпиона поймал, — сказал Данилыч

— Не двигайся!.. Ирод!.. Только мешаешь!

Его голос казался знакомым. Во всяком случае, это был не Додд. Неизвестный говорил на чистейшем русском языке.

Прошел добрый час, пока Клейтон был извлечен наполовину. Его мог спасти только человек необычайной силы. Клэйтону казалось, что ноги его не выдержат и оторвутся. Он стонал от боли, но неизвестный продолжал тащить его из болота.

Когда Клэйтон был наконец вырван из тины, как пробка из узкого горлышка бутылки, неизвестный бросил его на твердую землю и сам в изнеможении опустился рядом. Тут Клэйтон, напрягая зрение, увидал, что его спас великан — старик Данилыч.

— Спасибо, Данилыч! — сказал Клэйтон, пытаясь подняться. Но Данилыч придавил его своей пятерней к земле.

— Лежи и не двигайся. Не надо бы и спасать тебя, иродово отродье...

— Почему вы так говорите со мной? — спросил Клэйтон, притворяясь ни в чем неповинным.

— Потому, что лучшего не стоишь. Вот Василий Николаевич расправится с тобой. Ты что по ночам по болотам шляешься? С кем разгов ривал? Ты думаешь, я не видал? Я давно слежу за тобой.

„Так вот чьи шаги я слышал", — подумал Клэйтон.

XII. Отбитая атака

У КЛЭЙТОНА сжалось сердце, когда между стволами тополей мелькнул огонек в окне лаборатории. Было вероятно около четырех часов утра, а Микулин еще работал. Данилыч крепко схватил Клэйтона за шиворот и, приподняв одной рукой, внес в лабораторию.

— Шпиона поймал — сказал он, опуская на пол задыхавшегося Клэйтона.

Данилыч подробно рассказал о том, как, запоздав на охоте, он случайно увидал у болота Клэйтона, который о чем-то говорил с двумя людьми, как после этого он, Данилыч, начал следить за Клэйтоном и как спас его.

— Я думал, — закончил старик свой доклад, — может быть, вы узнаете от него что-нибудь важное. Только для этого я и вытащил его из болота.

— Что это значит, мистер Клэйтон? — спросил Микулин. Лицо его было сурово, сдвинутые брови говорили о непреклонной воле. Клэйтону стало страшно. Таким он еще никогда не видал Микулина.

— Я все объясню — сказал Клэйтон. — Но позвольте мне говорить по-английски. Я волнуюсь и говорить по-русски мне трудно. — Клэйтону было неприятно выступать в роли обвиняемого перед Данилычем.

Микулин подумав сказал:

— Данилыч имеет такое же право судить вас, как и я сам. Нам торопиться некуда. Можете говорить медленно, но говорите по-русски.

Клэйтону не оставалось ничего другого как повиноваться. И он рассказал о своем долгом пути из Нью-Йорка к Рахмановским ключам.

— Но я никогда не решился бы причинить вам зло. Если бы я хотел это сделать, я давно мог убить вас бомбами, которые передал мне мистер Додд. Я закопал эти бомбы под елью.

Данилыч крякнул и сказал:

— Это правда. Он что-то закапывал, я видал. Но я боялся. Думал, — что там такое? не убило бы.

— И еще одно, — продолжал Клэйтон, — если бы я хотел изменить вам, я не бежал бы от Додда, который принуждал меня итти вместе с ним,

— Может быть, вас что-нибудь здесь... задерживает?.. Например, любовь?..

Клэйтон покраснел.

— Хотя бы и так. Тем больше оснований доверять мне. А если вы еще все не верите, то я открою планы мистера Додда. Он набрал банду хунхузов и сегодня же на заре нападет на вашу ферму. Додд предупредил меня, что первая пуля будет пущена в мою голову.

Микулин взглянул на старика.

— Как ты думаешь, Данилыч, что сделать с мистером Клэйтоном?

Старик задумался.

— Конечно, может он и не виновен. Видишь, какое дело. А доверять ему больше нельзя, шаткий он. Я бы его не выпустил. Связал бы и пусть сидит, по крайней мере, пока эти головорезы не побывают здесь.

— Вы слышите Клэйтон? Пусть будет так. Я оставляю вас здесь арестованным. Я не буду вас связывать веревками, — у меня есть кое-что понадежнее: вас будут охранять несколько маленьких змеек. Они очень ядовитые.

Микулин передвинул свои аппараты, отгородил часть комнаты несколькими рядами проволоки и повернул рубильник.

— Вот так. Имейте в виду, что по этим проволокам идет ток, который может убить целый полк солдат. А теперь мы пойдем приготовимся отбить атаку.

Клэйтон оказался запертым в углу комнаты. Ничтожные тонкие проволоки охраняли его лучше замков. Правда, окно было свободно, но на дворе виднелась внушительная фигура Данилыча. Микулин подошел к дому, в котором жила Лор, и крикнул:

— Аленка! Аленка. Вставай!

Окно в мезонине открылось, и Клэйтон увидал голову девушки.

— Зачем так рано? — спросила она.

— Все идите в лабораторию, — сказал Микулин. Через несколько минут все обитатели фермы стояли в нескольких шагах от Клэйтона.

— Что это такое? - спросила Лор. — Вы арестованы?

— Увы, да, — ответил Клэйтон.

Микулин повернул включатель и снял проволоки.

— Я думаю, теперь вас можно освободить от этих сторожей. Ну-ка, расскажите еще раз свою историю.

— Хорошо, я расскажу, но позвольте раньше поговорить о делах более срочных. Додд навербовал не менее дюжины вооруженных бандитов. А нас... если только вы окажете мне честь включить и меня в число защитников, всего пять человек, считая и женщин. Вы не вооружены. Я полагаю, что...

— Не беспокойтесь, — ответил Микулин. — Мы вооружены лучше, чем вы полагаете. Итак, чтобы нам не было скучно ожидать гостей, начинайте мистер Клэйтон. Лор еще не слышала вашей истории.

И Клэйтону пришлось снова рассказать о всех своих злоключениях.

— Ого, вот кажется и гости, — перебил Микулин рассказ Клэйтона.

У белого камня показались люди в лохмотьях. Впереди шел высокий тощий китаец с ружьем наперевес.

— Это Додд, — воскликнул Клэйтон.

Додд, одетый в костюм китайца, отдал какое-то приказанье, и бандиты, рассыпавшись цепью, начали подходить к ферме.

И вдруг один из них, шедший впереди всех, взмахнул руками и упал навзничь, как будто его поразила какая-то невидимая сила. Микулин молча усмехнулся. Вот еще два бандита упали на землю, на том же месте, где лежал первый. Очевидно, какая-то преграда защищала ферму от врагов. Но Клэйтон не видел проволоки, по которой мог быть пущен ток. Место было совершенно открытое.

— В чем дело? — спросил Клэйтон.

— Дело простое, — отвечал Микулин. — Мне удалось осуществить передачу энергии на расстояние. У меня уже давно все прилажено. Я пускаю узкий пучок радиоволны. Пронизывая воздух, она делает его хорошим проводником электричества Вы понимаете, не по эфиру, а по воздуху идет ток высокого напряжения. Он то и убивает людей. Ясно?

Да, для Микулина это было ясно, но мистер Додд не мог понять, почему его люди падают. Видя, что бандиты начали колебаться и несколько из них бросилось в панике назад. Додд крикнул на беглецов, выстрелил для острастки из револьвера и сам побежал вперед, увлекая за собой колеблющихся. Увы, их всех постигла печальная участь. Клэйтон видел, как Додд выронив револьвер, грохнулся на землю. Два оставшихся в живых китайца с дикими воплями скрылись в лесу.

— Ну, вот и все, — сказал Микулин. — Видите, как гладко прошло сражение.

— Теперь мне понятно, почему вы были так доверчивы и даже беспечны, — сказал Клэйтон.

— Надеюсь, ваши друзья американцы теперь надолго оставят меня в покое?

— Они больше не друзья мне, — нахмурился Клэйтон.

— Да, мертвые не друзья живым. Но что мы будем делать с вами Клэйтон? Оставить на свободе под поручительство мисс Лор? Аленка, ты поручишься за него? Возражений нет? Кто против? Принято. А теперь работать, работать.

НАГРАДА ВЕТРА

РАССКАЗ ЮРИЯ ГЕКО
РИС. БАНТОНОВСКОГО

I

ТЕПЕРЬ ни один матрос не спустился бы добровольно в кубрик, где все вещи экипажа и корабельная утварь были изломаны и сбиты в груду. Крысы метались по сундукам, по бимсам, трубопроводам, разыскивая новые убежища надежнее фальшбортных гнезд. Их норы залило водой, проникшей внутрь корабля, под стальные листы обшивки. Эжектора, приспособленные для откачивания воды из трюмов и залитых отсеков, с трудом справлялись с разбушевавшимся морем.

В то время когда насосы тянули воду с одного борта, тонны новой воды вливались в продольные отсеки с противоположной стороны. И крысы, жившие там в темноте под обшивкой, под баластными трюмами, уже ощущали приближение бедствия. Крысы спасали своих детей. Самки забирали их в лапы, прижимали к животу и, ложась на спину, заставляли свободных самцов оттаскивать себя за хвосты в более сухие и надежные помещения. Беспокойство зверя возрастало с каждым новым ударом волны о корабль, с новыми порциями воды, вливавшейся в трюм.

Почти нельзя было надеяться на благополучный исход борьбы с морем. Стихия штурмовала корабль, поддерживаемая ветром и обстоятельствами. Последние заключались в войне, в отсутствии возможности безнаказанно и безопасно пользоваться судовой радиостанцией, находясь в разведке у неприятельских берегов.

Надеяться на помощь было не от кого, укрыться — негде.

КРЕЙСЕР „Смелый“ молча и терпеливо переживал все тяготы, нежданно осложнившие удачно начатый поход. Избегая бортовой качки, стараясь все время попасть форштевнем на ребро волны, корабль не упускал ни одной возможности определять свое место в море, ибо только правильная и бесперебойная ориентировка могла избавить от сноса на камни, на подводные мели и рифы. Нечего было и думать о возможности пользоваться секстанами, так как солнце закрыли траурные-всклоченные тучи. В просветах их кривлялись молнии. У горизонта проходила гроза и подводными грозами дышало вспененное Каспийское море...

Крысы начинали проявлять столь необычайное бесстрашие, что казалось будто они чувствуют уже скорое приближение смерти.

Команда, работавшая бессменно уже не первую вахту, ослабевала, и приходила в то же смятение, что и звери. Матросы то и дело высовывали свои головы из люков машинных отделений и кочегарок. Набирали в усталые груди воздух и так же быстро, как показывались наверху, скрывались в недрах обреченного судна. Внизу было душно, было трудно дышать.

Так продолжалось до поздней ночи, а когда наступила абсолютная темнота, — море закрыло люки и обрекло команду на вахту у раскаленных котлов, в чудовищной пляске качавшихся из стороны в сторону.

Команда „Смелого“ наблюдала с тревогою судорожный танец мотылей и шатунов. Кулисы машин поминутно вздрагивали, издавая протяжный стонущий звон. И от скрипа и стука, иногда похожего на хруст ломающихся костей, в голову Плетнева ползли мрачные мысли.

Борода Мирон

„А что, если весь этот механизм вырвется из своего стального фундамента, рассыпется и упадет на голову? Убьет!“—Плетнев чувствовал, как холодный пот выступает крупными каплями на его горячем лбу.

Плетнев судорожно схватился обеими руками за металлические прутья, ограждавшие машину, но вдруг понял, что, как только разожмутся от усталости пальцы, он попадет внутрь работавших механизмов, а те размелют его плечи, разможжат грудь и разотрут все тело на мелкие сгустки слизистого мяса.

„Нет, нет!“ — Плетнев отшатнулся и, закруженный приступом морской болезни, упал без чувств на стальную палубу.

Так постепенно выбывала из строя команда „Смелого“. Сбившись в кучу, матросы перекатывались с борта на борт, и теперь можно было бы по пальцам перечесть тех, кто держался еще на ногах и кое-как работал.

ПЕЧАЛЬНО и тревожно взвизгивали в эту ночь машины. Винты судорожно бились в воздухе, когда корму волной взметало кверху. На несколько секунд подзор с пером руля, безжизненным, покрытым зеленою слизью, повисал над разверзшейся пропастью.

С верхней палубы уже все было смыто волной. Уплыли за борт пеньковые тросы, ветошь, деревянные стойки, орудийные чехлы, сигнальные клетки, т. е. все, что оказалось слабее воды. Море постепенно подкралось к спардэку и отняло у людей спасательные пояса, висевшие на особых крючках под бертиками фальшборта. Море добралось до шлюпок, вываленных за борт на стальных шлюп-балках. Ничто не предвещало успокоения. Дым из труб ложился на воду, барометр продолжал падать, и от черной

Борьба Миров

ночи не следовало ожидать ничего доброго.

И все-таки человек не сдавался. Пять фигур в желтых непромокаемых комбинезонах, с непокрытыми головами, с разметанными по лицам мокрыми от соленой воды волосами, стояли привязанные к мачтам и компасам капитанского мостика и еще пытались управлять судном...

Уже механические средства передачи приказаний были испорчены ветром. Уже пользовались самой простой переговорной магистралью. Иногда никто не отвечал снизу, и капитану приходилось терпеливо ожидать, когда люди, находившиеся у машин, придут в себя. Налетала волна, и на слушавших приказания машинистов из переговорной трубы хлестали струи холодной воды...

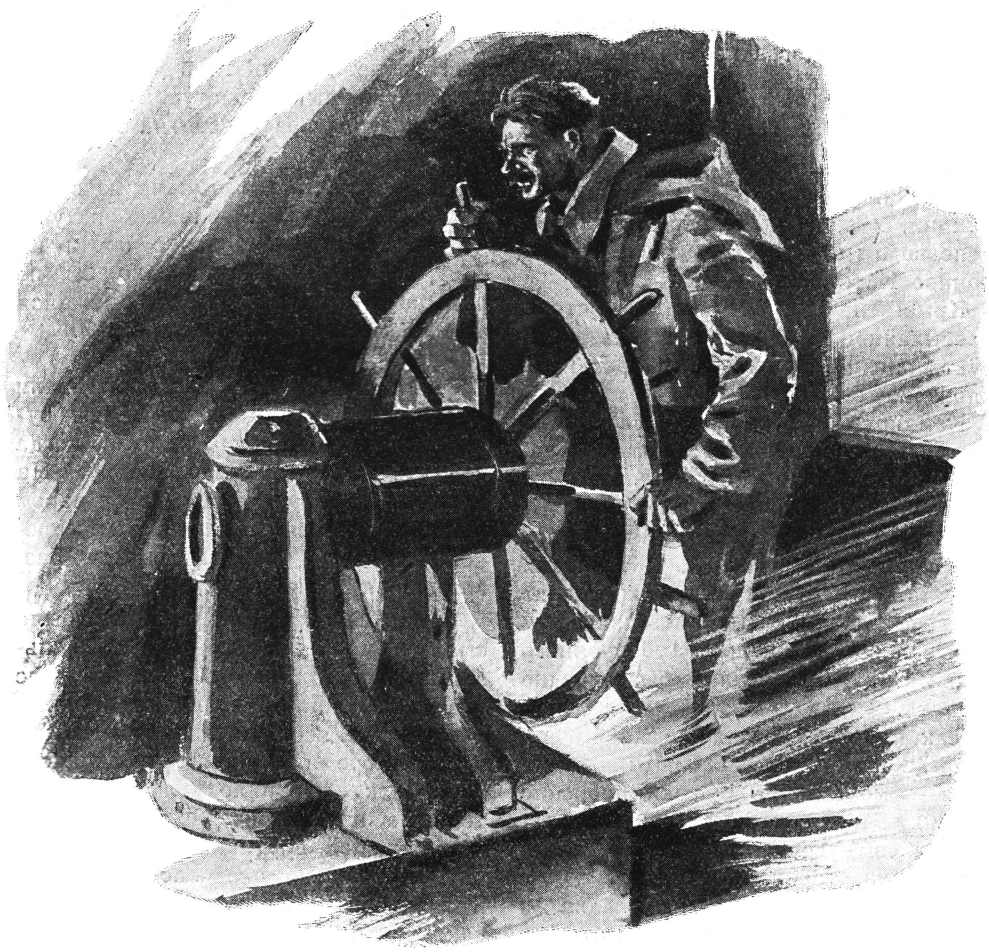
Волна взбиралась по якорным клюзам на полубак и, минуя водяные стоки, прокатывалась по палубе.

Вот уже несколько часов никто не разговаривал. Рев ветра и моря заглушал слова. Никто не мог спуститься в рубку, да и не пытался, и только командир со старшим помощником время от времени переписывались на клочках бумаги, вырываемой наспех из мокрых блок-нотов.

Последняя записка, переданная командиром своему помощнику, содержала всего-на-все четыре слова:

— Я думаю, что так!

Речь шла о положении судна. Од-



Тогда сам командир взялся за рулевое колесо.

нако ни рулевые, ни сигнальщики, ни даже боцман, — никто из рядом привязанных к мачтам матросов не догадывался, что положение корабля безнадежно.

Когда волной, ударившейся о перо руля, вывернуло из рук рулевого штурвал, и нос „Смелого“ с угрожающей стремительностью вдруг покатился в сторону, и корабль, содрогаясь, упал на борт, тогда сам командир взялся за рулевое колесо и уже больше не выпустил его из рук.

К полночи ураган достиг чудовищных размеров, — все вплоть до мачт было снесено в море...

II

ДНИ, предшествовавшие выходу „Смелого“ в море, были полны событий, значительно усложнивших положение на фронте.

Набережные Астрахани еще никогда не знали такого скопления народа, как это было в июльский погожий день 1919 года. Все от мала до велика, от бродяг до усталых амбалов, с раннего утра толпились у деревянных парапетов. Глаза астраханцев были обращены в ту сторону Волжского рейда, где стоял „Смелый“, только что выпущенный из дока. Яркое солнце, отраженное водой, иллюминировало вновь покрашеный борт, играя тысячью огней на отдраенной меди нактоузов и лееров. „Смелый“ выглядел щеголевато, и никто бы не сказал, что вот этот корабль через несколько часов выйдет в море и вступит в бой с эскадрою врага.

Горожане и моряки восторженно переживали окончание ремонта одного из лучших, самых мощных ледоколов Волжского коммерческого флота, теперь приспособленного для крейсерской службы и защиты Астрахани от белых кораблей.

Величественные в своей медлительности и силе, краны окружали корабль со всех сторон. Они тянули грузные шестидюймовые орудия с барж, подведенных к доку. И орудия укреплялись болтами к дубовым подушкам на корме и на носу.

В полдень на пристань „Кавказ и Меркурий“, окруженный чинами оперативной части штаба и флаг-секретарями, прибыл командующий флотилией. Молодому человеку с растрепанными волосами, с нервным худощавым лицом и быстрыми движениями подали катер и отвезли его на „Смелый“.

На крейсере кочегары уже подымали пары, а строевые матросы грузили в трюмы принятые предметы военно-морского снаряжения. Матросы уже работали без отдыха несколько суток.

Россия тогда переживала тяжелое время. Огнем полыхали степи. Над черноземными равнинами грохотали орудия. Новые и новые бедствия обрушивались на страну, едва закончившую четырехлетнюю бойню. Россию окружали враги. Внутри страны проходили полосы контрреволюционных восстаний.

От людей требовались решительность и жертвы. И с тех пор, как власть в стране в свои руки взяли большевики, они принялись вооружать коммерческие пароходы, и даже баржи, до сих пор таскавшие по рекам бревна, превратили в пловучие батареи. На военное положение переводили все, что могло мало-мальски способствовать победе...

III

В Баку люди, пытавшиеся организовать новую Россию, в которой никому не было надобности кроме их самих, с утра до вечера распевали английские песенки.

Гудел „степной Париж“! Разнузданные толпы пьяных „на счастье“ в ресторанах били рюмки и, пресмыкаясь перед высшим чином, клялись в верности царю, думая лишь о наживе и шкуре освобожденных „овец“.

В Баку на улицах продавались белые цветы, организовывались праздники ромашки. В Баку с прохожих собирались средства на военный флот, на подготовку к дальним плаваниям

каспийских канонерок. Тем временем русские беженцы продавали свою бывшую славу в кафе-шантанах и клубах, шныряя между столиков с подносами официантов и кельнерш.

Благодаря такой мудрой и изощренной „технике", решалась судьба России в кафе „Пель-Мель", и никто не заметил, что русскую нефть Ага-да-Дашевье продают английским представителям просто за керенки.

IV

ТЕМНОЮ беззвездною ночью корабли красных покинули Астрахань. Черною ночью проходили они друг за другом у портовых брандвахт и провожаемые тральщиками и дозорными собирались на рейде, где Волга широким разливом прозрачных вод опресняет соленое море.

И в Баку английские гимны постепенно сменились грустными песнями.

В Каспийское море явились большевики!

Через несколько дней белые отдали форт Александровск, и поручик Берестовский теперь передавал дежурным штаба Дутова искаженные сводки, составляемые комиссарами большевиков, и в ожидании отправки в Астрахань гадал: повесят или расстреляют.

Теперь ему было все равно. Если бы даже пришли снова белые — и они бы расстреляли. И поручик Берестовский безучастно наблюдал тот абордажный бой, когда на пароходе „Лейля" взят был в плен военный министр Алмазов, пытавшийся пробраться в Гурьев...

В Баку постепенно закрывались магазины. Вечерами по пыльным улицам, пропитанным нефтью, бродил пикет. На зданиях домов были расклеены тревожные обращения Верховного правительства к народу...

Но вот через несколько недель обстоятельства переменились. Худые вести пришли в Астрахань с моря:

— Эскадра адмирала Нориса, случайно появившаяся около Александровска в то время, когда большевики отправились обстреливать Чечень, вновь заняла восточную базу и вынудила красных жаркою июльскою ночью отправить на юг крейсер „Смелый".

БЫЛО два часа ночи. Молодой человек с растрепанными волосами оставил борт „Смелого" и, стоя на катере рядом с чинами штаба, пожелал крейсеру доброго пути.

Пристани были безлюдны. Город спал. Прохожих окрикивал часовой: — кто идет! и снова — тишина. Ночные шорохи. Над людьми звездное небо...

Были выключены все огни, и по серебряному фону дремавшей Волги двигался силуэт корабля. Недавно были еще видны неясные очертания надстроек у трубы, а потом все потонуло во мгле.

В Астрахани в эту ночь ждали очередного налета белогвардейских истребителей и бомбовозов.

По небу шарили прожектора.

Командующий флотом дольше обычного задержался на пристани и, покидая берег, коротко бросил:

— Как бы не было бури!

— Да, но позже нельзя! — возразили ему.

Так „Смелый" оставил базу...

V

А теперь крысы, люди и сорванные снасти — все в беспорядке металось по „Смелому" от борта к борту, с носа на корму, в зависимости от той фигуры, которую описывал на гребне волн корабль. Машины постепенно уменьшали ход.

И неожиданно, едва не смытый волной, кто-то выбежал на мостик и громче ветра крикнул;

— За бортом человек!

Темная ночь мешала что-нибудь разглядеть в воде. Но к счастью почти рядом с кораблем мелькнули голова и взметенные руки, боровшиеся с волной. Затем голова снова исчезла в косматом гребне.

ЛЮДИ, всего несколько минут назад бессильные что-либо предпринять для собственного спасения, теперь напрягали последние силы, когда дело шло о погибающем в море. Мужество возвратилось, лишь только

при свете горящего корабля нашли упавшего в море.

потребовались решительные действия. Матросы ринулись к шлюпке, висевшей на разметанных бурей талях.

И качаясь в воздухе, телами рассекая воду, судорожно сжимая рты, чтобы не захлебнуться волной, полусогнувшись, матросы лезли вперед. Глаза почти ничего не различали вокруг. Слух принимал лишь стоны ветра и плач волны.

— Трави, давай!

Шлюпку сдуло в море как муху и... скрутило с волной. И в пене моря, в узоре вод остались одни тринадцать смелых матросов.

Но тонущий пропал, и матросы пристально всматривались в мглу, не покажется ли вновь растрепанная голова?...

И неожиданно ярким светом осветилось море. Послышались два гулких удара, „Смелый“ объяло зарево. Там начался пожар, и при свете огня тринадцать смелых людей нашли четырнадцатого, упавшего в море с обреченного на гибель корабля.

Пламя все разгоралось. Находившиеся в шлюпке матросы прекратили греблю и, затаив дыхание, ничего не понимая, следили за происходившим.

По палубе крейсера забегали люди. Печально стонала сирена. От корпуса судна что-то стало отделяться. Куски листовой стали со спардэком и надстройками рухнули в бездну моря.

Белый пар взметнулся над черной водой и долго держался там, освещенный морским пожарищем. Обшивка корпуса уже искрилась.

Все произошло в какие-нибудь несколько минут. Дерево прогорело, остыла сталь, какая-то мелкая и липкая пыль пошла по поверхности моря.

Расколовшись на две половины, корабль и кормой и носом рухнул в воду и, разрезанный пополам отвесной и короткой дербентской волной, пошел на дно, увлекая за собой команду.

И странно, люди все еще боролись. Командир из брандсбойта поливал огонь. Затем не выдержал и начал поливать море.

Если бы можно было взять к берегу, — никто бы из команды крейсера не погиб. Но на берегу были белые! Там, укрывшись от ветра за скалы гор, спокойно стояла на якорях эскадра адмирала Нориса.

Утром в море осталась одна лишь шлюпка...

VI

НАД Астраханью продолжали летать неприятельские самолеты. Но как изменилось все с момента выхода в море зимовавшей во льдах Волги флотилии. Город точно стал меньше. Притих.

Пристани пустовали. Только изредка приходили в гавань тральщики, нагружались и быстро уходили на двенадцати-футовый рейд. И это было событием.

Немудрено, что о пропавшем без вести корабле слух распространился с невероятной быстротой. Но может быть и это событие прошло бы менее замеченным, если бы не надежды, возлагавшиеся на выход „Смелого“ к вражеским берегам, и не любовь, которой пользовался у астраханцев ледокол „Смелый“. Он был гордостью каждого — и горожанина и рыбака. Жители Астрахани, в особенности моряки, переживали как бы смерть любимого детища. И главное—никто ничего не знал. Не была ли эта неопределенность самым ужасным?

Вот уже в течение нескольких дней, ожидая каких-нибудь известий, люди приходят к белому зданию Русско-азиатского банка, где помещается штаб.

Спустя несколько дней после таинственного исчезновения судна, торпедный катер обнаружил в море мачту военной шлюпки, на которой было вырезано несколько слов:

„Смелый“ погиб

...Держимся в шлюпке.

Пришлите помощь...

Люди останавливали друг друга на улице и обменивались догадками.

Вскоре пришли новые сообщения:

— На двенадцатифутовом рейде найдена шлюпка. В ней четырнадцать измученных матросов, заявивших о ги-

бели „Смелого", с которого они якобы спаслись за несколько минут до катастрофы.

На следующий день, ни свет, ни заря, астраханцы собрались на набережной, откуда так еще недавно любовались силой и красотой нового крейсера... Говорили, что спасенных везут на тральщике.

В этот день никто не торговал чилимом, никто не оставался в домах. Те, для кого не нашлось места на улицах, влезли на крыши домов, прилегавших к Волге и к набережным.

Казалось, что все эти пришедшие на пристань люди связаны с происшествием чем-то значительно большим, чем обыкновенное любопытство. Они проявляли столько живого участия, что можно было быть уверенным в их искреннем восторге по случаю спасения хотя бы части экипажа.

А семьи экипажа погибшего корабля стояли, сбившись в отдельную группу. Кто из них был счастливее других,— они не знали, но чувствовали, что всем быть счастливыми нельзя, что многие, сами еще того не зная, уже никогда не встретят своих мужей и отцов. Все же женщины были одеты иначе, чем в будничные дни. Они принарядились и привели с собой таких же разодетых детей. Дети удивленно рассматривали друг друга и радостно улыбались.

И они говорили: „Я пришел встречать папу!" Они спорили и кричали:

— Мой папка!

— Нет, мой!

— Мой, говорят!

Матери забывали их останавливать. Женщины прижимали к себе ребят и вместе с ними верили, что каждая из них встретит своего мужа. Они не могли так быстро привыкнуть к мысли, что из 50 жен мужей найдут только 14. А когда закрадывались сомнения, они подготавливали себя к возможности находки второй лодки, они хотели дальше верить в свое счастье.

— Вы обратили внимание, что ни одно событие еще так кажется не волновало? — сказал кто-то в толпе.

— В этом радостном событии много еще печали! Посмотрите на женщин.

Борьба Мира

— Тише!

— Сейчас покажутся.

— Товарищи, тише!

Одна из женщин подняла на руки ребенка.

Ей хотелось, чтобы с тральщика ее заметили.

— Мама, где папа? А, мама?

— Молчи!

— Покажи папку!

И вдруг...

— Идет!

— Ей-богу, идет!

— Тише вы!

— Тише!

Но какое тут тише? над Волгой пронеслось „ура".

За лесом у нижнего плеса показался дым.

VII

Женщины в праздничных нарядах испытывают свою судьбу. Когда тральщик подошел к берегу, когда были положены на стенку толстые концы веревок, искусно закрученных за особые бревенчатые причалы, когда были спущены сходни, женщины точно окаменели.

Их широко открытые изумленные глаза точно ничего не различают, кроме яркого слепящего света, залившего набережную. Лишь по нервным движениям рук, перебиравшим праздничные платья, можно было судить о том, что и женщины имеют какое-то отношение к спасенным.

И только когда крикнул кто-то: — Пустите жен! — они устремились к тральщику.

Дети отбились от матерей, дети бежали вперед. Они не умели оттягивать разгадок тяжелых предчувствий и неожиданных радостей.

И неожиданно раздался чей-то окрик, пронзительный как у лебедя:

— Ваня!!!

И толпа обняла по-праздничному нарядную женщину, нашедшую своего мужа. Она от радости даже потеряла ребенка: расталкивая других женщин,

она спешила вперед, как будто бы кто-то хотел отнять у ней мужа.

ТОЛПА передала ребенка по рукам на корабль. Ребенок цеплялся руками за шеи, а когда очутился на руках отца, радостно так, ни с того, ни с сего, крикнул людям:

— Смотри, вода. Во! — какая... И развел ручонками...

. . . . . .

НИКТО не заметил, как крадучись, точно они совершили какое-то преступление, пробрались из толпы к городу дети, не разыскавшие отцов. Матери их выглядели еще печальнее от того, что их горе подчеркивал ненужный праздничный наряд. Вдовы в платьях с бантиками и лентами уходили скорее оттуда, где была радость...

VIII

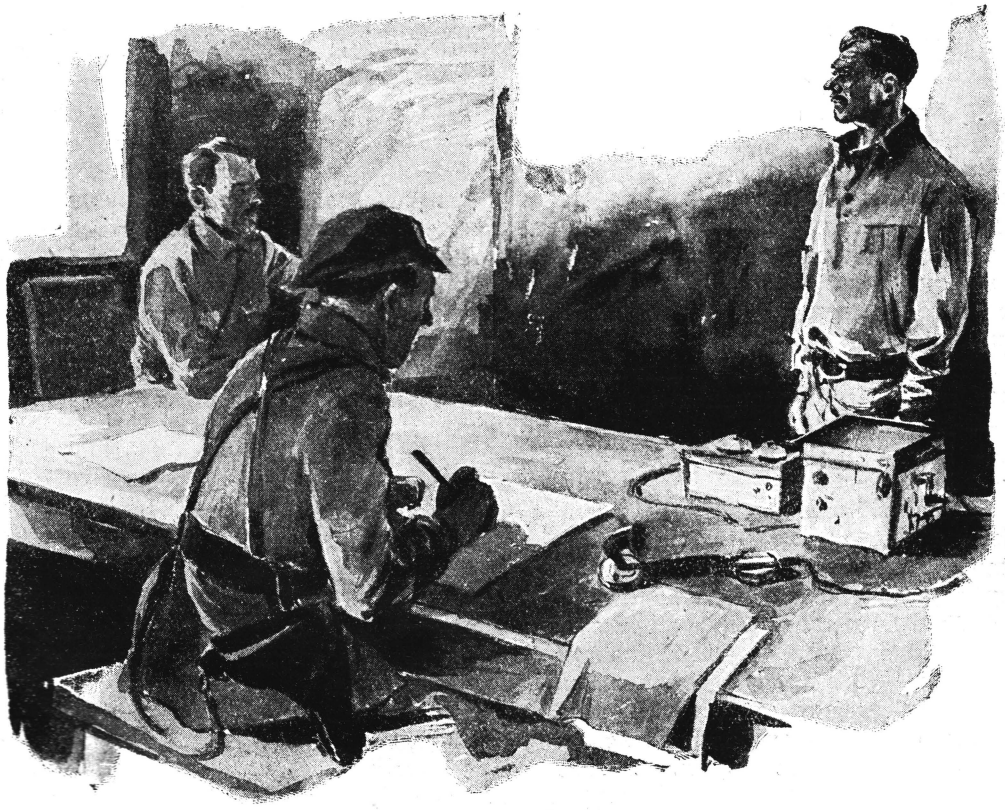
ВЕЧЕРОМ шел дождь...

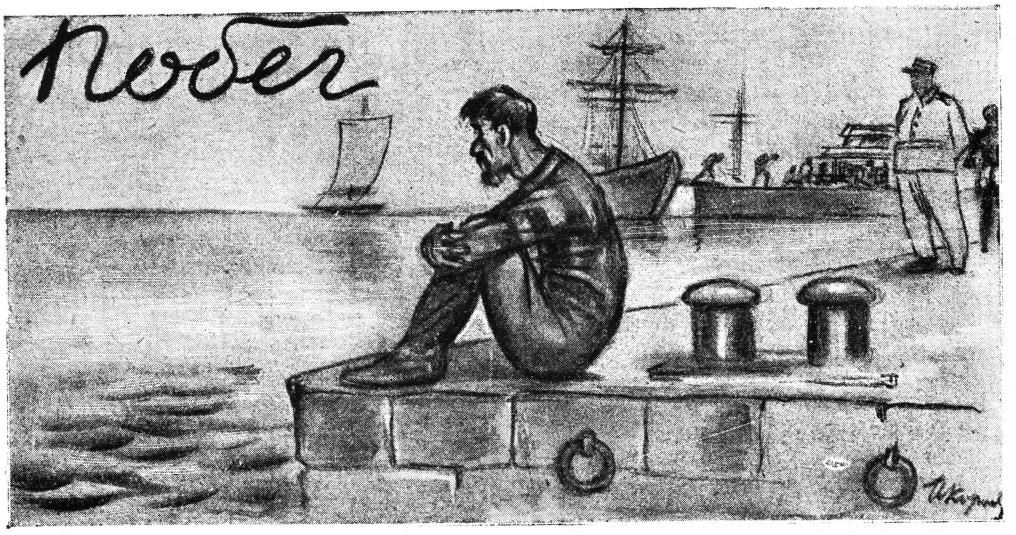
В кабинете начальника штаба старший флаг-секретарь опрашивал спасенных.

Перед письменным столом проходили по одному люди, за храбрость и решительность награжденные ветром, оставившим им жизнь.

Четырнадцатым подошел Плетнев, переступил с ноги на ногу, потупил глаза и тихо сказал:

— Виноват, что упал.





Повесть Альбера Лондра

Иллюстрации И. Королева

ГОД назад каждый, кто читает газеты, мог прочесть телеграмму из Кайенны о том, что бандит Дьедоне, „старый участник шайки Боно", убит при попытке к бегству.

Камилл-Евгений-Мария Дьедоне. Когда прогремело дело Боно, ему было двадцать шесть лет. Он был по специальности рабочий - мебельщик, по убеждениям — анархист, „беззаконник", — как его тогда называли.

Каждый день после работ он бежал на собрания, которые ему рекомендовали профессора. Чудак! Лучше бы он шел в кабак. Там бы он встретил Гарнье, Боно и Гальмена, по кличке „ученый Раймонд".

Как раз в те дни Гарнье, Боно, Гальмен, вооруженные, в автомобиле напали на банковских артельщиков и „снимали" кассиров.

Надо было бы схватить этих парней, называвших себя анархистами, а в действительности бывших простыми бандитами. Но полиция ограничилась тем, что пришла к их соседу, — не соседу по квартире, а по убеждениям. Так был арестован Дьедоне. Это было началом развернувшейся драмы.

Но самое главное вот в чем.

Банда Боно начала свои преступления нападением на некоего Габи, банковского артельщика, когда он проходил по улице Орденер.

Габи не умер.

Он опознал в Гарнье одного из нападавших.

— Это конечно он, — утверждал Габи,— я узнал бы его из сотни людей!

Но Гарнье был убит несколько позже во время осады одного из домов в пригороде.

Полиция предъявила Габи для опознания несколько фотографий убитого.

— В первый раз, указав на Гарнье, я ошибся, — сказал он. — Меня пытался убить вот кто! — И Габи указал на портрет полицейского инспектора, нарочно предъявленный среди фотографий налетчиков.

Дьедоне был в тюрьме.

Однажды, после обеда, небритый, угрюмый, с головой, ушедшей в плечи, он проходил между двумя полицейскими по коридорам Дворца юстиции. Его вели на допрос.

Габи также был здесь. Когда проходил Дьедоне, один из агентов толкнул локтем Габи.

— Смотрите, — вот кто напал на вас!

Через пять минут — очная ставка у следователя.

— Вы знаете этого человека, Габи?

— Да, — заявил Габи, — Это он.

На самом же деле на Габи напал Гарнье, заявивший об этом перед смертью

Точно так же Боно перед смертью написал: „Дьедоне невиновен, он не был на улице Орденер".

Гальмен, уже однажды приговоренный к смерти, воскликнул: „Дьедоне невиновен! Он не был на улице Орденер. Я знаю его, я был там". Но свидетельство Габи, человека, по крайней мере дважды ошибавшегося, решило судьбу Дьедоне: он был приговорен к смертной казни.

В то время президентом республики был Раймонд Пуанкаре. Он помиловал Дьедоне, так как не нашел в этом деле доказательства его вины. Но человек, помилованный таким образом, должен пойти на вечную каторгу.

СПУСТЯ одиннадцать лет отправился туда и я. Прогуливаясь однажды утром по коридорам исправительной тюрьмы на островах Салют, я остановился перед именем, написанным на дверях одной из одиночек, — Дьедоне. — Это из банды Боно? Мне ответили утвердительно.

Конвойный позволил мне открыть волчок. В отверстие выглянула чья-то голова. Это и был Камилл Дьедоне.

— Я приехал познакомиться со здешней жизнью, — сказал я ему. — Не хотите ли поговорить со мной?

— Да, да, я хотел бы поговорить с вами, но не о том, что меня интересует, а вообще об ужасной жизни на каторге.

Он говорил, тяжело дыша, как будто бы только-что очень много ходил. Но его одиночка была только два метра в длину и полтора в ширину. Он содержался в ней уже восемь месяцев. Он долго рассказывал мне о здешних кошмарах. Я попросил открыть двери. Открыли.

Дьедоне был худощав, с выдающимися скулами, с большими горящими глазами. Он держался настороже.

— Жизнь на каторге, — сказал он, — ужасна. Нас убивают здешние правила. На практике они выглядят совсем не так, как их представляли себе люди, вырабатывавшие эти правила. Мы здесь все раздавлены.

— Почему вы в одиночке?

— Я расплачиваюсь за мой последний побег. Я должен был получить пять лет тюрьмы, потому что это был мой второй побег. Но морской трибунал приговорил меня только к двум годам.

— Потому что вы хорошего поведения, — сказал надзиратель.

— Да, — добавил Дьедоне, — я должен сказать, что меня наказывают без злобы.

К нам подошел комендант островов.

— Ага, вы нашли Дьедоне. Здравствуй, Дьедоне!

— Здравствуйте, комендант.

— Обратите внимание, — комендант положил руку на плечо каторжника, — это интересный парень, искусный, образцовый работник. Он сумел уберечь себя от всех пороков каторги. Когда он кончал ручную работу, он изучал механику, философию. Что вы теперь читаете, Дьедоне?

Дьедоне собрал сложенные в углу номера ежемесячного журнала „Меркюр де Франс" и показал их коменданту.

— А здесь вам не темно?

— Благодарю вас.

— Я не должен был бы спрашивать вас об этом. Чтение в одиночке не разрешено. Скажите мне по крайней мере, что вы ничего не видите, чтобы успокоить мою совесть!

Они улыбнулись.

Улыбка — редкий цветок на островах Салют!

— Он бежал отсюда, — сказал комендант. — Это один из самых замечательных подвигов на каторге. Девяносто пять шансов во время бегства — оставить свои кости акулам. Как вас возвратили обратно?

— Едва живого, комендант.

— История Дьедоне — волнующая, — сказал я коменданту. — Многие считают его невиновным.

— Клянусь, я невиновен! — воскликнул Дьедоне.

Дверь одиночки снова закрылась, замуровав его живым в этом гробу...

В последние годы об ужасах Кайенны много писали и говорили. Адвокаты и журналисты сн ва подняли дело Дьедоне. Вспомнили, что он был осужден только вследствие сомнительного показания Габи.

Как то в 1926 году де Моро-Жиафери несколько других общественных деятелей отправились в министерство юстиции ходатайствовать о помиловании Дьедоне.

Но в помиловании было отказано.

Это был Камилл Дьедоне.

Спустя два месяца я получил следующее письмо от одного колониста из Кайенны.

„Вы вероятно знаете, что совершенно неожиданно для всех Дьедоне отказали в помиловании. В течение двух лет он жил только этой надеждой. Я считаю его невинным. Во всяком случае он уже дорого заплатил. Не смогли бы вы похлопотать о нем? Ведь он в этой ужасной каторге сумел остаться тружеником и честным человеком. Если бы Дьедоне убежал, все жители Кайенны пожелали бы ему счастья!".

На третий раз Дьедоне все-таки удалось бежать.

Это было в июле месяце. Телеграммы сообщили, что Дьедоне не умер, что его обнаружили в Парагвае.

Такси доставило меня на ул. Энгьен, 18, в редакцию „Пти Паризьен". Я явился к Эли-Жозефу Боа, главному редактору.

— Ну, что Дьедоне? — спросил он прежде, чем я сел. — Вот это действительно история! Вы ее знаете? Надо было бы его разыскать.

— Но ведь он в Бразилии.

— Ну, так что же?

В самом деле, Бразилия ведь не на луне Послали телеграммы, взбудоражили консулов, а потом я уехал в Бразилию.

Быстро прошли двадцать дней путешествия через океан. На двадцать первый, в семь часов утра, пароход „Гебик" вошел в гавань Рио-де-Жанейро и ошвартовался у набережной.

В этот час люди рассудительные предпочитают оставаться в постелях. Но все-таки на набережной собралось человек пятнадцать, наблюдавших за маневрами парохода.

— Ну-ка, — сказал я себе, — каков был твой человек, когда ты его видел в последний раз?

Я вспоминал его череп и бритые щеки Передо мной встала сцена нашего прощанья. Его тело было в одиночке, а голова — в волчке, который казалось хотел его гильотинировать. Он пристально смотрел на меня своими лихорадочно горевшими глазами... Это было четыре года назад, в каторжной тюрьме Кайенны.

Если бразильцы его снова не арестовали и если наши телеграммы дошли до него, — он должен быть здесь.

Пароходный слуга сказал, что меня кто-то спрашивает.

— Там, на земле, у лестницы.

Я пошел на нос парохода.

— Добрый день! — крикнул мне кто-то с набережной, — добрый день!

Это был не очень полный человек, в синей матроске и в новых ботинках.

Его усы были расчесаны, но он нисколько не напоминал франта.

Когда я нагнулся над бортом, он мне сказал:

— Хоть я и не узнал вас, но я понимаю, что это вы.

— Я вас совсем не знаю, — ответил я.

— Неужели я так изменился?

— Стало быть, это вы?

И он глухо промолвил:

— Дьедоне.

„Что вы делали в шайке Боно?"

Мы сидели с Дьедоне на одном из холмов большого порта, в Санто Терзина, потому что на Рио было уже жарко.

Это помещение называется отелем Модерн, в нем обычно живут французы. Здесь можно увидеть офицеров военной миссии, профессоров Сорбонны, разъезжающих по научным съездам, инженеров, французского консула, авиаторов будущей семидневной линии Париж—Буэнос-Айрес.

Каторжанам только-что разрешили селиться в этом отеле.

Мы часто меняли тему нашего разговора, не забывая однако самого интересного. Поэтому мы и заговорили о побеге Дьедоне.

— Стало быть побег был вполне успешен? — спросил я.

Он тряхнул головой, и в этом молчаливом ответе было столько грусти...

— Ведь вам оставалось только два года и девять месяцев тюремного срока?

— И двадцать два дня, — перебил он меня.

— Это все же значительно меньше, чем смерть, которая поджидала вас во время побега.

— Я уже не мог больше выдержать, — сказал он. — Честное слово, невозможно! Видите ли, я мог бы вам об этом многое сказать еще четыре года тому назад, когда я вас видел там.

— Ну, расскажите, прежде чем начать историю вашего побега.

— Историю моего побега? Никто пожалуй этому не поверит.

— Предварительно я хотел бы спросить вас кое о чем. Что же вы все-таки делали в банде Боно?

— И вы? Вы знаете мое дело и все-таки задаете мне этот вопрос?

Он покачал головой, как бы желая сказать: „я этого не ожидал, не ожидал"...

— Вы ставите передо мной вопрос пятнадцатилетней давности. Вечный вопрос. Если бы я не сдерживал себя...

Представьте себе Каина, который никогда не убивал Авеля и который всю свою жизнь слышит за собой: „Что ты сделал с твоим братом?" Понимаете вы это? Что я делал в банде Боно? Я сейчас припомню... — Он медленно провел рукой по лбу.

— Тех, кого я знал, звали Гальмен, Гарнье, Боно, но они не были в банде, когда я их видел. Сотни людей знали их так же, как и я. Это были простые посетители анархистских кружков, где иногда бывал и я. Они были как все прочие. На их лбах ничего не было написано.

— А что вы делали в анархистских кружках?

— Мы перестраивали общество, чорт возьми! Я об этом писал и говорил. Пятнадцать лет я верил в анархию, это была моя религия. Анархисты помогают друг другу. Когда кто-нибудь в опасности, он имеет право на помощь нашего союза, на деньги в нашем кошельке.

— Значит вы скрывали Боно?

— Я скрывал Боно?

— Я только спрашиваю.

— Да нет же! Я хочу сказать, что пожимая руку Гальмена, Гарнье или Боно я знал столько же, сколько и вы о том, что они сделали или сделают... Ведь не требуют ни расписки, ни исповедей от тех, кому предлагают кров и кусок хлеба. Вот все мое преступление. Оно привело меня к гильотине.

Дьедоне заговорил тише. Мы были на террасе отеля, и выходившие из-за стола люди проходили сзади нас.

— Теперь вы отдаете себе отчет в том, что я испытал, когда был обвинен в убийстве на улице Орденер? Я ясно помню эту минуту. Все рухнуло, все! Когда прошел первый удар, у меня появилась слабая надежда. Я говорил себе: Габи сначала узнал своего убийцу в Гарнье, потом в другом, теперь во мне. Через несколько дней он назовет убийцей кого-нибудь четвертого. Судья поймет, что этот человек немного помешан.

Увы! Ни предсмертные заявления Гарнье и Боно о моей невиновности, ни признание Гальмена, ни мои искренние протесты, ни мои свидетели, ни страстная защита Моро-Жиафери, ни вся моя честная жизнь — ничего не помогло!

„Дьедоне должен быть казнен публично". Еще до сих пор эти слова звучат у меня в ушах. Я признаюсь, у меня не хватило бы мужества итти на гильотину. Быть обезглавленным, как вол на бойне, умереть, сознавая, что ты осужден невинно, оставить в наследство своему сыну имя подлеца... Передохнем немного...

Я переживал страшные часы в моей одиночке для смертников. Моро-Жиафери ободрял меня. Без него я бы покончил самоубийством. Меня пугала не самая смерть, а способ казни.

23 апреля 1913 года в четыре часа утра мою одиночку открыли. Одовременно открыли камеры Гальмена, Монье и Муди. Мне неожиданно объявили помилование. Я прислушивался к тому, что делают те, которые торопились итти на смерть. Я так долго жил, думал об этой минуте, что на стене моей тюрьмы я видел, как на экране, их отрубленные головы.

Охрана вернулась с места казни. Некоторые из них плакали. На дворе шел дождь. Я знал, что после помилования я буду отправлен на каторгу. Силы покинули меня... Меня поддержал инспектор... Я стал каторжанином на всю жизнь.

Вот что я делал в банде Боно. Я был приговорен к смерти за преступление, совершенное Гарнье. Был сосланным без вины — какое это невероятное несчастье! Но еще большее несчастье — участвовать в процессе „трагических бандитов". Я пятнадцать лет испытываю это. Вы можете писать об этом, как вам будет угодно, но у тех, кто это прочтет, всегда останется некоторое сомнение...

Сорок три года моей честной трудовой жизни не сгладят позора каторги. Окружающие всегда бросают на меня робкие взгляды, двери предо мной закрываются... Завтра кто-нибудь другой меня спросит: — что вы делали в банде Боно?

Будь они прокляты!

Какой-то авиатор, выходя из-за стола, подошел ко мне на террасе. Я познакомил его с Дьедоне. Спустя минуту он нагнулся к беглецу и спросил:

— Что же, в конце концов, вы делали в шайке Боно?

Борьба Миров

„Прекрасная дама"

На другой день Дьедоне вошел ко мне в комнату.

— Теперь, когда мы вдвоем, — сказал я ему, — вы расскажите о вашем побеге. Итак, в одно прекрасное утро, вы решили бежать из каторги.

— В одно прекрасное утро? Вы так думаете? Я всегда хотел бежать.

Он присел на кровать и начал:

— Нужно быть совсем погибшим человеком, чтобы согласиться жить в каторге, когда ты невинен. Это было нелегко. Знаете ли вы, что такое каторга для таких людей, как я? Страна вечного испытания!

Когда бежит обыкновенный уголовник, это считается в порядке вещей; об этом не извещают Париж, начальники не подвергаются наказанию. Побег же людей вроде меня наделал бы много шуму. Поэтому администраторы спускают всех паршивых гвианских собак-сыщиков. Они ходят только стаями, как на облаве. Сыщик, — ваш сосед по квартире, которому вы даете папиросу; сыщик — привилегированный бездельник, фланирующий по острову; парикмахер, посыльный лазаретный сиделец — все сыщики! Им ведь надо удержать свое место. Сыщики исполняют самые гнусные обязанности; их подлость дает им возможность получить лучшее место. Сыщики доносят охране на уголовных и уголовным на охрану. Среди сыщиков есть и люди „заслуженные", известные, из числа администрации. Сыщиков столько же, сколько москитов.

Вы, свободные люди, понятия не имеете о том, что происходит в каторжной норе. Человек сдается перед голодом. За добавочный паек хлеба, за место прачки он продает своего товарища. Если он ничего не знает, он выдумывает. А так как он преимущественно клевещет на людей, процессы которых были достаточно громки, то начальство верит ему.

И все-таки, несмотря ни на что, я не переставал думать о „прекрасной даме".

— О какой прекрасной даме?

— О свободе, чорт возьми! Там ее так называли. За исключением стариков (и то не всех), и нескольких сотен самых опустившихся людей, которые удовлетворены жизнью в этом большом корыте, — все ждут свободы. Сердца семи тысяч человек бьются для нее. Это, конечно, очень смешно. Семь тысяч живущих вместе и одержимых только одной мыслью!

— Однако, в последнее время, вы могли рассчитывать на помилование.

— Конечно, мне было лучше. Я больше уже не сидел в одиночке, куда я попал из-за „прекрасной дамы". Губернатор Шанель перевел меня в Кайенну. Однажды, это было в декабре, я работал для фирмы Ширн, на набережной, у таможенных складов. Корсиканец Бонами, вестовой, славный парень, отыскал меня.

„Мне приказано отвести вас в канцелярию, вам должны кое-что сообщить".

„Вам сбросили пять лет каторги, — сказал мне комендант. — Вы будете освобождены 30 июля 1929 года. Распишитесь".

Сердце мое захолонуло. Я ведь рассчитывал на полное помилование. Оно мне было обещано. Я уже купил чемоданы. Они были наполнены подарками: ящичками, палками из „любовного дерева, сделанными марсельцем Болоном, тоже невиновным. У меня были статуетки, сделанные лионцем Жесету, туфли работы Биби Гриллада, цветы из птичьих перьев, сделанные сиротами Кайенны. Все это — подарки для моих доброжелателей... Когда я вернулся в свою конуру, эти ящики мне сразу напомнили обо всем, и я грохнулся на пол...

Я вспоминаю, что лежа на полу я подсчитал время, которое я должен был еще оставаться на каторге. Вышло два года, девять месяцев и двадцать два дня. Эту запись можно и сейчас увидеть на плитах пола. Пятнадцать лет каторги за преступление, которое я не совершил... И кроме того, еще два года, девять месяцев и двадцать два дня. Это было слишком много. Я поднялся и воскликнул: Да здравствует свобода! Я решил бежать.

— Бегство — это риск, а на каторге в последнее время вы были в привилегированном положении.

— Совершенно верно, в последние месяцы мне не было плохо. Я имел право свободного передвижения, ночевал в городе. Полиция, встречая меня после запрещенного часа, делала вид, что не видит меня. Я зарабатывал, так как люди моей специальности могут найти работу в Гвиане, — я механик, мебельщик. Но вы понимаете, что жизнь в Кайенне — это не жизнь. Всегда у тебя вот здесь какая-то метка, — он ударил себя по лбу, — вы ее, правда, не увидите, но там даже негры придумали для нас особую кличку „попотами". Жить снисхождением одних и состраданием других, — какой уважающий себя человек согласился бы на это? Я предпочел свободу тарелке супа и бразильские степи — моей кайенской норе... Я спустился с моего чердака. Я совершенно отчетливо помню, что произошло в тот день.

Было три часа пополудни. Солнце оглушало людей, как оглушают на бойне быков. Я отправился посидеть на берег. Каторжане разгружали шаланду. Таможенные чиновники ползали, точно сонные мухи. Несколько грузчиков, полуголые, татуированные, искали какой-нибудь работы, которая позволила бы им добавить селедку к казенному пайку... Машина для пилки розового дерева заглушала своим грохотом все окрестные шумы. Когда она умолкла, я услыхал голос Биби Легранда, споривщего с надзирателем.

„Да, я взял вашу курицу, — говорил он. — Но вы крали рис из наших пайков, им выкормили эту курицу. Поэтому я считаю ее своей".

Я видел, как он вошел со своим другом Бириби в „Кимарасс", международный кабак. Шли гвианцы, торопясь домой. Надзиратели прогуливались с револьверами в кобурах. Я смотрел на море. В это время подошел комендант Мишель.

— Вы смотрите на море, Дьедоне? — спросил он. — Не делайте глупостей.

Он ушел, а я смотрел и смотрел на море, и за мая см „Потерянный ребенок" уже видел грядущую свободу.

У китайца

Мы с Дьедоне сидели в моей комнате в Рио-де-Жанейро. Дверь и окно были открыты.

— Можно закрыть? — спросил Дьедоне. — Правда, будет жарко, но зато я смогу говорить с большим удовольствием.

Он снова уселся напротив меня.

— На другой день ночью, один каторжанин направлялся в сторону канала Лосат. Это место до сих пор является главным сборным пунктом всех преступников. Я там никогда не был. Я оглянулся. Никто не следовал за мной. Я перешел гнилой деревянный мост.

Я направился к китайцу. Мне указали на него, как на посредника. Его шалаш был притоном. Там играли в карты, курили опиум, прятали краденое... Я пошел туда, чтобы убежать...

Я толкнул дверь. Тотчас заворчала собака, погасли светильники. Ко мне подошла молодая китаянка. Я назвал пароль. Девушка позвала хозяина. Огни зажглись, и игра возобновилась. Затем появилось какое-то смешное чудовище: это и был хозяин.

„Я пришел, чтобы бежать", — сказал я ему. Он отвел меня в комнату, которая служила для всех надобностей. Здесь была печка, голубятня, тиски, кровать, Китаянка последовала за нами. Удивленный, я смотрел на женщину, спрашивая себя, что ей здесь надо. Китаец понял. улыбнулся и положил палец на губы, как бы желая сказать, что девушка не болтлива, Она вышла и принесла чай. Не из датюры ли он?

А датюра — это растение. Из него в Кайенне приготовляют напиток, который дают тому, кому хотят отомстить. Я вывернул карманы и сказал: „Бесполезно, у меня нет с собой денег". Чудовище улыбнулось, китаянка тоже, и они сказали оба: — „датюра не для тебя".

„Сколько будет стоить, хозяин, доехать до Ойнока?"

„Три тысячи франков, двести на продовольствие, еще сто для меня. Максимум — шесть пассажиров".

„Лодочник надежен?"

„Я за него ручаюсь".

„Белый?"

„Черный. Его зовут Акупа. Если ты согласен, он завтра будет здесь в это время".

„Хорошо. До завтра".

Борьба Миров

Мой спутник

Вы помните, — мой друг Маршера сказал вам на каторге: — побег — это искусство. — Это правда. Но в этом искусстве главную роль играют случай и неизвестность.

Самая большая случайность — подбор компаньонов по трагической авантюре. В каторге не выбирают своих друзей, — их терпят. Невозможно убежать с людьми по своему выбору. Вы живете в Кайенне, а ваши товарищи могут быть на островах или на Марони. Надо довольствоваться тем, что имеется здесь, исключить подлецов, отыскать таких, кто может внести свою долю, нанять моряков, которые знали бы путь в Бразилию или Венецуэлу, остерегаться провокаторов. На каторге не охрана оберегает каторжан,— каторжане сами оберегают друг друга.

На следующий день я подобрал группу. Нас собралось шестеро.

Первого звали Менеи. Укус ядовитой мухи лишил его одного глаза. Пятидесяти шести лет, Отбыл двадцать девять лет каторги. Приговоренный к десяти годам, он получил добавочных девятнадцать за побеги. Это был трудолюбивый крестьянин, привязанный к своей семье, еще крепкий. У него было семьсот франков. Второй — Девере, двадцати пяти лет. Вечник. Отбыл пять лет каторги, Его привел Меней. Я больше ничего о нем не знаю. Имел пятьсот франков. Третий — Венет, двадцати восьми лет, тоже вечник. В каторге пробыл семь лет. Интеллигентный, вежливый, хорошо воспитанный, говорящий по-немецки. Был служителем госпиталя. Физически не слишком силен. Имел тысячу сто франков.

Четвертым был тридцатипятилетний Брино, тоже вечник, проживший шесть лет на каторге. Препаратор в аптеке. По профессии мясник, он был так искусен в своем ремесле, что мог разделить лягушку на шесть равных частей. Хороший товарищ. Имел девятьсот франков.

Жан-Мари был пятый. Двадцати шести лет. Вечник, отбывший восемь лет ка-

торги. Попал сюда из Бретани. Его невеста повесилась, и Жана без всяких оснований обвинили в убийстве. Он был арестован, и в тюрьме надзиратель по десять раз в день бил его ключами, повторяя: — Признавайся, ты задавил свою невесту? — Спустя двадцать дней Жан-Мари прямо-таки обезумел от ярости и убил надзирателя, который пред смертью попросил у него прощения. Я знал Жана-Мари на островах, я учил его мебельному ремеслу. Каторжанин, добровольно обучающийся ремеслу, — не погибший человек. Без меня он никогда бы не бежал. Имел девятьсот франков,

— Вот все пассажиры моего „корабля"...

...Дьедоне замолчал и, пошарив в карманах, спросил меня:

— Вы опять стащили мои спички?

Я ему их отдал и он закурил...

— Ну, продолжим... Ночью я снова отправился к китайцу. Я бросился к двери, как будто меня преследовали. На этот раз игроки не успели скрыться, но похватали деньги со стола, а один из них, не имевший карманов, — он был голый, — даже сунул монету в рот.

Китаец отвел меня в комнату, служившую для всяких надобностей. Какой-то негр, сидя на кровати, курил трубку. Это и был наш спаситель.

„Ну, что же, — сказал он, — плохи дела с рыбной ловлей, а у меня жена и трое детей. Чтобы поправить свои дела, я переправляю беглецов. Меня зовут Акупа" — добавил он.

„Какая у вас пирога?"

„Вполне надежна" — ответил Акупа.

Негру было за сорок лет. Он был крепок. Уже десять лет он рыбачил на стороне. С первого взгляда он не производил впечатление плута.

„Три тысячи, затем еще двести франков, и еще сто", — сказал я ему. „И все", — ответил он. Ударили по рукам. Сговорились.

„Когда?" — спросил я.

„Послезавтра, шестого".

„Где?"

„В пять часов вечера, у мыса Фуйе. Вы знаете это место?"

„Еще бы я его не знал!"

Отъезд

ОДИН за другим, разными дорогами, я — в китайской куртке с пилами за плечами, пятеро других — в куртках каторжан, с номерами на груди, — мы все с бьющимися сердцами покинули Кайенну. Это было 6 декабря. Если бы нас заметил надзиратель, мы разошлись бы по направлению к казарме или госпиталю.

Когда я по дороге встречался с каторжанами, они почему-то казались мне более несчастными, чем обычно. Я испытывал к ним такое же сострадание, как выздоровевший человек к больным, еще остающимся в лечебнице. Один из них, которого я знал, спросил меня: „Что нового?" — „Все хорошо", — ответил я, останавливаясь. Я встретил также адвоката Дарналя. „Дьедоне, — спросил он меня, — когда вы придете ко мне работать"? Мне очень хотелось ответить ему: „Вы шутите, господин Дарналь"! Но я сказал: „Скоро". Я наткнулся еще на старшего надзирателя, корсиканца. Мы не обменялись ни словом. Я обернулся и посмотрел ему вслед. Но не для того, чтобы лучше запечатлеть образ карающего начальства, — скорее всего это была надежда видеть его в последний раз. Я едва удержался, чтобы не крикнуть ему: „Прощай".

Я достиг окраины Кайенны. Предо мной расстилалась чаща. Последний взгляд назад, и я исчез в зарослях...

Теперь надо было не попадаться охотникам за людьми. Во Франции есть места, где охотятся на зайцев, на фазанов, на коз. В Гвиане охотятся на людей, и эта охота разрешена круглый год. Не хвастаясь скажу, что я был бы отличной приманкой для ружья, и администрация выдала бы за меня двойную премию. Надо замести следы. Я, как тапир, бросаюсь в лесную чащу. Через час я останавливаюсь. Невдалеке зашуршали листья. Животное? Охотник? Каторжанин? Я лег на мох и, подняв голову, осмотрелся. Это был Жан-Мари, бретонец. Я окликнул его. Как он испугался! Мы молча шли вместе еще полтора часа, почти не разгибая спин. Наконец мы добрались до мыса Фуйе.

Там уже были Брино, Меней, Венет; не хватало только Деваре.

„Если он не придет, — сказал Брино, — у нас не хватит пятисот франков, и все погибло".

„Я дополню недостающее", — сказал я. Все замолчали. Каждый раз, когда показывалась какая-нибудь пирога, мы прятались. Наконец пришел Девере, — почему-то его ноги были в крови.

Пять часов. Половина шестого. „Не видать Акупы?" Шесть часов... Ах, проклятый негр! Если он нас здесь бросит, нас отыщут охотники за людьми.

Половина седьмого — никого нет.

А что, если он или китаец продали нас?

Темнело. Вдруг на море показалась пирога. Она приближалась очень медленно, очень осторожно.

Я поднялся и сделал знак. Я узнал Акупу... Пирога приближается и за ней следует другая, поменьше, управляемая китайцем.

Должен сказать, что в этот момент мы обожали этих двух людей. Мы разулись и вошли в первую пирогу, куда вместе с нами прыгнул и китаец. Он зажег свой фонарь. Теперь прежде всего надо было расплатиться. Каждый из нас вытащил по пятьсот франков. Брино еще не приготовил их и силился извлечь деньги из своего „плана" (потайное жестяное портмоне цилиндрической формы). Каждый считает и пересчитывает. Это длится долго, у всех мелкие купюры. Когда пересчитано, считают в третий раз. Вы понимаете, бывают люди вроде Девере, которые в течение двух лет продавали половину своего пайка, чтобы собрать эту сумму. Лишиться денег — целое событие для них. В этих пятистах франках — вся их жизнь, они собирали их с таким трудом, по грошу... Пятьсот франков, потом тысяча, потом тысяча пятьсот, две тысячи. Я распродал мои шкатулочки, все подарки, приготовленные для моих покровителей. Расстаться с этими деньгами тоже нелегко... Наконец я их отдал. Меней все не мог сосчитать, сбиваясь в середине счета... „Мне больно пересматривать их", — говорил он. Он тоже обменивал на деньги свой паек... Но вот три тысячи франков отсчитаны.

Китаец берет деньги и начинает у фонаря считать и разглаживать кредитки так старательно, словно на каждой из них он ищет подпись художника, рисовавшего узоры. Он не пропускает ни одного билета. При свете фонаря видно, как у него бежит слюна. Эта история по крайней мере заняла полчаса. Затем китаец передает деньги негру. Негр привязал свой фонарь к шее и тоже начал считать и разглаживать их не быстрее китайца. Он снова передал их китайцу, который опять стал пересчитывать и проверять кредитки. Наконец все готово. Китаец прячет деньги за пояс.

Борьба Миров

Я даю ему на-чай обещанные сто франков.

Он тушит фонарь, возвращается в свою лодку и молча, унося деньги рыбака, гребет к своей хижине.

„В путь", — сказал Акупа...

Его лодка была семи метров длиной и метр шириной. В ней нас семеро. Стемнело. Мы идем вдоль лиственного леса. Внезапно, точно по команде, нас атаковали москиты. Девере заохал от боли.

„Замолчи"! — приказал Меней. — Не стоило тратить столько трудов и избежать охотников за людьми, чтобы теперь привлечь их из-за двух — трех москитов.

Девере замолчал. И затем началась охота на москитов, которая продолжалась до рассвета. Мы беспрестанно били себя по лицу, по шее, по ногам, по щиколкам не останавливаясь ни на минуту. Полными пригоршнями мы давили москитов. На нас напали миллионы, вы понимаете — ми-лли-о-ны.

Длина мыса — пятьдесят километров. Мы обогнем его только утром. Акупа греб. Меней, сплошь покрытый москитами, стоя на носу, управлял длинным бамбуком, заменявшим руль. Его сменял Жан-Мари. а Жана-Мари сменял я. Бамбук погружался в ил, и работа была очень утомительна.

Но все же мы подвигались вперед.

Ясной ночью перед негром, которому на все было наплевать, мы строили планы новой жизни. Девере говорил о своей матери, которая так обрадуется его приезду. Мясник Брино рассказывал, как он покажет бразильцам искусную работу парижских мясников. Венет, набожный католик, никогда не расставшийся со своими четками и даже в день побега отыскивавший священника, все время молился. Бретонец Жан-Мари, увидев Южный Крест, утверждал, что это очень хорошая для нас

примета. Он сделает хорошую мебель бразильцам. Меней так плакал от радости, что плохо видел своим единственным глазом. „Да, — говорил он, — на этот раз я добьюсь свободы!" — Ему было пятьдесят шесть лет. Уже в четвертый раз он отправляется ее разыскивать. Я не знаю, что его вдохновляло, но он не сомневался в успехе. Он пел — этот старый каторжанин...

— А вы?

— Я, чорт возьми, вел себя, как все остальные.

Мыс становился шире. Мы услыхали шум моря. Скоро мы его увидели и подняли парус. Крик радости вырвался из нашей груди: мы избежали охотников за людьми!

Мели

СКАЖИТЕ, — спросил меня Дьедоне, — когда вы были в Кайенне вы ничего не слыхали о так называемых французских мелях? Они находятся в Никири, в английской Гвиане. Там обычно разбиваются пироги каторжан, бегущих в Венецуэлу.

— А в чем дело?

— А вот в чем: мели там илисты и засасывают каторжан.

Мы боялись, что и мы разобьемся. Акупа был плохой моряк. Он не сумел миновать мель при выходе из Магори. Он вышел в открытое море как бык на арену, беспорядочно ударяя веслами по воде. Наконец, благодаря отливу, мы все же добрались до островов Отец и Мать.

Ветер спал. Мы вынуждены были бросить якорь. Вдалеке виднелись две рыбачьи лодки. Был слышен шум мотора. Это Дуец везет со своего острова в Кайенну „свежие овощи".

„Акупа! Нас относит назад!" — закричал я.

Мы стали вытаскивать якорь, но вытащили одну веревку, — якорь оборвался. Нас продолжало относить. Мы привязали к веревке большой камень, но и он оторвался. Мы все время плыли назад. Я взял с собою станок, чтобы начать работать как только освобожусь, я пожертвовал им, и мы привязали его к веревке. Но веревка не выдержала тяжести и снова оборвалась. Нас относило назад все быстрее и быстрее.

Мы гребли против течения всем, что только попалось под руку. Я — моим рубанком, Жан-Мари — кастрюлей. Живописная картина для художника! Наши усилия ни к чему не привели. Мужество покинуло нас. Нас уже отнесло к маяку Кан...

Мы стали на якорь при помощи бамбука, который мы нашли в иле. Вода скоро прибудет, наша пирога застряла в иле.

Ночь застала нас в этом же положении. Девере и Венет поникли головой. Старый Меней попрежнему ободрял их.

„Смотрите на меня, — говорил он, — я весел, а ведь я вам в деды гожусь. Ей-ей, я чувствую, что все это хорошо кончится. Моя старуха, ожидающая меня уже двадцать девять лет, на этот раз не будет обманута в своих ожиданиях".

Вокруг были только илистые мели, которым казалось не было конца.

Мы собирали „военный совет". Было решено выйти отсюда на другой день в момент прилива на парусах и веслах. Но весел у нас не было. Мы выломали скамьи на пироге и выстругали из них семь планок. Будем грести, стоя на коленях...

„А теперь — спите! — сказал я товарищам. — Надо быть завтра свежими. Я буду караулить".

Ночь была холодная. Луна отсвечивала в лужах, оставшихся в иле. Вдали мерцал фонарь канского маяка, единственный в этом проклятом краю.

Меней не мог заснуть. Девере что-то бормотал во сне. „Нет, начальник! Нет! Это неправда"! Он должно быть еще спорил с администрацией тюрьмы. Венет метался во сне. Жан-Мари храпел. Акупа скрежетал зубами по мундштуку своей трубки.

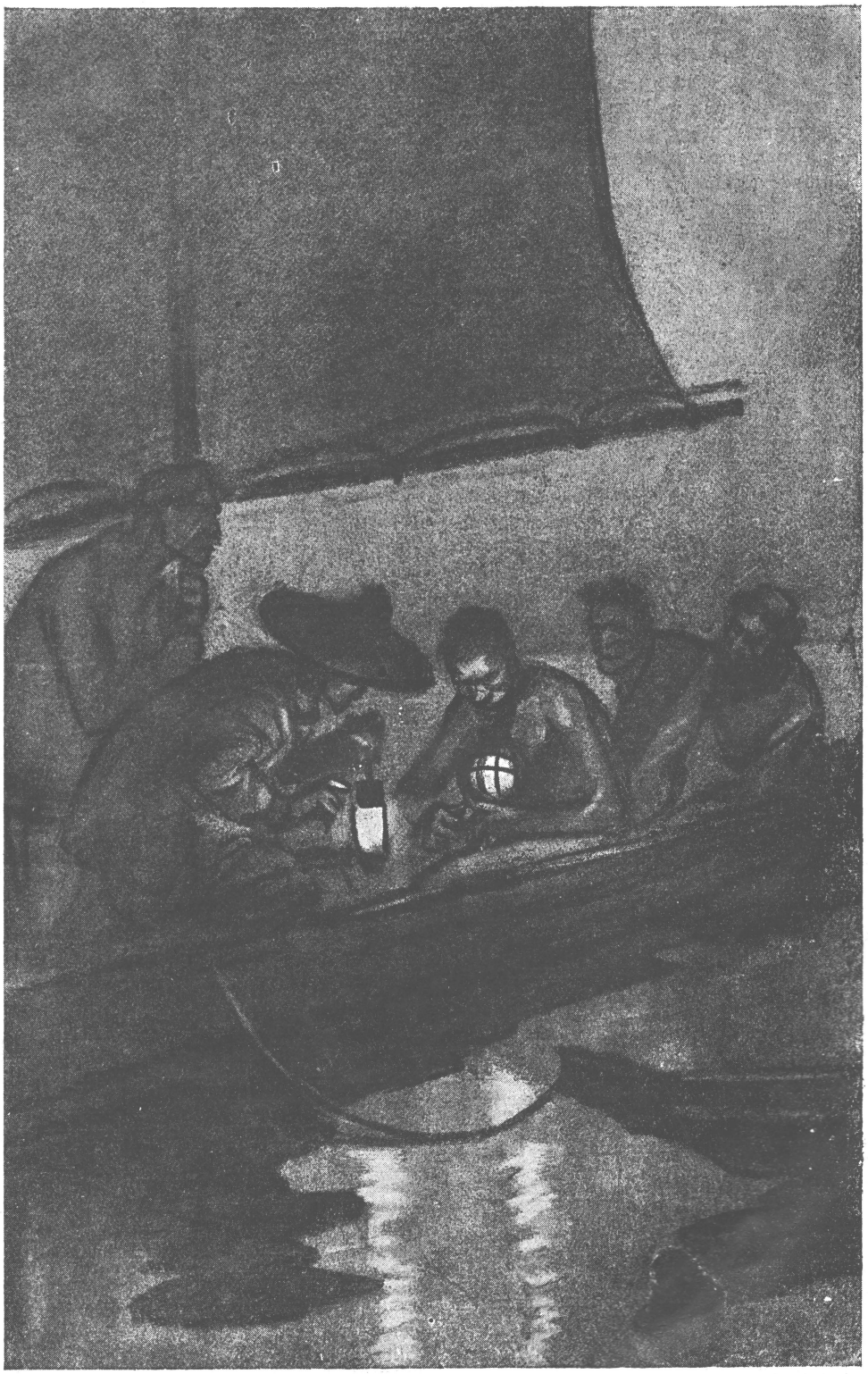
Ночь прошла. Вода стала прибывать. Пирога задрожала.

„Вставать!"

Акупа уже на отмели. Жан-Мари и Меней бросились к парусу, остальные боролись с мачтой, которая казалось хотела нас опрокинуть.

Борьба с приливом

МЫ не можем двинуться вперед, но зато нас не относит и назад, мы добьемся этого. В течение трех часов мы гребли изо всех сил. Налегай! Еще раз. Еще.



Негр стал считать и разглаживать кредитки.

Борьба миров

Поднялся ветер. Ур-ра!! Пирога пошла. Мы проходим мыс Мондоли. Ветер усиливается. Мы лихорадочно гребем, улыбаясь Акупе. Вот мы снова проходим островок Матери. Прощай, Дуец. Пусть преуспевают твои свежие овощи! А вот и Жумели. Еще небольшое усилие, и мы выйдем в открытое море. Внезапно ветер ускользнул из парусов. Уж не упустили ли его Жан-Мари и Меней? Парус ищет ветра повсюду, но ветер улетучился, и нас снова относит в сторону. Все на весла, все семеро! Но море сильнее нас, и пирога снова садится на мель.

Все было так, как и в прошлую нечь.

Но на этот раз никто не сторожит. В самом деле, кто нам здесь угрожает, животное или человек? Кругом никого нет, даже нет на горизонте фонаря маяка Кан.

Утро. Море медленно прибывает. Но ветра все еще нет. Мы садимся на весла, пирога не движется. Акупа велит нам не тратить силы понапрасну. В полдень пирога поднимается. Оказывается, внезапно поднялся ил, подняв и нас собой.

Наступила третья ночь и вместе с ней — прилив.

„На весла" — скомандовал Акупа.

Ветер был сильный, и волны большие. Пирога идет так быстро, что мы даже не видим, как бегут деревья справа от нас.

— Акупа, осторожней! — кричим мы.

Вдруг пирога, несколько раз задев дно, остановилась.

Восемь раз мы изо всех сил пробовали подтолкнуть пирогу, но она не продвинулась ни на фут. Мы сидим на поднявшемся иле. Может быть вы думаете, что ил — гладкая равнина? Вовсе нет! Он образует такую лестницу, что можно подумать, будто ее сделали люди. Мы были на верхушке подобной лестницы. Снова начался отлив. Мы встали в пироге. Кругом — сплошной ил.

Утро. Попрежнему — ил.

„Что же, нам придется умирать здесь?" — спросили мы Акупу.

Он ответил, что здесь можно оставаться десять дней до большого прилива.

Тогда я рассказал своим спутникам историю шахтеров, засыпанных в Корьере, и добавил: „... это продолжалось шестнадцать дней, и все-таки они были спасены".

Акупа сказал:

„Есть только одно средство выйти отсюда. В двухстах метрах от нас я вижу воду, значит там дно ниже. Если мы туда дотащим пирогу, у нас будут шансы выбраться в море к вечеру. Тогда мы спасены".

Мы тотчас же разделись.

„Подождите, — предупредил нас Акупа. — Запомните хорошенько: вы должны войти в ил, раздвинув ноги и нагнувшись вперед. Иначе вас засосет".

Мы входим в ил, он засасывает нас до живота. Это ужасно. Но глубже мы не погружаемся. Руками мы схватились за борт пироги. Меней кричит: „вперед!" — и мы тащим ее изо всех сил. Пирога с каждым разом продвигается на двадцать сантиметров. „Еще ребята! Еще!" Успех нас опьяняет. Мы все кричим: „Еще разок. Еще. Еще. Поднажми! Смелей в Бразилию. Еще!"

Солнце нас допекает. Хоть мы и не были барышнями, но ил нам опротивел. Каждые две минуты мы вынуждены были отдыхать, — до того мы выбились из сил. С каждым толчком мы погружались по грудь, было гораздо труднее вытаскивать тело из ила, чем тащить пирогу.

Два часа борьбы, и мы одержали победу, мы очутились на поверхности воды. Мне никогда не приходилось видеть людей, более грязных, чем мы семеро!

Провизии и пресной воды у нас совсем не было.

Акупа трижды выстрелил, убив около пятидесяти каких-то птичек, летевших над илом. Мы их изжарили.

Вечер снова нагнал воду. Каждый из нас сидел на своем месте, приготовив весла. Наступил решительный час... Море все приближается и приближается. Оно уже окружает пирогу. Поднимется ли оно настолько, чтобы ее сдвинуть? Как мы следили за этим! Пирога скрипит, покачивается, поднимается. Мы скребем веслами ил, но корма остается на месте. Смелей на весла! Это последняя наша надежда. Внезапно среди тишины черной ночи раздается пение под аккомпанемент ударов весел. Это Жан-Мари затянул бретонскую песню.

„Пирога пошла! — закричал я. — Смелей друзья! Пирога пошла!"

Она двигалась в открытое море, изредка ударяясь о дно. Жан-Мари и все мы пели, при чем Меней кричал громче всех.

„Ты снова увидишь твою мать, Девере!—кричал старик,—а я—мою супругу".

„В Бразилию!—кричим все мы,—в Бразилию!"

Меней и Жан-Мари натянули парус. Волны было очень велики и часто прокатывались над нами.

Мы в открытом море. Начался дождь, ветер усилился. Жан-Мари, стоя у паруса, только чудом сохраняет равновесие. Мы уже не гребем, а вычерпываем из пироги воду.

„Руль направо, Акупа!"

„Он не повинуется больше!" — ревет негр сквозь ветер.

Жан-Мари бросается свертывать парус. Волны ударяют в пирогу.

„Откачивайте воду!" — кричу я. — „Садитесь! Не бойтесь!"

Венет и Девере, оба молодые, кричат о смерти... Налетает еще одна волна, затем еще... Пирога опрокинулась.

Ил засосал Венета

МНЕ тяжело снова переживать эту драму. Я еще до сих пор слышу отчаянный крик Венета и Девере, которые не умели плавать.

Итак, пирога перевернулась, Это было около девяти часов вечера... Я почувствовал, что меня как будто обволакивает какое-то сукно. Я быстро заработал руками и ногами, — оказывается, я был обернут в парус. Его веревка обмоталась вокруг моей шеи как бы желая удавить меня. Я пытаюсь выкарабкаться, но чьи-то руки меня схватили... Я так и не знаю, кто это был. Освободившись, я выбрался на поверхность. Серп луны освещал ужасную картину. Люди казалось прыгали на волнах. Трое из них рыча цеплялись за опрокинутую пирогу. Они пытались крепко ухватиться за нее, но не могли. Маленькие коробки, служившие нам чемоданами, заключавшие все наше богатство, неслись, как в дьявольском танце, на гребне волн. Я помню, что мой ящик проплыл мимо меня. Я схватил его. Смешно даже, — какой-то странный инстинкт собственност ! Я держал его подмышкой и плыл одной рукой. Вижу, как Жан-Мари поддерживает Венета, а пятидесятишестилетний одноглазый Меней схватил в охапку Девере. Я скоро потерял из виду моих спутников.

Борьба Миров

— Далеко ли вы были от берега?

— Очень далеко. Я продолжал плыть при свете луны. Моя шкатулка наполнилась водой, и я ее бросил. Она пошла ко дну. Подняв руки, я закричал, чтобы собрать своих спутников.

Вдруг моя нога коснулась ила. Присев, я быстро заработал локтями и коленями, чтобы меня не засосало — на таком большом расстоянии от берега ил очень вязок.

Я продвигаюсь, дыша с трудом. Чья-то тень промелькнула передо мной. Это Акупа.

„А где остальные?" — спрашиваю я.

„Сзади".

„Никто не отстал?"

„Нет, все там".

В самом деле Брино, Девере, Меней ползут за нами по вязкому илу.

„Мужайся! — кричит мне Меней. — Стоит ли волноваться из-за такого пустяка!"

Этот старик был удивительно хладнокровен!

Жан-Мари был за ним, а Венет медленно полз последним...

„Вперед, — кричу я, — не бойся!"

Скоро я потерял их из виду. Не могло быть и речи о том, чтобы нести кого-нибудь, — оба были бы засосаны илом. Одышка лишила меня сил. Я почти задыхался.

Я присел на корточки, медленно погружаясь в ил. Так я отдыхал, положив руки на колени.

Присоединившийся ко мне Жан-Мари старался меня ободрить:

„Смелей, друг! — кричал он. — Пройди десять метров и отдохни. Дыши сильней. Еще сделай десять метров".

Мы добрались до берега через полтора часа. Я почти обессилел. Жан-Мари помог мне взобраться на ветви. Было очень холодно, начался дождь, луна скрылась.

Мы кричали, и товарищи ответили нам откуда-то издалека.

Мы задремали, но нас разбудил холод, ветер, голод и дождь. Когда переставал дождь, появлялись москиты. Так продолжалось всю ночь.

Борьба за мир

Несчастье было полное. Мы все потеряли. Надо было вернуться в Кайенну, единственный населенный пункт на этом берегу, и пройти двадцать километров по корневищам берега. Как это сделать? Как перебраться через Маури?

Наступил день. Мы снова кричим, нам опять отвечают. Крик приближается, — вот они! У них ужасный вид. Мы пожимаем друг другу руки. Я думаю, что каждый был бы поражен, увидев, как грязные люди, почти голые, сердечно пожимают друг другу руки ранним утром среди илистого моря!

Акупа чувствует себя неловко. Он пытается нам объяснить положение вещей. Меней делает нам знаки,—ничего не говорить ему. Для чего? Мы научились на каторге не вспоминать тяжелое прошлое.

„А где Венет?"

„Ведь он был с вами", — ответил Девере.

„Никогда!"

„Венет! Венет! — закричали мы все сразу, как будто уже догадались, в чем дело. — Венет!" — Откуда-то с моря раздался протяжный слабый крик. Мы переглядываемся.

„Венет. Венет".

Акупа, подняв руку, указывает на черную точку в иле.

„Вот он. Засосан".

Мы вскарабкались на корневища. В восьмистах метрах от берега виден пень. На нем чьи-то вытянутые вверх руки, — это Венет.

„Ве-нет! То-ва-ри-ищ! То-ва ри-ищ!"

Припав к корневищу, я снял рубаху и замахал ею в воздухе, Меней тоже замахал своим поясом. Каким образом Венет мог там остаться? Наверное это произошло потому, что он был выше и тоньше всех, а кто тоньше и легче, тот быстрее засасывается илом. Как мы его звали. Это все, что мы могли сделать для него.

„Вперед, Венет не бойся!"

Уже его окружает море. Нам кажется, что пень движется. Может быть его коле-

Жан-Мори помог мне взобраться на ветви.

блет окружающая вода? Да, это была вода. Венет уже не шевелился, а только кричал, не переставая.

Акупа заявил, что сейчас он отправится за пирогой к маяку Кан и оттуда пойдет на помощь к Венету.

„Ведь вы же прекрасно видите, что его уже засосало и что пень скрывается под водой", — сказал я ему.

Негр все же ушел.

„Идите за ним", — сказал я.

Брино, Деверс и Менеи пошли за негром чтобы привести его обратно.

„По вашим следам и нас найдут", — сказал я.

Жан-Мари остался со мной.

Мы стали вырывать корневища из ила и толкать их впереди себя, чтобы приблизиться к Венету. Вода покачивала его, но не освобождала .. Уже были видны только плечи и голова Венета.

Мы останавливаемся. Ил уже засосал нас до пояса. Становилось страшно...

„Венет! Товарищ!"

Море прикончило его... Видна только голова... А когда она исчезла, показались руки. Скоро все скрылось под водой.

„Товарищ! Товарищ!"

Но даже стона не было слышно в ответ на наши крики.

Призрачный плот

Трое наших и негр, которые отправились вперед, не достигли земли. Они присоединились к нам.

„Что с Венетом?" — спросили они.

„Он погиб..."

Наступившее молчание прервал крик Деверс:

„Я пить хочу!"

Уже четыре дня мы были в воде, но ничего не пили, умирая от жажды. Мы пробовали воду во всех лужах. Может быть там осталась вода после сегодняшнего дождя? Нет, вся она соленая.

Жан-Мари помогает мне проходить через обрывы. Кое-где через них переброшено корневище в виде моста. Кем? Для кого? Конечно, беглыми, для беглых.

„Вперед. — кричит мне Жан Мари. — Смелее!"

Перед нами бухта шириной в сто метров. Менеи и другие уже вошли в воду по плечи. Я больше не доверяю моей больной ноге, я предпочел бы, чтобы ее отрезали. Это бы мне не так мешало.

Вот мы уже перед Магучи, — скалой, возвышающейся в море. Опять кругом ил. Нужно пройти по крайней мере пять метров по илу, чтобы достигнуть реки.

Мы ищем, из чего бы сделать плот, и совершенно неожиданно находим уже готовый. Где люди которые его здесь бросили? Мы втаскиваем плот на ил, повторяя маневр, который два дня тому назад совершили с пирогой. Но сделали это уже без всякого подъема. Мы были совсем истощены. Прежде всего пить. Пить!

Все ради одного стакана воды, — вы понимаете, — все!

Опять наступила ночь. Показался свет — это фонарь Канского маяка. Мы снова подошли к нему.

Мы были полумертвы. Взобравшись на плот, мы не двигались.

Акупа стал вдруг кричать на языке окрестных негров: „Эй, челнок! челнок!"

Никто не отвечал.

Я собрал все силы и бросился в воду. Я отправился на сушу за помощью. Ближе чем на сто метров к берегу я не могу подплыть. Кругом эта проклятая отмель. Я пытаюсь ее обойти наискосок, — бесполезно. Я чувствую, что утону. Решаю возвратиться к тому месту, где оставил плот. Но его там уже нет.

Я ищу плот. Ложусь на спину, но волны не переворачивают меня. Я тону... Больше нет сил бороться, все мои члены окаменели. Я решил утонуть. В ушах зашумело. Прощай свобода! Больше я ничего не помню...

Вдруг мне в лицо пахнул свежий воздух. Сознание вернулось ко мне. Я стал дышать. „Жан-Мари! Жан Мари!"—закричал я. Сильная рука схватила меня и бросила на плот.

Акупы не было здесь. Оказывается со стороны маяка Кан прибыл челнок, управляемый двумя неграми, пожелавшими взять с собой только одного Акупу. Они заявили моим спутникам: „Подыхайте!"

„Хорошо что ты вернулся подыхать вместе с нами", — сказал мне Жан-Мари.

Плот поплыл. Он прошел до пятисот метров по направлению к островам Отца и Матери и вернулся обратно к Канскому

маяку. Фонары! Опять фонары! Постепенно плот стал распадаться, и мы начали погружаться сначала по пояс, а затем — по плечи. На поверхности воды торчали только наши головы. От плота осталось лишь несколько досок.

Деверe и Брино решили тотчас же утопиться. Я стал их уверять, что мы больше не будем погружаться.

„Почему ты так говоришь?“ — спросили они.

„Вы знаете, что я необразованный человек, но на каторге научишься многим полезным вещам. — На основании закона Архимеда“, — ответил я.

„Кого?“

Мои товарищи, если и знали о законах, то лишь о тех, которые издавались парламентом.

„Архимеда. Всякое тело, погруженное в воду, теряет в своем весе столько, сколько весит вытесненный им объем воды. Вес каждого из нас на плоту составляет приблизительно три килограмма на единицу площади. Дерево впитало уже все, что могло впитать. Если до сих пор мы больше не погрузились, значит плот больше не может опускаться. Поняли?“

„Он прав! — закричал Меней. — Ах ты, старый заяц! Он, оказывается, совсем не хочет умирать“.

Наступило молчание, как будто приближалась агония. Было очень холодно, все мы промокли до нитки. Мы так безгранично устали, что засыпали даже на несколько секунд, чтобы проснуться, когда наши головы падали в воду. Спустя минуту мы снова засыпали. Как могли мы так долго цепляться за деревянные доски? Мы думали все время об акулах и дельфинах, надеясь, что ни те ни другие нас не увидят. Акулы съели бы нас, а дельфины, желая поиграть с нами, утопили бы нас.

На заре

НАСТУПИЛ рассвет. Мы находимся только в одном километре от маяка.

„Идем вплавь за помощью, Жан-Мари?“

Подложив под грудь доску, мы отправились. Плот, облегченный, поднялся выше, и трое наших товарищей могли уже грести руками.

Жан-Мари останавливается. Он чувствует боль в боку, и не имея сил плыть больше, ложится на спину. Я изнемог в борьбе с течением. Надо знать гвианские мели, чтобы понять меня... Возле нас — рыбный затон. Ур-ра! Мы теперь найдем людей. Мы поднялись за затон, и на наши крики появился челнок с двумя неграми.

Челнок приближается.

— Пятьдесят франков! — рычат негры.

Я протестую, — до берега было триста метров. Негры удаляются. Я их зову обратно. Через две минуты мы вступаем на землю. Как мы пили!

Видя, что у меня есть деньги, негры захотели спасти остальных. Они отправились на розыски наших трех товарищей, оставшихся на плоту.

Вот и они. А они как пили! Они отдали неграм все их богатство — пять франков. Негры рассвирепели и обратились ко мне. Я отказал им. Тогда один прокаженный старик заявил, что он сейчас же сообщит полиции в Ремизе.

Мы разделились на две группы и тотчас же убежали. Меней, Девере, Брино — в одну сторону, я и Жан-Мари — в другую, условившись встретиться ночью в лесу, в известном всем нам месте.

Вечером на свиданье явились только мы одни. Меней, Девере и Брино были схвачены охотниками за людьми в пятидесяти километрах от Кайенны.

В джунглях

СКАЖИТЕ пожалуйста, Дьедоне, я не понимаю, как вы после долгого пребывания в иле стали вчера выть словно корабельная сирена, когда автомобиль обдал вас самой обыкновенной грязью на улице Увидор?

— Это должно быть потому, что я снова сделался цивилизованным. Вы можете распорядиться принести вермуту, который отлично действует при лихорадке, и папирос. Нам предстоит еще долгий разговор.

Итак, мы в девственном лесу около маяка Кан, в двадцати километрах от Кайенны. Сначала мы заснули. Мы спали всю ночь, весь следующий день и всю вторую ночь, сделав постель из опавших

листьев. Было превосходно, так же хорошо, как на матраце в отеле.

— Вы ведь ничего не ели?

— Нет, мы питались. Человек может есть все, что ест обезьяна. Мы наблюдали за ними. Вы не можете себе представить, как смешно наблюдать за жизнью обезьян. Прежде всего, они боятся воды. Знаете, как обезьяны переходят через бухту? Самая сильная хватается за высокую ветку, вторая цепляется за первую, затем каждая следующая хватается за предыдущую, чтобы перекрыть длину бухты — десять метров, двадцать метров — сколько нужно. Они никогда не ошибаются. Когда число их достаточно, они начинают раскачиваться, и последняя обезьяна хватается за ветку на другом берегу бухты. Таким образом, построен висячий мост, по которому спиной вниз проходит все обезьянье племя. Когда все обезьяны перешли по мосту, головная обезьяна, которая поддерживала всю гирлянду, отцепляется.

Но мы были здесь вовсе не для того, чтобы наблюдать, как играют обезьяны. Утром на другой день мы решили действовать.

Жан-Мари знал этот район — он был здесь на дорожных работах. Он отправился разыскивать сердобольных людей.

Я остался в лесу, заставив Жан-Мари запомнить, что наша стоянка была на севере.

— У вас был компас?

— Не нужен он вовсе! Мох — лучший проводник в лесу. В направлении на север мох растет на стволах, к югу—нет,

Оставшись один, я не терял времени даром. Я организовал „маленький буфет холодных закусок". Я подбирал все, что обезьяны бросали нед еденным. Не забудьте, что обезьяны очень расточительны. Я собирал дикие фрукты, листья, корни — все было достаточно вкусно. Если Жан-Мари не найдет помощи, — мы не умрем от голода. Ночью я услышал шум в листве. Кто-то осторожно подавал голос.

Это был Жан-Мари.

Он возвратился в сопровождении двух каких-то субъектов. Жан-Мари сделал мне знак, который должен был обозначать: лучшего я не мог найти. Каждый из них нес мешок со съестным.

Борьба Миров

Знакомимся. Один из них — Робинор, по кличке Пират, снабжающий беглых провизией, в прошлом учитель в Тулузе. Второго звали Блез, по кличке Шерстяная Нога, по профессии бродяга. Это были двое освобожденных. Отбыв наказание, они были отправлены на расстояние 7 километров от каторги, чтобы зажить здесь „новой жизью". Подобные человеческие отребья можно найти в любом китайском вертепе. Жан-Мари их там и выловил.

Они мне не очень понравились. Пират одет бедно, но чисто. Шерстяная Нога отвратительно. Сквозь дыры его лохмотьев я вижу татуировку на его теле. Босой, обросший волосами, с бесцветной бородой, беззубый. На голове какой-то бесформенный блин, который когда-то был шляпой.

Пират развязен, Шерстяная Нога подтверждает все, что он говорит. Оба они соглашаются нас прокормить, но „так как они многим рискуют, потому что они должны красться, как тигры, и к тому же все так дорого", они требуют с нас сто франков, „прежде чем поблагодарить бога за то, что это именно они, Пират и Нога, попались на нашем пути".

„Знаете ли, — добавил Пират я теперь уже должен был быть в Тулузе. Уже восемь лет, как я освобожден. Если бы я смог за эти годы отложить восемьсот франков, чтобы вернуться во Францию, вы бы меня здесь не встретили. Но за все это надо платить..."

Затем они запросили по сто франков каждому, если они найдут рыбака, который переправит нас в Ойапок.

— Вы уже снова хотите начать?

— Тысяча чертей! Жан-Мари — бретонец, а я — лотарингец, — оба упрямы. Больше того, мы заплатили бы вдвойне за продовольствие... „Что касается вознаграждения, — сказал Пират, делая этакий элегантный жест, — то я всецело полагаюсь на ваше усмотрение".

Возмущенный Жан-Мари сказал ему:

„Убирайся к чорту! Мы других найдем"

Я боялся доноса.

„Согласен!" — сказал я.

„Я делаю для вас доброе дело, — сказал Пират. — Долг каждого помогать беглецам. Если бы я был богат, я помог бы вам совершенно бесплатно".

Я заплатил.

Они опорожнили свои мешки с провизией: там были хлеб, сельди, соленое масло, шоколад, табак, спички. — „Теперь, — сказали они, — мы познакомим вас со старой одинокой негритянкой, которая может вам помочь. Пойдемте, это недалеко".

Добрая старуха

ХИЖИНА в девственном лесу. В ней — черная женщина, с виду очень старая, жует лепешку из маниоковой муки. Она поднимает голову, и ее некрасивое лицо озаряется милой улыбкой.

„Садитесь, детки", — говорит она.

Пират и Нога ушли. Она угостила нас горячим питьем из каких-то трав. Мы ей рассказываем о нашей печальной судьбе, и она внимательно слушает, часто крестясь. Когда мы стали говорить о страшной смерти Венета, она заплакала. Ее удивляет только, как это нас не съели акулы, когда из воды торчали только наши головы.

Я дал ей немного денег. Она долго не хотела их брать, но я настоял. Затем она сказала, приблизившись к моему уху, как будто нас мог подслушать кто-нибудь:

„Остерегайтесь Пирата, он на все способен. А Шерстяная Нога — идиот, нещадно им эксплоатируемый".

Скоро восемь часов. Красные обезьяны рычат, заглушая шум ветра. Вы никогда не слыхали крика красных обезьян? Как будто в горле у них свисток, честное слово! Можно было подумать, что сто человек отчаянно кричат, а в действительности это только одна обезьяна, да и та не больше ребенка.

Добрая старуха приготовила цыновки из листьев кокосового дерева. Они будут нашей постелью, а подушкой будет служить пучок сухих стеблей. Ночь стережет нас... Старуха кладет в огонь зеленую ветку, дым от которой прогонит москитов.

Как хорошо!

На заре она нас разбудила и дала выпить чего-то горячего, как мать, заботящаяся о своих детях. Затем она снова отвела нас в наше убежище, показав дорогой другие места, где можно будет укрыться в случае опасности.

„Я дам вам знать, но никогда не приходите ко мне сами"

Старуха не боялась надзирателей из числа охотников за людьми. Она боялась арабов-сыщиков, которые ходят крадучись, бессиком, и которых администрация натаскивает, как собак, на беглецов. Для арабов же беглецы — только белые поработители.

— В это время, — сказал Дьедоне, — в Париже меня считали мертвым.

Новый отъезд

ЗНАЕТЕ, сколько времени мы жили в лесу? Целый месяц.

Мы нашли громадное дерево, защищенное бамбуками и лианами. В его ветвях мы сделали постель из листьев и наблюдали все тайны джунглей: жадность тапира, который с раннего утра принимается пожирать муравьев, кривлянье обезьян. Они были чрезвычайно поражены, увидев нас в своем царстве, и не переставали рассматривать нас почти под самым нашим носом. Они подражали всему, что бы мы ни делали. Я трогал нос, они трогали свои, я играл на пальцах, они делали то же самое, я курил, они стремительно бросались вниз, чтобы поднять окурок. Будь у меня киноаппарат, я собрал бы достаточно денег, и теперь у меня был бы отличный костюм для прогулок с вами по Рио-де-Жанейро.

Вечерами мы спускались, чтобы встретиться с Пиратом. Он не знал нашей стоянки на дереве. Это было наше тайное убежище от предателей, сыщиков и собак охотников за людьми. Пират сообщал нам о новостях Кайенны. Меней, Девере и Брино, измученные жаждой, были захвачены в Ремире. Существуют люди, которые не могут долго страдать. К сожалению во время бегства страдание должно быть безгранично.

Бедняга Меней! Ведь это был его пятый побег! А с какой верой в удачу он пел, сидя на корме пироги!

Меня и Жан Мари считали мертвыми засосанными илом вместе с Венетом.

„Надо только, — говорил Пират, — упрочить эту легенду. Хорошо, что ваши товарищи сказали об этом, но то, что я делаю, будет лучше".

„Что же ты делаешь?"

„Я все глубже закапываю вас, дорогие товарищи! Всем каторжанам, которых я встречаю, я передаю ужасные подробности о вашей гибели. Тебя, Дьедоне, я

заставил погибнуть с ревом. Твои крики, которые я придумал, были слышны даже у канского маяка. Дай двадцать франков!"

„Хватит с тебя! Неужели тебе не совестно высасывать из нас кровь?"

„Мне совестно, — отвечал он, — но я хочу пить и есть. Дай двадцать франков, или я тебя воскрешу".

Пират придумывал всякие причины, чтобы помешать нам подыскивать себе другое убежище. Он якобы уже все устроил, нанял рыбака, подготовил „паруса для свободы". Так он утверждал. Он приводил нам бесчисленные доказательства, которые нельзя было проверить, о своей добросовестности, о его „преданности до гроба". Шерстяная Нога все подтверждал.

„Шерстяная Нога, — обращался к нему Пират, — правда ли, что вчера я кричал перед надзирателем: „Несчастный Дьедоне! Подохнуть таким образом"!"

„Правда", — отвечал Нога.

„Правда ли, что я уже договорился с самым опытным рыбаком гвианских морей по имени Селестат?"

„Правда!"

„Дай мне тридцать франков!"

Иной раз по два дня они оставляли нас без пищи. Они пропивали у китайца наши жалкие гроши, а мы в это время питались вместе с обезьянами.

Добрая старая негритянка не решалась больше принимать нас. В Кайенне по чему-то распространился слух о том, что мы не погибли, а скрываемся в окрестностях. Арабы шныряли вокруг нашего убежища. Мы были в безопасности только на нашем дереве, где мы прожили двадцать восемь дней, спускаясь с него только тогда, когда Пират должен был принести пищу. Во время дождя мы дрожали от холода, а при хорошей погоде нас пожирали москиты. Кроме того у нас завелись черви-гробокопатели, как будто мы были уже покойниками. Я нашел на себе целую дюжину таких червей. А фламандские муравьи! Какое мученье! Но особенно мы страдали морально. Доверие к Пирату пропадало. Деньги уходили, надежда — тоже...

На тридцатый день появился Пират в сопровождении какого-то негра.

„Меня зовут Стронг Девиль из Сен-Люси, — отрекомендовался негр. — Море я знаю от Антильских островов до Южной Бразилии и сумею пройти все мели. Уже беру с собой трех убийц, охотно возьму и вас. Восемьсот франков".

Борьба Миров

„Ты сегодня же ночью пойдешь в Кайенну, — сказал я Пирату. — Вот тебе письмо, передай его по адресу и тебе дадут тысячу франков. Пятьдесят возьми себе. Когда едем?"

„Завтра ночью", — ответил Пират, — с тремя другими, Стронгом и со мной, в хижине ста ухи. Ты дашь сто франков мне, сто — Шерстяной Ноге, сверх только-что обещанных пятидесяти.

На другой день в семь часов я и Жан-Мари были уже в хижине. Старуха перевязала раны на наших ногах. Послышался шум, — это явились трое неизвестных нам спутников. На каторге таких семь тысяч. За ними пришли Пират и Стронг, а затем — Шерстяная Нога. Все были на месте.

„Платите"! — сказал Стронг.

Пират передал мне тысячу франков. Стали расплачиваться.

„Заплати, —сказал Пират, протягивая руку и указывая на Шерстяную Ногу".

Я заплатил.

Этих троих наших спутников звали Диноперр (убийца), Луи Нис (тоже), Тиволи, по кличке Калабриец, — тоже убийца.

„Мой жена больной, — сказал Стронг, он не могла притти сюда за деньгами. Я отнесу ей их в Кайенну. Мой придет через четыре часа".

Стало быть это будет в полночь.

Но он не пришел ни в полночь ни на другой день... Какими же мы оказались круглыми дураками! Обокраденные Стронгом, выданные Пиратом. Нет ни денег ни хлеба... Ночью я сказал Калабрийцу:

„Пират должен быть в притоне у своего китайца. Пойдем к нему".

Он действительно был там. Мы заставили его немедленно отвести нас к Стронгу, но Пират был мертвецки пьян.

„Следующей ночью, — сказал он, — я отведу вас к нему".

Мы вернулись в лес. Шел дождь...

На другой день в полдень я услыхал шум возле нашего убежища. Верхушка дерева раздвинулась, и какой-то араб, просунув голову, знаками попросил меня подойти. На мгновение я отступил. Он

настаивал. Я подошел. Товарищи мои подошли за мной.

„Вы преданы, — сказал он. — Мне поручено отыскать ваше убежище. Вас ищут повсюду. Пират продал вас, но ты, Дьедоне, спас в свое время Ацугу, духовника каторжников-мусульман, когда он тонул на островах Салюта. Поэтому мы, арабы, не скажем, где вы находитесь. Я пришел тебя предупредить. За Шерстяной Ногой слежка. Бегите".

Мы бросились сквозь лианы, бамбуки, шиповник, подобно зверям, преследуемым охотниками. На нас напали мухи-безвестницы. Это не хуже роя пчел. К счастью мы погрузились в воду, и мухи оставили нас.

Луи Нис знал, где живет Стронг, и пошел туда один. Мы ожидали его с другой стороны Кайенны.

Что оставалось делать? Надо было пройти через Кайенну. Козуля и та бросается в пруд, когда дело идет о спасении. Мы разделились. Наступила ночь... Мы решили пройти через город. В течение тридцати шести дней я его совсем не видел... На улицах ни одного надзирателя... Приближаюсь к церкви... У меня заколотило в ноздрях — до того я боялся. Но охота началась, и мы вынуждены действовать. Я подхожу к Пальмовой площади. Направо от нас — госпиталь, несколько его окон освещены. Налево — почта, из нее выходит какой-то белый. Я весь съежился... Ястребы-горюбусы укладываются на ночлег, лягушки ревут. Тихо. Темно. Жутко. Но вот — кустарники. Кайенна осталась позади!

В восемь часов вечера пришел Нис. Он был у Стронга, но застал только его жену. Стронга нет дома, он оказывается ждет нас уже два дня, и его жена отведет нас к нему. Два часа хольбы. Бухта. Стронг сидит на своем ружье, покуривая трубку и смеется.

„Вы заплатили, и я пришел. Я не вор", — говорит он.

На другой вечер, — как он нам объяснил, — он встретил своего приятеля. И они пропьянствовали целую ночь.

Как раз в ту ночь мы его ждали.

Проснувшись на другой день, он узнал, что мы преданы, и поручил Пирату устроить ему новую встречу с нами.

„Каким же образом Пират не донес об этом?"

„Пират боится Стронга, у которого всегда ружье. Вот почему..."

Короче, — мы снова нашли спасителя. Негр встал и указал на тень, лежавшую на воде. Это была пирога.

Да здравствует свобода!

НАШИ сердца забились при виде этой новой пироги, так похожей на ту пирогу несчастья. Предо мной, как и пред Жан-Мари, вновь встала пережитая драма. Трое остальных, ничего не видевших, смеются, глядя на пирогу.

Она называется „Святая Цецилия".

„Это — рыба, — говорит о своей пироге Стронг и добавляет: — я доставлю вас в Ойапок".

Мы ждем, пока прилив нагонит воду в бухту.

„Акупа нас тоже уверял в этом", — говорю я Стронгу.

„Акупа? Мерзкая маленькая черная обезьяна, сухопутный моряк, ничего в нем нет хорошего. Стронг дорого берет, но Стронг вас туда доставит. Пойдемте!"

Одиннадцать часов ночи.

Пирога действительно прекрасна: сменные весла, два якоря, крепкие цепи, новые веревки, грелка, древесный уголь, провизия.

„Я человек надежный", — говорит негр.

Сразу видно, что Жан-Мари и Нис лучше всех управляют парусом. Остальные сели на весла.

„Теперь, — сказал Стронг, — говорите тише. Звук далеко разносится по воде. Могут распознать ваши голоса убийц и воров".

Мы подошли к Магури. Вот снова маленький фонарь маяка Кан. Он неизменно стоит на своем месте. Заря... Поднимаем паруса...

Стронг превосходен. Одной рукой он держит веревку, другой — руль. Он искусно маневрирует и посвистывая тащит канат.

Пирога высотой в пять сантиметров над водой, плоскодонная, чтобы лучше садиться на ил. Это проверено на практике. Приближаемся к Отцу и Матери. Я вижу то место, откуда нас начало относить... Жан-Мари тоже смотрит в ту сторону. И внезапно мы оба кричим:

„Налегай ребята! Налегай! Здесь это!" — Все наши силы и все мысли — в веслах.

Мы прошли это место.

„Ладно", — говорит Стронг и сажает пирогу на ил.

„Почему?" — спросили мы, пораженные.

Он бросил оба якоря, свернул парус и сказал:

„Стронг знает, почему".

Мы отправились в путь только на другое утро.

Наступила ночь. Вот там мы потерпели крушение. От обломков нашей пироги ничего не осталось, ил поглотил все. Мы — на могиле Венета. Грустные мысли овладели мной, я все вспомнил. Дуец или его жена зажигают у себя на острове маячный фонарь. В иле показалось какое-то корневище. Не поднимает ли он сейчас обе руки? Нет, не поднимает...

Этот кошмар длился недолго. Во мне кипело такое желание добиться свободы, что воспоминания о прошлом быстро исчезали... Ночь была прекрасна. Луна сияла. Стронг спал как негритянский святой. Надежда на успех прогнала мрачные мысли.

Когда мы проснулись, было еще темно. На том клочке земли, откуда мы бежали, был фонарь, который мы еще не видели.

„Это канская бухта, — сказал Стронг, — где „работал" Биксье Дезаж".

„Биксье Дезаж? Я его знаю".

„Я думаю! Ведь вы его видели на острове".

„Вот как он поступал, — продолжал Стронг. — Он был моим другом, жил в ста шагах от меня. Десять лет мы рыбачили вместе, на одних и тех же местах. Он брал, как я взял вас, пять-шесть воров, убийц или невиновных, желавших бежать. Особенно охотно он возил арабов, которых он любил больше всех. Он постоянно спрашивал, нет ли у меня арабов, чтобы взять их с собой в пирогу. Он довозил их до этого места, до фонаря и потом говорил: „Высаживайтесь, друзья. Надо достать пресной воды". Они вылезали, и, когда арабы были уже по пояс в иле, мой друг Биксье брал ружье, такое же как вот это".

Стронг поднял со дна пироги свое ружье.

Я раскрыл глаза и был наготове.

„Вот как это, — повторил негр. — Затем он их убивал".

Борьба Миров

Стронг снова положил ружье на место. На секунду нас всех бросило в жар.

„Кое-кто из этих арабов спасался в следующей бухте, но там, как раз у фонаря, имеется выступ, — я его хорошо знаю. У этого выступа беглецов поджидали сообщники Биксье, которые и доканчивали работу. Они распарывали беглецам животы и грабили их. Это происходило вот там, — смотрите хорошенько..."

История, рассказанная Стронгом, отнюдь не выдуманная, — все было именно так, как он говорил.

Дьедоне на минуту прервал свой рассказ. Он встал и прошелся по комнате. Он думал сейчас о самом себе. Его мысли ли перебросились на каторгу.

— Какая забытая людьми нора, эта каторга! Биксье был арестован, осужден и сослан. Он был вечником и ни разу не бежал, — он и сейчас живет на каторге среди тех, кого он убивал. А что говорят ему эти люди? Ничего! Вначале администрация, хорошо знавшая каторжан, боялась оставлять его среди них. Он был изолирован в семафоре, но предосторожность эта была излишняя. Я видел его в казарме, вместе с сотней других катержан, среди которых был брат одного из тех, кого он убил. Они вместе — палач и его жертвы — играли Марсельезу. Каторга это — уничтожение всех человеческих чувств.

— Глоток вермута, — сказал я Дьедоне, — и продолжим...

— Да. Приближалось утро. Было холодно, и мы были счастливы, — надежда на удачу нас не покидала.

„На весла!" — закричал Стронг.

Надо было видеть, с каким подъемом мы гребли.

„Имейте в виду, — сказал негр: — ошибка Акупы состояла в том, что он пытался пройти мель ночью под парусом. Надо было сделать это днем и на веслах. Вперед!"

Уже близко открытое море. Стронг отсчитывает: „раз, два, раз, два..."

Во время опасности люди хотят, чтобы ими кто-нибудь командовал. Стронг был как раз таким командиром, и мы счастли-

вые беспрекословно ему подчинялись. Мы гребли, греб и, гребли... Мутная вода стала проясняться, на ней оставались только отдельные темные пятна. Скоро она сделалась совсем прозрачной. Это — уже открытое море.

„Готово", — сказал Стронг. Мы прошли мели, даже не заметив их.

Подняли парус. Калабриец с сияющим лицом подошел к Стронгу и обнял его. Тотчас же все сразу точно сумасшедшие закричали на весь океан:

„Да здравствует свобода!"

Семь долгих дней

УЖЕ шесть дней мы в открытом море. Ветер сильный, волны злые. Пирога идет, сильно накренившись на правый бок, обшивкой вровень с водой. Мы отливаем воду тыквенными бутылками...

Стронг нам нравится все больше и больше. С трубкой в зубах он управляет всем, — парусом и отмелями. Мы взлетаем на волны, стремглав падаем с них, ни разу не сбившись с дороги.

„Налегайте, налегайте. Святая Цецилия! Напирайте. Зажги мою трубку, Калабриец".

Вот Анруаг, одна из гигантских рек, в которой есть золотоносные жилы. Мы видим, как ее желтая вода сливается с морем. Неподалеку — бухта. Стронг направляет туда пирогу, останавливает и бросает якорь.

„А теперь Стронг пойдет ловит рыбу", — говорит он, доставая со дна пироги удочку. Через полчаса двадцать рыб-челюстников бьются в пироге.

Хорошая это штука, — челюстник. — Так называли мы начальника каторги. У него были глаза такие же, как у этой рыбы, — они как бы находились вне лица. Но рыба много лучше начальника.

„Сейчас надо приняться за стряпню", — заявил Стронг. Он зажег грелку...

„Эта бухта, — сказал негр, — называется „бухтой ссыльных". Вы об этом не знали? Я, черный, познакомлю вас белых, с окрестной географией".

Не переставая есть, он стал рассказывать.

„Когда я был маленьким, совсем маленьким ребенком, я бывал там со взрослыми, которые тогда делали то же, что я делаю теперь, — переправляли беглецов. Вы, белые, еще не родились тогда не только для каторги, но и для ваших родителей. Взрослые оставляли здесь каторжан говоря: — „Ну, друзья, ступайте в воду!" — Каторжане вылезали из пироги, пирога уходила, и они подыхали в иле. Только самые сильные, самые мужественные спасались, достигая вон той вершины. Они первыми стали рубить розовое дерево и искать золото в Анруаге. Я был тогда малышом, совсем маленьким..."

Мы смотрели на Стронга. Он понял нашу мысль и сказал:

„За то время люди изменились..."

Он поднял якорь. Мы сели на весла. Через четыре часа, указывая пальцем на вершину горы, Стронг сказал: „Денежная гора".

„Денежная гора? Я ее знаю", — сказал я сам себе.

Я тоже был тогда совсем малышом. Я шел в Нанси по поручению моей матери. Она всегда говорила мне:—„Купи кофе „Денежной горы". Это — самый лучший сорт".—И вот она — эта „Денежная гора". Такая далекая и такая близкая. В то время кофе возделывали иезуиты.

„Давно уже на горе нет никакого кофе, — сказал Стронг.— На ней можно найти бронзу, лес, лианы, сорные травы..."

Море бесконечно. Идет дождь. Мы пересекаем страшное место. Стронг великолепно управляет. Луи Нис и Калабриец выкачивают воду из пироги, Жан-Мари — за рулем. Я и Другой поддерживаем равновесие, чтобы пирога не опрокинулась. Я вспоминаю, что нам было страшно. Немного или много? Теперь я точно не помню.

Мы бросили якорь в бухте и стали приготовлять еду.

Вдруг налетел сильный шквал, волны ударили в пирогу. Она страшно закачалась. Грелка и наш котел полетели кубарем. Стронг побледнел.

— Позвольте, но ведь он — негр!

— А разве вы никогда не видели, как бледнеют негры, когда есть от чего бледнеть? — усмехнулся Дьедоне...

„Гребите, гребите",— закричал Стронг,

Жан-Мари во-время поднял якорь. Ураган, вырывая корневища, швырял их в пирогу. Облака плыли над нами так низко, что казалось их можно достать рукой.

Жан-Мари встал, как будто собираясь сказать кое-что природе.

„Наплевать на тебя, — кричал он. — Если мы и на этот раз разобьемся, мы убежим в четвертый раз! — И обращаясь к какому-то неизвестному собеседнику, повторил: — Да, в четвертый раз!"

Я не знаю, к кому это относилось. Я велел ему сесть и слушаться.

Через четверть часа буран прекратился. Мы бросили якорь.

Но вот приближается новая туча. Она быстро движется, летит. Оказывается это — москиты. Они уже обнаружили нас и сейчас начнут мучить свою единственную добычу. Москиты буквально облепили нас. Наши дрова вымокли, и мы не могли зажечь „букан", чтобы дымом разогнать насекомых. Жан-Мари свалился на дно пироги, плача от боли.

Наступило утро седьмого дня.

„Сегодня, — сказал негр, — вы увидите Бразилию".

Наши сердца забились сильнее. Мы посмотрели друг другу в глаза, как бы для того, чтобы лучше увидеть нашу радость.

Ветра не было. Мы шли на веслах. Здесь было много подводных камней.

Утро было тяжелое. Мы ничего не ели Было так жарко, что мы совсем размякли от усталости. Как будто жара выдавила из нас всю кровь и все силы. Весла падают из наших рук. Мы не можем больше грести...

„Смотрите туда! — закричал Стронг. — Это — мыс Оранжевый. Бразилия!"

„На весла, друзья, на весла!"

Не нужно было повторять команду. Все оживились.

Когда я вспоминаю об этом теперь, я спрашиваю себя, — что же хорошего нашли мы на этом Оранжевом мысе? Он был такой же мрачный, как и все остальные. Но там уже нет опасности. Мне казалось, что между деревьями Оранжевого мыса я вижу тех, кто ожидает меня во Франции.

Жан-Мари тоже обалдел. Он видит на мысе свою Бретань. Он говорит „Мой Дуэ", и на его лице сияет радостная улыбка. Другой — я никогда точно не знал его имени — говорит о своей маленькой подруге на Монмартре, на улице Трех братьев. Нис и Калабриец стали вдруг балагурить по-итальянски.

Борьба Миров

Стронг продолжал курить свою трубку беспрестанно подбодряя нас.

„Гребите. Налегайте".

Поднялся ветер. Ойяпок широк как море. Пирога скользит по течению как по маслу. Вода набирается в пирогу, мы ее вычерпываем. Другой и Нис раздеваются, чтобы в случае опасности спастись вплавь. Резвый порыв ветра сорвал парус. На один миг передо мной встала сцена нашего крушения. Но нет, Жан-Мари снова ловко натянул парус. Браво, Жан-Мари!

Два часа мы несемся по Ойапоку, точно спущенные с цепи, замерзшие и преисполненные надеждой, страхом и радо тью. Наконец мы приехали! Вот вдалеке огоньки, это — Демонти, первый бразильский городок. Как хороша эта первая ночь в Бразилии.

— Прекрасно. Прекрасно. — говорим мы все вместе.

Вы конечно понимаете, что все было далеко не так уж прекрасно, но нам казалось именно таким.

Была темная ночь. Мы свернули парус и шли на веслах, стараясь совсем не шуметь. Вот показался свет, несколько домов. Стронг пристал к берегу, и мы вступили на земю. Молча, без всякого приказа, мы все, пятеро каторжан, обняли негра.

В затерянной стране

ЛЬЕДОНЕ оживился. Он хочет заставить меня почувствовать, что вырвавшись из каторги, попадаешь в еще более ужасную обстановку.

— Этим, — сказал он, — далеко еще не все было кончено...

Мы знали только название того места, где мы находились. Нет такого каторжанина, который не повторял бы его — Демонти.

Что касается меня, я мечтал о Домонти пятнадцать лет.

Борьба Миров

Теперь мы здесь. Одиннадцать часов. Черная ночь. В лесу двадцать деревянных домиков. Жуткая тишина.

Внезапно мы все пятеро пожимаем друг другу руки. Жан-Мари произносит: „Демонти!“ — и мы все повторяем: „Демонти“. Радость бурлит в нас, как буря на море. До сих пор мы должны были прятаться от всех — от людей, от собак охотников за людьми. Здесь ничего не нужно бояться. Мы только утомлены. Двадцать домов, Но для семи тысяч людей на каторге этот городок, является величайшим городом мира, ибо здесь — свобода.

Мы оставались добрые три часа на одном и том же месте, не двигаясь, говоря шопотом, полумертвые от холода, но бесконечно счастливые.

— Ошибочно думать, что счастье создано только для счастливых.

Наконец мы отправились в путь. Было наверно два часа ночи. Только-что зазвонили на колокольне. Если случайно церковь открыта, мы пойдем туда спать. Приближаемся к городу. Церковь заперта. В стороне от нее полуразрушенный сарай с фонарем внутри. Входим туда.

Это — коровник. Лежавшие коровы подняли головы. Нас увидела большая собака, она обнюхивает и трется о нас. Она не только не лает, она даже ласково виляет хвостом. С тех пор, как мы покинули жизнь, уйдя на каторгу, нас еще никто так приветливо не встречал.

Каждый из нас улегся против коровы, чтобы согреться ее дыханием.

Та, которая была возле меня, оказалась рыжей и очень ласковой.

На заре раздался шум. Мы проснулись. На нас смотрел какой-то высокий крепкий мужчина. Он догадался, кто мы такие, и, покачивая головой, ушел.

Мы не двигались.

Мужчина вернулся, неся огромный котел с горячим рисом и макаронами.

Вы понимаете, каким вкусным все это нам показалось!

Мы вышли на маленькую площадь. Нас окружили женщыны, молодые девушки, мужчины, дети. Они не боятся ни наших лиц ни наших лохмотьев. Женщины указывают пальцем по направлению к Гвиане, мы киваем головой.

Дьедоне закрыл глаза и уснул. Он всегда, заходя в мою комнату, сидел на сосновом кресле. Я думал сначала, что он сейчас проснется, но когда я ему сказал: „ладно! дальше!“—он не шевельнулся. Я вышел и возвратился через два часа. Дьедоне был на прежнем месте. Я сел за стол. Он проснулся.

— Знаете, — сказал он мне, не заметив этого двухчасового перерыва. — Мы дрожали от лихорадки, и женщины принесли нам хины. Они пробовали наш пульс, лоб, — все так просто. А ведь мы были такие грязные! Они дали нам по чашке горячего молока, и нам казалось, что мы попали в рай. Тогда таможенные надсмотрщики... Они славные люди. Они заранее знали всю нашу историю, они видали многих таких как мы, прибывших с той стороны Ойапока. Они хорошо знают, что мы ничего им не скажем. Они сообщили нам, что началась разработка золотоносных жил в Каркоенне, что туда можно пойти и что там мы найдем работу.

Мы всех поблагодарили. Луи Нис и Калабриец заявили, что они пойдут на родину. Прощайте!

Остались Жан-Мари, я и Другой.

— Почему вы его зовете, — Другой?

— Мы никогда не знали его имени. Это был бледный парень, глупый и несчастный. Его звали Другим потому, что по всякому поводу он говорил: это другое дело! Мы втроем сосчитали наши деньги. У меня было триста шестьдесят гвианских франков и двадцать граммов золота, у Жана-Мари — сто пять франков и пятнадцать граммов золота, у Другого — только семь франков.

— Мы проводим тебя до разработок, — сказали мы ему.

— Спасибо, Жан-Мари, спасибо, Дьедоне, — отвечал он, кланяясь нам чуть не до земли.

Таможенники нашли нам лодку, которая отправлялась в Керкоенну. Хозяин взялся отвезти нас за сто франков и 20 г золотого песку.

— Я сейчас вкратце расскажу вам продолжение этого эпизода, — сказал Дьедоне. — Несчастье — всегда несчастье.

Мы были в лодке вместе с шестью матросами и хозяином. Подходим к Оранжевому мысу, где лодка останавливается, чтобы закупить соленую рыбу у индейцев. Снова отправляемся и идем вдоль берега Встречаем небольшие поселки — Касоюину, Кассипоре. Через два дня показалось несколько домов.

„Это Каркоенна", — сказал хозяин.

„Мы как раз сюда едем, — остановитесь здесь".

„Нет", — засмеялся хозяин и проехал мимо.

Мы рассердились. Хозяин заявил, что он едет в Аману, что он взял нас только для того, чтобы получить деньги, и что в Каркоенне он не остановится. Где же мы найдем работу?

Утром лодка вошла в илистую бухту. В глубине видны сараи. Шесть голых индейцев пилят доски. Хозяин долго разговаривает с одним из матросов и знаками велит нам высаживаться. Держу пари на мои граммы золота, что мы были бы убиты пильщиками как волки, если бы высадились. Это были индейцы из племени „птичий глаз", самые злые. Мы отказались. „Мы вам не арабы, — кричал я,— Мы вам покажем, как иметь дело с французами!" Они конечно не поняли меня, но мой тон все же произвел впечатление. Хозяин отвез нас до Аманы.

Мы не верили ему. Ночью поочередно мы бодрствовали. Утром мы увидели новую черную и истую бухту—Аману,—настоящее гнездо преступников. Что нам д лать? В поселке одиннадцать рыбачьих бараков. Как тяжело и безотрадно нам было.

„Хозяин, — сказал я бразильцу, — двести франков за доставку нас ниже, в другое место".

Борьба Мира

Хозяин нес котел с рисом

Он захотел сверх этого пятнадцать граммов золота, — все, что у нас было,

Он может отвезти нас только до Вигии на Амазонке. Оттуда мы сможем добраться до Белема.

Белем! Двести пятьдесят тысяч жителей, наибольшая приманка для всех каторжан.

Я согласился. Он обещал отправиться через шесть дней.

Три каторжанина

ТРОЕ беглецов начали новое путешествие по морю до Амазонки. На ее легендарных берегах построен город Белем. У беглецов оставалось всего, за вычетом платы за перевоз, четырнадцать граммов золота и кредитка в десять мильрейсов (тридцать три франка).

Работы не было, — значит не было и хлеба. От голода они больны. Они отплыли из Амана, где свирепые мухи немилосердно жалили их всю ночь. Другой изнемог от качки и все время охал, лежа на дне лодки между двумя мешками сушеной рыбы.

— Он все время бредил, — говорил Дьедоне. — „Нет, нет, — бормотал он в бреду, — вы не сделаете этого, господин директор". — Директор, к которому он обращался, был далеко, в Сан Лорен-дю-Морон. „Ты слышишь, мы идем к Амазонке! Проснись!" Мы клали ему на лоб компрессы из соленой воды. Вода течет по его глазам и губам, жжет его. Он пробуждается от своего кошмара, чтобы снова впасть в забытье.

Только через шесть дней мы достигаем Амазонки. Я перенес и их,— эти дни голода, болезней, горя. Жестокие матросы ели при нас, ничего нам не давая. Но во всей нашей истории это ничего не составляет. Этот эпизод является только монотонным аккомпанементом гитары к одной и той же песне...

Амазонка

ВОТ и Амазонка. Я должен вам сказать что видеть все это чрезвычайно интересно Ни Другой, ни Жан-Мари, ни я — бедные, оборванные — никогда и не думали путешествовать, подобно исследователям, по самой таинственной в мире реке. Мы смотрели на все это, как ребенок смотрит на великолепную игрушку, которую ему сейчас подарят.

„Может быть это не для нас", — говорит Жан-Мари. Мы идем берегом, другого не видно, он зарос. Утро. Вода прозрачно-зеленая, все время по течению плывут деревья, листья, ветви. Вот уже дома. Дальше — механическая лесопилка. Потом — маяк, второй маяк. Мы прибыли к людям.

Со времени нашего побега из Кайенны прошло шестьдесят восемь дней Снова видеть дым фабричных труб, трамваи... Трамвай особенно нас поразил. Это было в Вижиа. Понимаете ли, трамвай ходит и ходит быстро! Это поразительно!

„Эй, Другой. Вставай. Посмотри-ка".

„Это Париж? — спросил он. — Крыши, люди, трамвай, автомобили". — Он вздохнул и положил голову на свой мешок, воняющий сушеной рыбой.

„Смелей! Скоро придется тебе держаться на своих ногах. Ну-ка, попробуй!"

Мы увязываем наши мешки.

Вот гавань в лесистых берегах. Лодка причаливает к деревянному мосту на сваях.

Другого будят ударом ноги. Не из грубости, а в силу необходимости. Рыбаки говорят несколько слов, долженствующих означать: избавьте нас от возни с ним. Мы уносим с собой Другого.

Старый таможенный чиновник кричит нам:

„Эй! Эй!"

Он говорит по-французски и спрашивает нас, куда мы едем.

Неужели у нас вид состоятельных людей? Мы переглянулись. Жители останавливались и с большим любопытством смотрели на нас. Входим в таможню. Чиновник знает конечно, кто мы такие.

„Вы едете в Белем?" — спросил он.

„Да, и это все, что мы можем вам сообщить".

„Ладно! Ступайте!" — сказал добрый старик.

У нас троих на все нужды осталось только четыре мильрейса и пять граммов золота Ближайшая ж.-д. станция Санта-Изабелла находится в 60 км. Но только один раз в неделю между обоими городами ходит автомобиль. Цена каждого места 10 мильрейс. В поисках работы мы обежали всю Вижию. Были на лесопилке, — нас не взяли из-за Другого — у него вид умирающего. Мы положили его в глухом переулке, а сами снова отправились искать работу. В порту работы тоже не было. Китаец-портной не взял нас, хотя мы умели шить. Справляемся, имеются ли здесь жернова для помола маниоковой муки Мы могли бы наняться вместо мулов. Оказывается, жерновов нет.

Близится вечер. Вывод уже сделан здесь не на что рассчитывать. У нас еще слишком „каторжный" вид. Остается пройти пешком 60 км.

Мы отыскиваем Другого в глубине переулка. Кто-то из милости дал ему поесть, и это неожиданно подняло его. Он пошел за нами по дороге. Девять часов вечера. Дорога пересечена лесом. Мы спотыкаемся о выбоины. Идет дождь. Нет никакого пристанища... Мы все идем и идем...

„Ты можешь итти за нами, Другой?"

Он отстает, но все же продолжает итти. Темная ночь. Я слышу, как стучат зубы Жан-Мари, — у него начался приступ лихорадки. Уже давно нам было не на что купить хлеба, точно так же обходились мы без хины. Ноги изодраны камнями. Песок, вода, земля, наши сапоги – все это еще больше усиливает боль. Кроме того у Жан-Мари лихорадка. Другой полумертвый, моя левая нога распухла... Беспрестанно льет дождь...

Мы идем вдоль телеграфной проволоки. Такова „прогулка" трех каторжан...

К утру мы сделали 20 км. Мы упали там, где были, и заснули. Спустя час мы двинулись дальше. Как тяжело снова подниматься! Мы прошли целый день, часто останавливаясь. Дорогой ели бананы, — природа угощала нас.

Борьба Миров

Дома в деревнях, которые мы проходили, сделаны из прессованного ила. Как было бы хорошо поидеть внутри такого дома один лишь час! Одну ночь!

Жители закрывают двери. Собаки лают, дети смотрят на нас издалека... Снова наступает ночь...

Другой следует за нами как автомат. В течение двадцати четырех часов он не сказал ни слова. Попрежнему льет дождь. Мы идем всю ночь. Собаки долго рычат, после того как мы проходили село. Мы увидели развалины какой-то постройки. Другой свалился у стены. Мы валимся как и он. Я сдерживаюсь, чтобы не кашлять. Другой захлебывается от кашля. Две собаки залаяли, отыскали нас и уже не переставали лаять. Мы вошли в постройку, но скоро снова зашагали по затопленной дороге.

Уже через пятьсот метров мы подошли к телеграфному столбу и упали подле него в грязь, опершись спинами о столб.

Мы сидели так часа два. Должно быть теперь уже часа три утра. Снова в дорогу. Другой следует за нами, разговаривая сам

Мы все идем и идем...

с собой. Он бредит стоя. От нас он не отстает.

Запели петухи. Вдали видны электрические огни, бледные в наступающем утре.

Привлеченный ими, Другой проходит вперед. Он идет как заводной плясун так быстро, что мы не поспеваем за ним. Он больше не говорит, но еще понимает, что говорят другие. Он понял, что это вокзал Санта-Изабелла. Он прошел в агонии шестьдесят километров. Пришел, чтобы свалиться.

Поезд в Белем отходит в четыре часа пополудни. В обычные дни плата за проезд мильрейс два цента. Сегодня — как раз последний день масленицы, — воскресенье, — и плата повышена до двух мильрейсов и девяти центов. Можно было бы заплакать, — ведь нам не на что уехать!

Люди приближаются к нам, рассматривают нас, как в музеях какие-нибудь редкости. Мы продаем им наш „план" (жестяной кошелек), — это всегда делают в момент крайней нужды. Какая-то добрая женщина покупает нам бананы.

Считаем деньги, хватит доехать. Скоро четыре часа. Мы входим в вагон. Скамейки! Мы садимся, галлюцинируя от голода и страданий.

Продавцы пирожных шныряют со своими корзинами. Все едят. Мы держимся строго, с достоинством и смотрим в сторону, чтобы не видеть пирожных.

Двенадцать станций в амазонском лесу. Потом — Белем!

Другой еще жив.

Под блестками конфетти

БЕЛЕМ! 8 часов 12 минут вечера.

Мы выходим из вагона, поддерживая Другого. Две мысли стучатся в наш мозг: первая — радостная — „мы уже приехали", вторая — пугающая — „пройдем ли мы незамеченными".

Впервые мы попали в большой благоустроенный бразильский город. Здесь уже придется считаться с полицией, ибо до сих пор мы высаживались только у заброшенных маяков, где самое злое, что мог сказать нам начальник полиции, было — „ступайте дальше"!

Мы выходим из вокзала, его огни ослепляют и опьяняют нас. Ищем какой-нибудь менее освещенный угол, находим его и уславливаемся о дальнейшем. Мы знаем, куда направиться, — у меня есть адрес товарища, бежавшего из каторги шесть месяцев тому назад. Но только где его искать? В каком направлении? Никто из нас ни слова не знает по-португальски. Я решаю итти один в стороне от людей и показать кому-нибудь адрес, написанный на бумаге. Я долго не решался остановить какого-нибудь прохожего. Наконец подхожу к хорошо одетой даме. Она несколько удивлена — ведь я так грязен: отвратительная борода, рваные сапоги. Но я стою с шапкой в руках и вовсе не похож на преступника. Она показывает мне на трамвай и дает понять, что интересующий меня адрес находится в самом конце маршрута.

Я возвращаюсь к обоим своим товарищам.

Хотелось бы сесть в трамвай, но мы не знали, сколько это стоит, — может быть у нас нет таких денег. Нам следует избегать объяснений, — мы ничего не выиграем, если привлечем к себе всеобщее внимание.

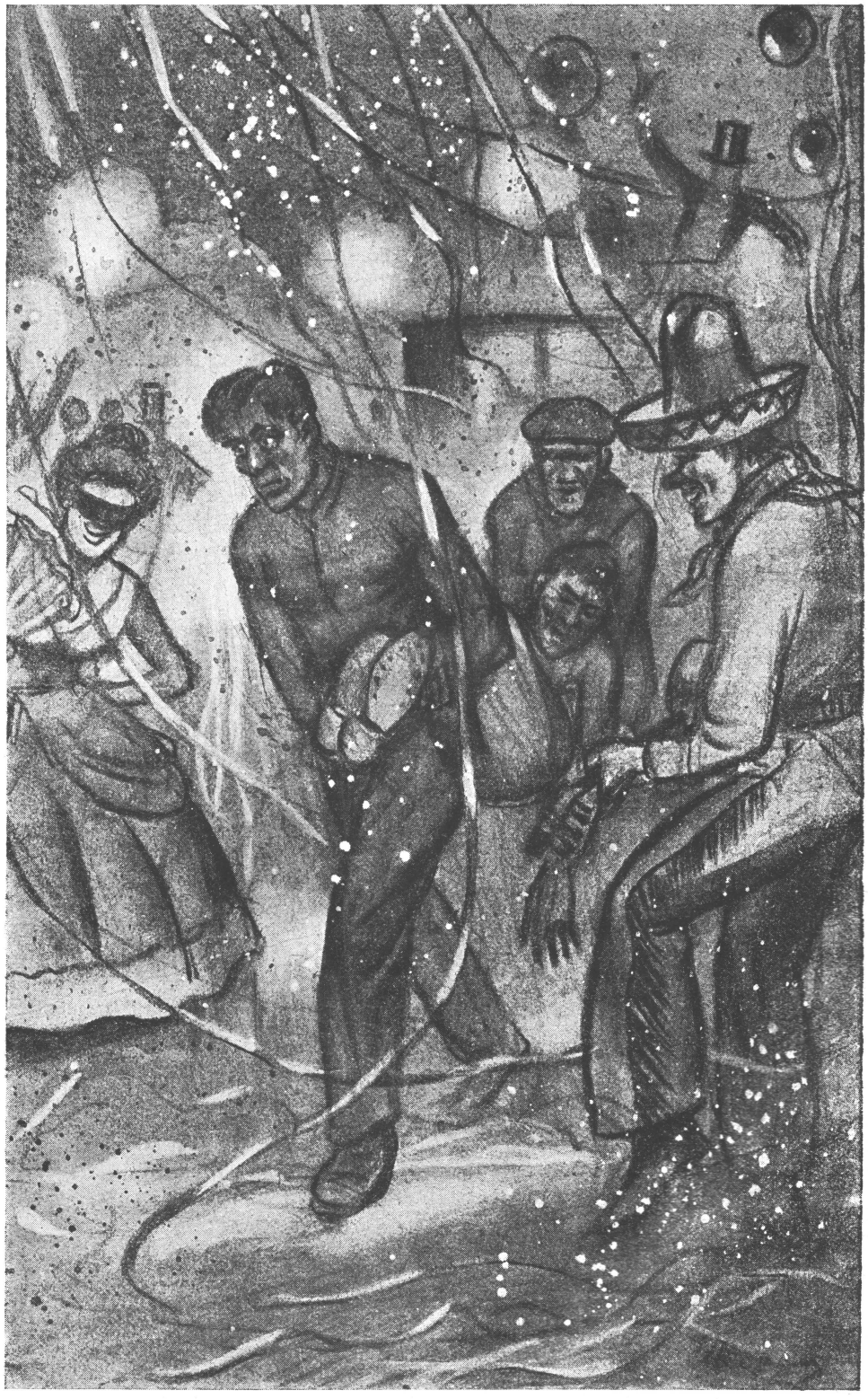
Пошли пешком.

Другой, который все еще находится в бреду, механически идет первым.

Переходим через рельсы. Больные, в рубищах, истощенные от голода. Город весь иллюминован. Играет музыка. Сегодня масляничное настроение. Через улицу, из окна в окно, люди бросают друг в друга серпантин. Проезжают автомобили, наполненные ящиками конфетти. Молодые люди опрыскивают женщин духами, те бросают в них небольшие целлулоидные мячи. На Площади Республики электрические шары делают все лица белыми. Вокруг площади кружатся кареты, в которых мужчины и женщины играют на гитарах. Получается какая-то живая карусель.

Мы осыпаны конфетти. Мы голодны и с жадностью смотрим на рестораны и кондитерские. Любопытные и маски мешают нам двигаться. Другой держится героем. Он остается на празднике, как будто он специально для этого сюда прибыл. Поддерживая его, мы медленно продвигаемся сквозь толпу. Раз десять мы спрашиваем нужный адрес. Но вот искомый номер дома. Это какой-то барак на глухой улице. Я стучу в дверь.

... Здесь я должен лишить Дьедоне слова и предоставить его Рондьеру, тому, к кому



Борьба Миров

направлялись трое каторжан, бежав из каторги. Рондьер более не живет уже в Белеме. Я встретил его в Бразилии, не в Рио-де-Жанейро, а на юге. Он ждал меня у трамвайной станции, так как мы родились с ним в одном городе и может быть вместе играли, сами того не зная.

— Было десять часов вечера, когда кто-то постучался, — рассказывал мне Рондьер.—Я уже спал. Взяв свечу, я открыл двери и вижу троих оборванцев, осыпанных конфетти и увешанных серпантином. Особенно поразили меня их глаза, впавшие от голода и страданий. Я сразу догадался, в чем дело, — ведь я сам такой же.

„Евгений"! — воскликнул я.

„Да, это я" — ответил он. Они вошли. Я никогда еще не видел таких изнуренных людей.

„Сколько времени ты в пути?"

„Семьдесят два дня", — ответил Дьедоне перекошенным от жажды ртом.

Я дал им воды и хлеба. Вдруг я заметил среди них одного умирающего, который уже агонизировал.

„Кто это?"

„Тоже оттуда", — ответил Дьедоне.

„Надо сейчас же отвезти его в больницу. Это необходимо сделать, прежде всего для него, а затем для нас самих. Если он умрет здесь, хороши мы будем".

Умирающий уже не мог двигаться, а у нас не было денег, чтобы взять извозчика.

„ Вот что, — сказал я Жан-Мари, — ты еще силен, я тоже. Мы понесем его на руках. Так как сейчас масленица и на улице — маскарад, подумают, что мы дурачимся".

Я оделся и взял Другого, — как его называли, — и мы четверо вышли на улицу.

Надо было пройти в район Санто-Каза, в одном километре от моего дома.

Сначала я нес его один. Когда мы достигли улицы, где был карнавал, я понес Другого вместе с Жаном-Мари.

„Собирай конфетти и бросай в нас, — сказал я шедшему сзади Дьедоне. — Мы будем походить на группу подгулявших кутил".

Он бросил в нас несколько пригоршней конфетти. Я снова взял на спину товарища, когда мы прошли освещенные места. Он не спал. Это была все-таки тяжелая ноша.

Мы пришли в Санто-Каза.

У нас не спросили никаких документов. Там была сестра милосердия француженка, уже видавшая таких как мы.

„Еще один"! — сказала она.

Утром он скончался. Это было для него освобождением.

Новая жизнь

На другой день, — рассказывает Дьедоне, — я вымылся и побрился. Какой-то русский одолжил нам пять мильрейсов. Я купил на них рубашку для себя и Жана-Мари.

— То есть две рубашки?

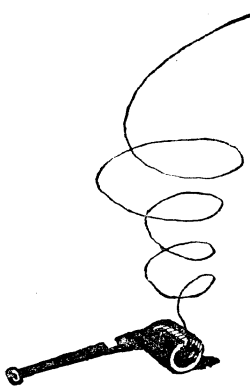
— Нет, одну. Мы носили ее поочередно, смотря по тому, куда мы должны были итти. Так как Жан-Мари несколько полнее меня, то рубашку я выбрал среднего размера. Когда я вернулся, Рондьер дал нам поесть хлеба с маслом. Я отправился искать работу.

Вижу вывеску: фабрика мебели. Я предложил свои услуги. Меня наняли, и через час после обеда я уже работал.

На другой день я чувствовал себя превосходно. Я помог устроиться Жану-Мари.

Я снял комнату. Я уже не каторжанин Евгений Дьедоне, а мебельщик Мишель Даниель. Спустя пятнадцать дней я сам пошел в полицию за паспортом, установленным в Южной Америке. У меня было удостоверение от моей квартирной хозяйки и с места службы. Я дал свою фотографическую карточку, и мне выдали паспорт. Я официально стал Мишелем Даниель-

Пер. с франц. *М. Раппепорта*



Школа детективных рассказов

П. ВУДХАУЗ

Иллюстрации Б. Антоновского

Существует странный факт, не раз отмеченный вдумчивыми наблюдателями: большинство великих напастей обрушивалось на человечество самым коварным образом, без всякого предупреждения.

Вот например в средние века все шло совершенно мирно и нормально—рыцари бились на копьях, свинопасы откармливали свиней, землевладельцы чинили суд в своих поместьях, судились между собою и занимались тому подобными делами — как вдруг однажды утром,—было это во вторник, за шесть недель до Петрова дня,— не ий паж, шедший по дороге между Соуимптоном и Уинчестером (там, где сейчас стоит водокачка), повстречал одного молодого слугу и вступил с ним в беседу согласно светским обычаям того времени.

— Ну, что у вас слышно? — спросил паж.

— А у вас что? — вежливо отозвался слуга. После этого, как обычно бывает, когда два провинциала сойдутся поболтать, наступила пауза минут на двадцать. Затем паж заговорил:

— В моей деревне случилось удивительное происшествие. Все говорят, что тут что-то неспроста: старик Бипль с мельницы вчера внезапно почернел.

— Почернел? — переспросил слуга, почесывая затылок.

— Вот именно, почернел.

— Клянусь святым Джемсом, тут кроется что-то неладное! — воскликнул слуга. — В моей деревне, Джордж, коровий пастух тоже почернел.

— Не может этого быть!

— Воистину это так!

Почему бы это?! — воскликнул паж.

— Не сумею тебе сказать, Не очень я сведущ в черных людях.

А спустя неделю черная смерть свирепствовала по всей стране.

Подобным же образом, неслышно и как бы украдкой, поток современных таинственных рассказов наводнил Британские острова. Мы по горло завалены этими рассказами, и все время появляются новые. Повидимому в человеческом организме действует сейчас какой-то яд, который побуждает самых лучших писателей сочинять бросающие в дрожь рассказы. Это бы еще с полбеды, но, к несчастью, этот яд действует и на самых плохих писателей. В результате Англия превратилась в сумасшедший дом, полный одержимых, читающих детективные рассказы. И девяносто девять рассказов из каждых ста — хлам.

Мысль, внушающая беспокойство.

Рядовой человек пожалуй и не представляет, как трудно справляться с этим делом. Будь у меня сын, собирающийся писать рассказы о сыщиках, а если бы у меня был сын достаточно взрослый для того, чтобы держать в руке перо, он наверняка и писал бы рассказы... Так вот, будь у меня такой сын, я отвел бы его в сторонку и попытался бы указать ему на некоторые, лежащие на его пути, трудности.

— Джемс (или Джон), — сказал бы я, — подумай-ка хорошенько! Никогда не забывай, что над каждым детективным рас-

сказом витает тень зевающего читателя. Ты рассказываешь ему, что сэр Грегор Бельстрод был найден убитым в своей библиотеке. „А кому какое дело?“ — спрашивает он. Ты прибавляешь, что все двери и окна были на запоре. „Так всегда бывает“ — говорит он. „И подозрение падает по крайней мере на дюжину человек!“ — вопишь ты. — „Так, так, — бормочет он и клюет носом, — в конце концов оказывается, что один из них и есть убийца, не так ли?“

Вот в этом то и горе: поле подозрений в детективном рассказе ограничено. Вам известно, что ни герой, ни героиня не повинны в убийстве. Вы уверены, что Реджи Бэнкс тоже не мог убить: он комический персонаж, а малейший признак юмора у героя детективного рассказа автоматически исключает его из числа кандидатов в преступники. Не мог быть убийцей и дядя Джо. Ведь о нем ясно сказано, что он ласково обращается с собаками.

Итак вам остается предположить, что убийство совершил какой-нибудь неинтересный, второстепенный герой, который появляется чуть не на последней странице.

Мрачный сыщик.

Сухой сыщик.

Если бы я стал писать детективный рассказ, я бы смело пустился в погоню за большой сенсацией. У меня преступник вовсе не был бы одним из героев. Вот несколько абзацов из небольшой вещицы, которую я мог бы написать в какую-нибудь пару недель, если бы у меня лежала душа к этому виду литературы.

— Вы говорите, Джернингхэм, — воскликнул я, задыхаясь от волнения, — что вы разрешили эту потрясающую загадку. Ужели вы в самом деле знаете, кто заколол сэра Ральфа восточным кинжалом для разрезания книг?

Трэверс Джернингхэм молча кивнул головой. Меня поразило, что он не проявил никакого удовлетворения, которое естественно было бы ожидать в подобном случае.

— Да, знаю, — ответил он спустя две-три минуты.

— Но почему у вас такой мрачный вид?

— Потому, что преступников невозможно предать в руки правосудия.

— Преступников? Значит их было несколько?

— Их было двое, Вуджер. Двое самых отъявленных злодеев какие когда-либо сжимали в руках рукоятку кинжала. Один держал сэра Ральфа, другой закалывал его.

— Но если вы так уверены в этом, Джернингхэм, то почему же вы не в силах заставить негодяев понести заслуженное наказание?

Трэверс Джернингхэм горько рассмеялся.

— Потому что их вовсе нет в рассказе. Эти дьяволы настолько хитроумны, что укрылись на обложке книги. Убийцы сэра Ральфа Рэкстроу — господа Худдер и Стоутон, издатели книги. Конец.

Вот это была бы изюминка. А именно изюминки и не хватает большинству детективных рассказов.

Следует отметить, что здесь я изобразил, так сказать, заурядного сыщика. Трэверс Джернингхэм, если я когда-нибудь выведу его в рассказе, будет именно одним из таких ненавидящих болтовню любителей-сыщиков с ястребиным лицом. По-моему, если вы собираетесь вывести в рассказе сыщика, — любитель самый лучший сорт, каким можно воспользоваться.

Другие разновидности этого типа разумеется таковы:

а) сухой,
б) мрачный,
в) пылкий,

и все они мне не очень нравятся.

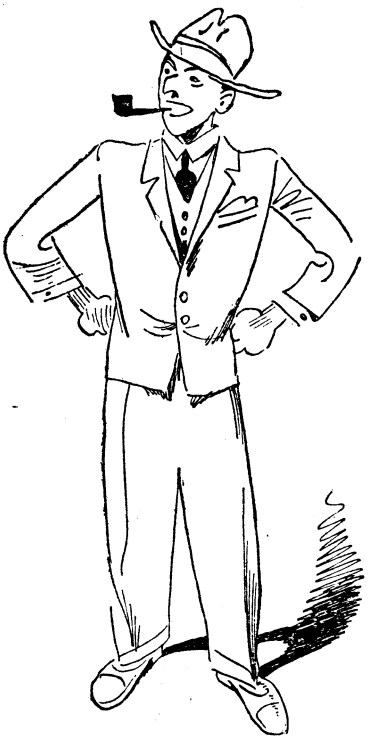
Сухой сыщик — человек пожилой. Он носит пенсне и забавную шляпу и как-то по особенному кашляет. Он хлопотун и обладает замашками старой девы. Конечно, если вы попробуете припереть его в угол, он внезапно наградит вас ударом кулака, как заправский боксер-профессионал. Но, выйдя из затруднительного положения, он становится просто надоедливым человеком.

Однако не таким надоедливым, как мрачный сыщик. Этот разоблачает преступников при помощи специальных познаний в области ядов и прочих вещей в этом роде и нападает на след злодея, после того как ему удалось выяснить, что злодей определенный брахицефал [1]. Эти мрачные сыщики — настоящий бич читателя.

Пылкий сыщик — новейшее изобретение. Он жизнерадостный юноша с независимыми денежными средствами. Он пользуется любовью у представителей Скотленд Ярда и зубоскалит на их счет. Иногда инспектор Фарадей отрицательно качает головой, выслушивая предположения юноши, но он же первый признает, что у Тони Делраймпль чертовское уменье оказываться правым. К тому же этот милейший парень такой очаровательный непринужденный болтун. От него никогда не услышишь таких речей, как например: „Хольмс, кто совершил это ужасное злодеяние?“ Насилие над личностью, конечно над чужой, не может испортить настроение Тони. Зрелище мертвого тела приводит его в самое бесшабашное веселье.

Борьба Мирсз

„Так вот этот веселенький трупик, — не так ли, инспектор? Отлично, отлично! Башка проломлена и подпорчена сонная артерия? Тэк, тэк, мамаше это вовсе не понравится. От вас конечно не ускользнул тот факт, что торговец, который распотрошил этого малого, левша и носит пробор посредине? А ловко он его обработал, не правдали ли?“



Пылкий сыщик — новейшее изобретение.

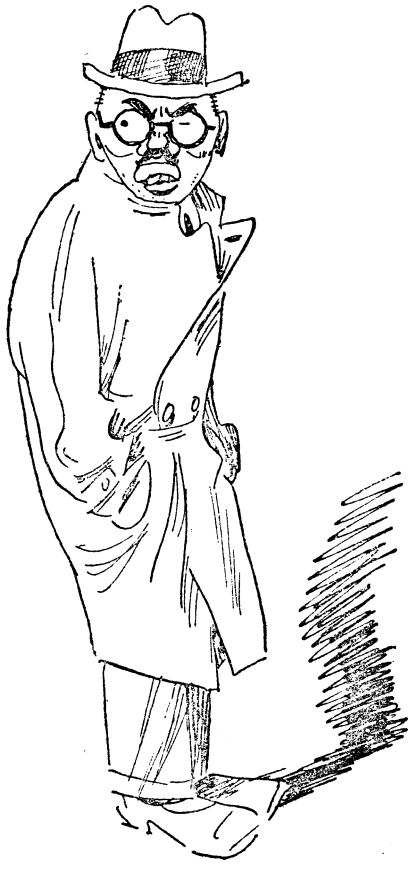
[1] Брахицефал — человек с черепом удлиненной формы.

Борьба Миров

Не слишком привлекательный молодой человек. Но, скажу с сожалением, тип этот чем дальше, тем больше распространяется. В наше время вы встречаете его повсюду.

Лучшие сыщики — Эдгара Уоллеса — всегда сыщики Скотленд Ярда. Для публики, пресыщенной блестящими сыщиками-любителями, в сыщике из Скотленд Ярда есть что-то успокоительное. Такому сыщику можно доверять.

Если бы я никак не смог отговорить моего сына от писания детективных рассказов, я бы посоветовал ему сделать своего героя более официальным. Тогда он пользовался бы помощью Регистрационного и Дактилоскопического департамента, а если бы пожелал воспрепятствовать злодею покинуть Лондон, мог бы отрядить три тысячи полисменов для наблюдения за всеми дорогами.



Зловещий преступник из Ассама.

Правда, злодей все-таки сбежал бы, но не станете же вы отрицать, что это очень мило — пользоваться симпатией и моральной поддержкой трех тысяч полисменов.

Итак я хорошо уяснил Джемсу или Джону (судя по тому, как его звали бы) одну половину дела — вопрос о сыщике. Теперь предстоит преодолеть гораздо более серьезную проблему. Как быть со злодеем?

Злодеев можно, грубо говоря, разделить на три категории (из которых одна глупее другой).

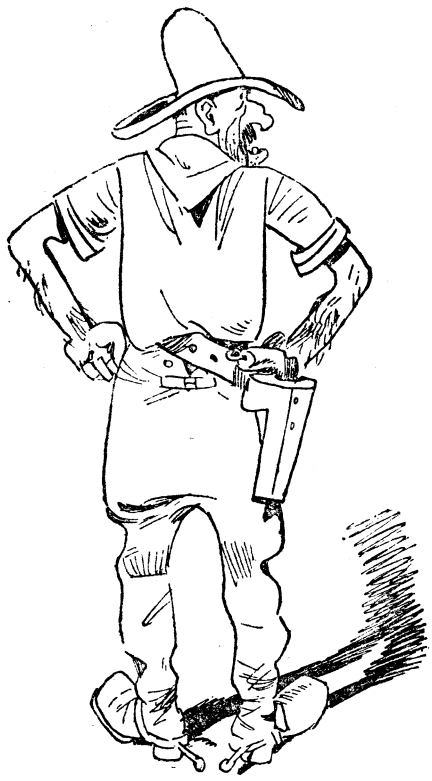
а) Зловещие люди из Китая или Ассама, или Индии, или Тибета в погоне за украденными из храма драгоценностями.

б) Люди с жаждой мести, которая тридцать лет подряд сохраняет свою свежесть.

с) Преступники-мастера своего дела.

Что касается пункта „а", я бы посоветовал Джемсу испробовать сначала все остальные возможности. Мне думается, что зловещие выслеживатели драгоценностей уже слишком в большом ходу. К тому же эти национальности, откуда английские авторы выкапывают своих злодеев, стали нынче очень чувствительны, обладают повышенным чувством собственного достоинства. Сделайте вашего убийцу китайцем, и через неделю после выхода вашего рассказа в контору издателя посыпятся протесты, подписанные „Испытывающим отвращение" (Пекин) и „Матерью пяти" (Ханькоу). Направьте свое перо в другое место и вы натолкнетесь на „Отца семейства" (Ява) и „Справедливость" (о. Борнео). Не стоит того.

Но и мысль обратиться к пункту „б" таит в себе мало приятного. Наш век такой практичный, такой деловой. Мы уже не можем так легко, как наши отцы, поверить в человека, который четверть века лелеет свою месть. Все это было хорошо в старые годы, когда развлечений было меньше. Но сейчас, когда есть гольф и теннис, и кроссворд, и сезон просто скачек и скачек с препятствиями, и приходится досматривать за машиной, и прогуливать собаку, и надо усвоить все тонкости игры в бридж, — кажется просто невероятным, чтобы у человека было время неотступно направлять свою мысль



Человек с тридцатилетней жаждой мести.

на неприятность, случившуюся ранней весной 1904 года.

Все эти соображения приводят нас к последней категории — к преступникам-мастерам своего дела.

Психология преступника-мастера недоступна для моего понимания. Я могу проследить ход мыслей человека, который, желая отложить малую толику на черный день, отравляет своего дядю, подстреливает кузенов и подделывает завещание. Это — деловое предприятие, основанное на здравых коммерческих принципах.

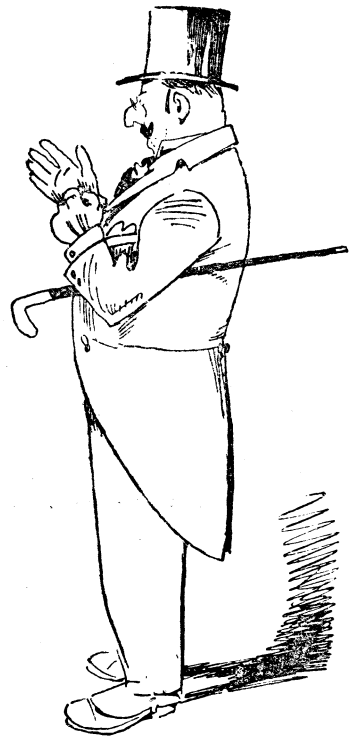
Но преступник-мастер не нуждается в деньгах. У него достаточно запасено всего. Считая одни только рубины Деланси, жемчуга Стюйвезанта, монурезовскую картину Гольбена и украденные из банка облигации, — он должно быть „засолил впрок" больше миллиона. Так чего же еще ему недостает, чего ради он продолжает свое занятие? Почему не удаляется на покой?

Но, как вы думаете, можно его убедить? Да ни за что на свете, хоть миллион лет старайтесь!

Борьба Миров

Я только-что прочел новейший рассказ об одном из этих несчастных сумасбродов. Чтобы совершить свои преступления, он был принужден жить в полуразрушенном подвале на вонючей набережной, выдавая себя за содержателя меблированных комнат. А все досуги проводил за колкой дров на заднем дворе. По самому умеренному подсчету, за вычетом жалованья, которое он платил своим подручным — одноглазому китайцу, рябым мексиканцам и поножевщикам, глухонемым, он обладал капиталом от двух до трех миллионов фунтов.

Он мог бы иметь яхту, вереницу автомобилей, дом на Гронсвенор-Стрите, порядочное поместье, охотничий замок в Шотландии, виллу на Ривьере и беговую конюшню. Он мог бы издавать газету, возродить британскую оперу. Но нет, он почему-то предпочел продолжать



Преступник — мастер своего дела.

жить в своем подвале на берегу реки, затопляемом при каждом подъеме воды.

Прямо не знаешь, — смеяться над ним или плакать.

Припоминаю еще одного преступника-виртуоза, такого же богача, задавшего всей своей шайке работу на несколько недель: прорыть подземный туннель в банк. И, как бы вы думали, сколько он заработал на этом деле? Двенадцать тысяч фунтов. Не гиней, фунтов! Стоила ли игра свеч? Почти столько же мне заплатят за эту статью.

Может быть, Джемс, тебе лучше избегать всех трех упомянутых мною типов злодеев и держаться „Дьявола в человеческом образе". Эта разновидность имеет то огромное преимущество, что такого злодея не надо делать правдоподобным. Он маньяк, одержимый манией убийства, и как таковой может не извлекать из своих поступков никакого проку. Человеку с тридцатилетней жаждой мести мы говорим: „Но посудите сами, дорогой! Если вы воткнете этот нож в сэра Джорджа, что останется у вас в будущем? Что вы станете делать в долгие зимние вечера, лишившись возможности лелеять мечту о мести?" Преступнику-мастеру мы указываем, что он доставляет себе уйму хлопот, чтобы увеличить на какие-нибудь гроши свой и без того уже непомерно большой капитал. Неужели это такое большое удовольствие — надевать фальшивые бакенбарды, выстаивать холодную ночь под окном спальни героя и накачивать через окно ядовитый газ. И уж конечно ему не нравится карабкаться по скользкой крыше, чтобы сбросить в дымоход кобру. Но „Дьявола в человеческом образе" мы одобрительно похлопываем по спине и напутствуем его веселым пожеланием. „Счастливо, дьявол, счастливо, старина! Можешь заходить так далеко, как тебе будет угодно".

Он любезно скрежещет зубами и с звериным рычанием начинает злодействовать.

Пер. с англ. *К. Ксаниной.*

ОТ РЕДАКЦИИ. „Мы никогда не спим" — девиз агентства Пинкертона, одной из крупнейших частных сыскных контор. Действительно, агентство „неусыпно" следит за настроением рабочих масс, выслеживая организаторов профсоюзов, членов стачечных комитетов и вообще всех революционно настроенных рабочих. Сотни капиталистов пользуются его услугами, но бюро Пинкертона тщательно скрывает свои истинные задачи, афишируя свою „высокополезную" и в действительности очень небольшую работу по розыску всяческих уголовных преступников.

Тысячи рассказов о подвигах „короля сыщиков—Ната Пинкертона"—написаны только для того, чтобы оправдать перед читателем деятельность сыскных бюро и замаскировать их действительную „работу".

В своей юмореске „Школа детективных рассказов" английский писатель П. Вудхауз вовсе не собирается разоблачать „охранительную роль" рассказов о сыщиках. Такое разоблачение не к лицу салонному буржуазному романисту. Но вскрывая антихудожественность детективных рассказов показывая нежизненность штампованных фигур сыщиков и злодеев, Вудхауз даже против своей воли вскрывает всю фальшь миллионной продукции рассказов о сыщиках.

С большой иронией Вудхауз объявляет, что „в сыщике из Скотланд-Ярда есть что-то успокоительное. Такому сыщику можно доверять". В самом деле, буржуа должен „доверять" сыщику-охранителю его собственности.

Типография „Красной газеты" им. Володарского, Ленинград, Фонтанка, 57.

Ленинградский Облистлит № 40130. Заказ № 1907. Тираж 70.000 экз.

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ

— НА —

Вокруг Света

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ

ЖУРНАЛ

РЕВОЛЮЦИОННОЙ
РОМАНТИКИ
ПУТЕШЕСТВИЙ
ОТКРЫТИЙ
ИЗОБРЕТЕНИЙ
ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ
ФАНТАСТИКИ

ИЗДАЕТСЯ В ЛЕНИНГРАДЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ ГАЗЕТА"
ЛЕНИНГРАД 2, ФОНТАНКА, 1

Приложение к журналу «Вокруг Света».